
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 35 АВГУСТ 1984

Прага. И. Мецински (ГДР) установила в Праге мировой рекорд в метании диска. (Телефото ЧТК — ТАСС).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 35 (2980)

25 АВГУСТА 1984

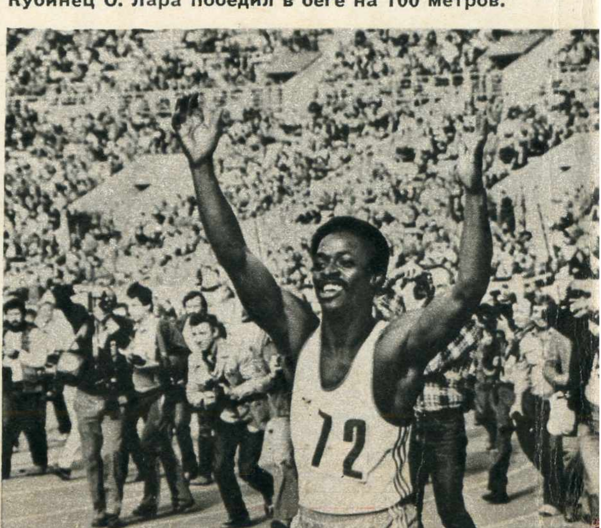
Фото А. БОЧИНИНА

СПОРТ,

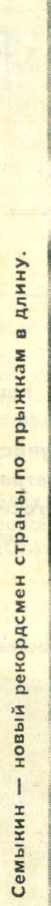
Е. Дендеберова (СССР) завоевала первенство в комплексном плавании на 400 метров с новым всесоюзным рекордом 4 минуты 43,78 секунды. Слева — К. Норд (ГДР).

Кубинец О. Лара победил в беге на 100 метров.

К. Семыкин — новый рекордсмен страны по прыжкам в длину.

ДРУЖБА, МИР

См. стр. 7.

Перед последним этапом эстафеты 4×400 метров.

София. Болгарская спортсменка Диляна Георгиева завоевала первенство в многоборье по художественной гимнастике. (Телефото БТА — ТАСС).

М. Абэбэ и Н. Дередже (Эфиопия) и Ли Чон Хен (КНДР) — призеры марафонского бега.

ОТЛЕТ ДЕЛЕГАЦИИ

По приглашению ЦК РКП, Государственного совета и правительства СРР для участия в торжествах по случаю 40-летия освобождения Румынии от фашистского ига 21 августа из Москвы в Бухарест отбыла советская партийно-правительственная делегация во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров РСФСР В. И. Воротниковым.

На аэродроме делегацию провожали член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, другие официальные лица.

На снимке: во время проводов на аэродроме.

Фото А. Награльяна

ЛЕТОПИСЬ ГЕРОИЗМА

Словацкое национальное восстание вспыхнуло 40 лет назад, 29 августа 1944 года. Авангард народа — рабочий класс, руководимый Коммунистической партией, с оружием в руках поднялся на борьбу против германского фашизма и марионеточного клерикально-фашистского режима. Восстание стало одним из самых значительных событий в новейшей истории братской Чехословакии.

У входа в здание секретариата Компартии Словакии в Банска-Бистрице.

Советская радистка Тамара.

...Боевые акции в тылу гитлеровских армий первыми начали партизаны. Вскоре к ним присоединились патриотически настроенные армейские части, отряды народного Сопротивления. Уже к 30 августа повстанцы контролировали две трети территории Словакии. В городе Банска-Бистрице, ставшем столицей восстания, действовал Словацкий национальный совет, находился штаб восстания, активно работал вышедший из подполья ЦК Компартии Словакии, члены которого Густав Гусак, Карол Шмидке, Ладислав Новомеский состояли в президиуме национального совета.

Решающую по своему значению помощь Словацкому национальному восстанию оказал Советский Союз в ходе Карпато-Дукельской операции. Несмотря на то, что первоначально советское командование не планировало переход Карпат, оно в очень короткие сроки подготовило и начало осуществлять эту сложнейшую операцию. Вместе с советскими войсками сражался 1-й Чехословацкий армейский корпус, сформированный в СССР. Дукельский перевал в Карпатах народ по праву называет воротами к свободе.

Многочисленные нацистские силы на этом участке советско-германского фронта были скованы, ослаблен немецкий тыл и фактически блокированы многие прифронтовые пути сообщения. На будущую свободную территорию советские самолеты доставляли оружие, боеприпасы, необходимое снаряжение. Первые самолеты приземлились на аэродроме «Три Дуба» уже в ночь с 4 на 5 сентября, а в дальнейшем помощь из СССР шла непрерывным потоком на всем протяжении партизанской борьбы. В Словакию прибыли также группы опытных советских организаторов партизанской борьбы. А. Н. Асмолов стал заместителем начальника главного штаба партизанского движения в Банска-Бистрице. Вместе со словаками сражались чехи, советские граждане, болгары, французы, поляки, югославы, румыны, немецкие, венгерские и другие антифашисты.

Благодаря советской помощи свыше двух месяцев сражался восставший народ с превосходящими силами фашистов. Восстание положило начало новой жизни не только в Словакии, но и на всей чехословацкой земле, явилось началом национально-демократической революции, переросшей позже в революцию социалистическую. Густав Гусак в своей книге «Свидетельство о Словацком национальном восстании» писал: «Словацкий народ содействовал своей и нашей свободе достойным вкладом. В борьбе против фашизма его никак нельзя считать небольшим народом среди европейских народов».

Об этой героической странице истории чехословацкого народа сняты фильмы и написаны книги. Но особую ценность представляют воспоминания очевидцев тех дней, непосредственных участников восстания. Мы хотим представить читателям «Огонька» одного из них — Ивана Секея, фоторепортера повстанческих соединений, живущего ныне в Братиславе. Он не был военным, когда народ поднялся на борьбу. Однако с самого первого и до последнего дня Словацкого национального восстания не расставался с фотоаппаратом, который и стал его оружием. Всмотритесь в снимки Ивана Секея. В год сорокалетия народного восстания они говорят лучше всяких слов.

Елена КРАЛИКОВА,
корреспондент журнала
«Свет социализму».

Братислава.

Таким был фоторепортер восстания сорок лет назад.

Академик
Георгий Константинович БОРЕСКОВ

Советская наука понесла тяжелую утрату. 12 августа 1984 года на 78-м году жизни скончался выдающийся советский ученый, крупный организатор науки, член президиума Сибирского отделения Академии наук СССР, директор Института катализа СО АН СССР, Герой Социалистического Труда, академик Георгий Константинович Боресков.

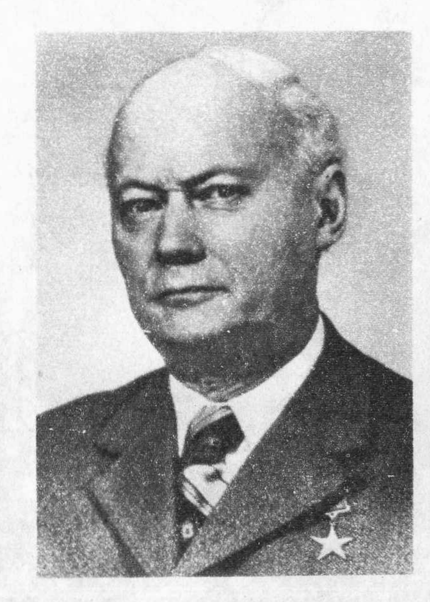
С именем Г. К. Борескова связаны крупные достижения отечественной и мировой науки в области катализа, важные технологические решения для многих отраслей химической промышленности.

Г. К. Боресков родился 20 апреля 1907 года в городе Омске. После окончания в 1929 году Одесского химического института работал в Физико-химическом институте имени Л. Я. Карпова, Московском химико-технологическом институте имени Д. И. Менделеева, а с начала организации Сибирского отделения Академии наук СССР возглавил Институт катализа, которым руководил до последних дней своей жизни.

Г. К. Боресков внес крупный вклад в развитие теории и практики гетерогенного катализа. Основополагающее значение имеют его работы в области механизма каталитических реакций и предвидения каталитического действия, кинетики каталитических процессов, их математического моделирования и реализации в нестационарных условиях. Он гармонично сочетал талант исследователя и инженера. Под его руководством разработан целый ряд важных промышленных катализаторов и процессов на их основе, в том числе для производства серной кислоты.

За выдающиеся научные достижения в 1958 году Г. К. Боресков был избран членом-корреспондентом, а в 1966 году — действительным членом Академии наук СССР. Являясь признанным руководителем советской школы по катализу, он проводил большую научно-организационную работу, был председателем научных советов Государственного комитета СССР по науке и технике и Академии наук СССР по проблемам катализа и его промышленного использования, организатором координационного центра по промышленным катализаторам стран — членов СЭВ. Принимал активное участие в подготовке научно-технических кадров. С 1960 года руководил кафедрой Новосибирского государственного университета.

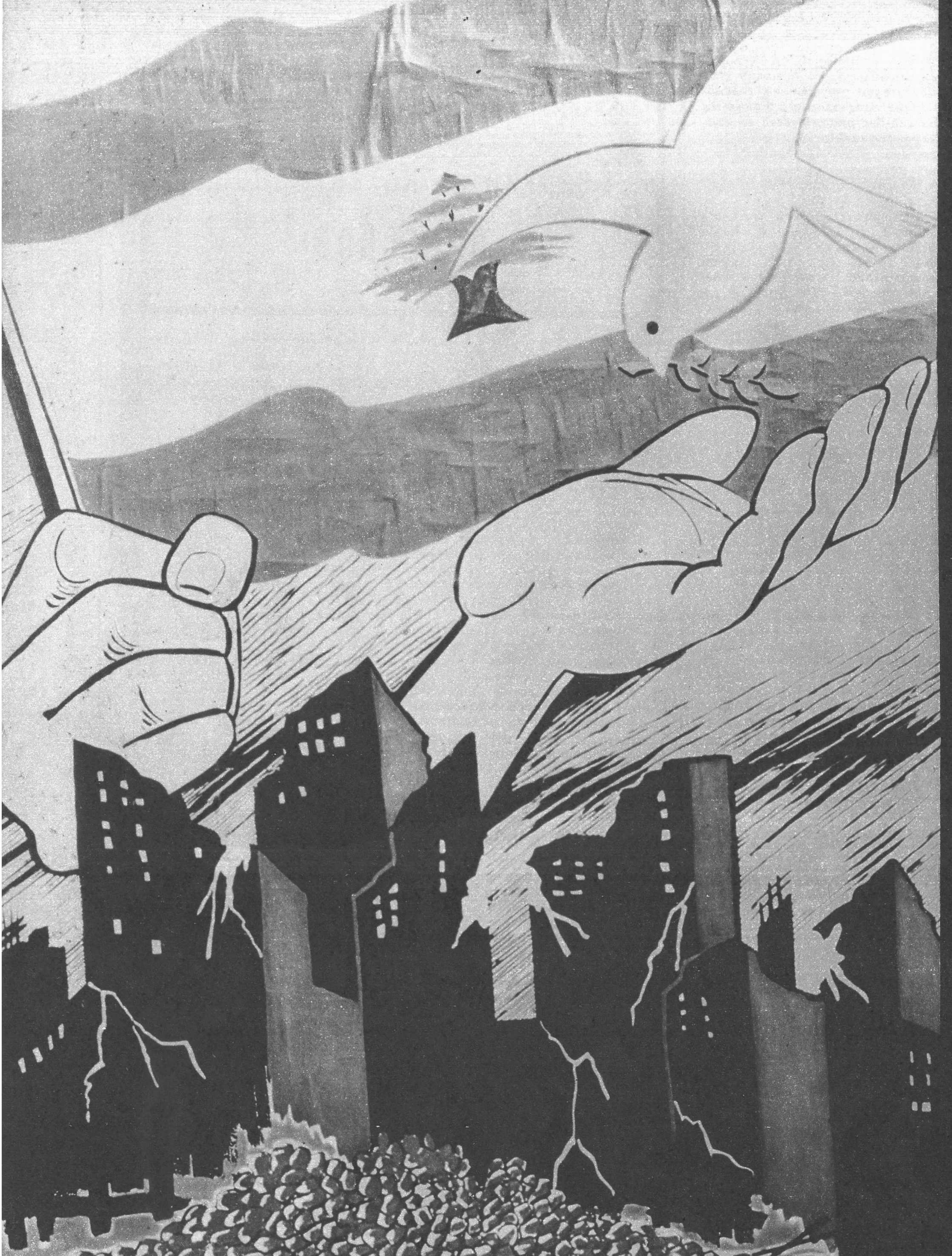
О международном признании научных заслуг Г. К. Борескова свидетельствует избрание его президентом Международного конгресса по катализу и членом ряда зарубежных академий.

Заслуги академика Г. К. Борескова высоко оценены Коммунистической партией и Советским государством. Ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда, он награжден тремя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», дважды удостоен звания лауреата Государственной премии СССР.

Светлая память о Георгии Константиновиче Борескове, замечательном ученом и инженере, обаятельном человеке и патриоте своей страны, навсегда сохранится в сердцах советских людей.

К. У. Черненко, Г. А. Алиев, В. И. Воротников, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Д. А. Кунаев, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, В. В. Щербицкий, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, В. М. Чебриков, Э. А. Шеварднадзе, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, Е. К. Лигачев, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков, А. П. Александров, Г. И. Марчук, В. А. Медведев, К. М. Боголюбов, В. Г. Афонин, А. П. Филатов, В. А. Котельников, Е. П. Велихов, В. А. Коптюг, А. А. Логунов, Ю. А. Овчинников, П. Н. Федосеев, А. Л. Яншин, С. Г. Щербаков, Г. К. Скрябин, В. П. Елютин, В. В. Листов, Н. М. Жаворонков, Н. М. Эмануэль, Б. Е. Патон, Я. М. Колотыркин, И. П. Алимарин, М. М. Дубинин, Н. К. Кочетков, Н. Н. Семенов, И. В. Тананаев, К. И. Замараев, Г. А. Ягодин.

Ливанский плакат «Спасите Бейрут».

БЕЙРУТ, АВГУС

Владимир КОВНАТ

2

Вечерами, когда солнце по-южному быстро проваливалось за море, город казался мертвым. Это было ужасно, потому что, деля с Бейрутом все, что выпало на его тяжкую долю, мы относились к нему, как к страдающему живому существу. Когда совсем темнело, вспышки разрывов становились особенно яркими, и среди редкого мерцания голубых звезд вспыхивали и повисали слепящие огненные шары осветительных ракет. Их свет отражался горячими огоньками в глазах палестинских и ливанских бойцов ПВО, не отходящих от автоматических пушек и крупнокалиберных пулеметов, поблескивал на горячем металле еще не остывших после недавней стрельбы стволов. Осветительные ракеты заливали нас ярким светом, и мы чувствовали, что пилоты бомбардировщиков, кружащих над городом, хладнокровно выбирают место для нового удара, видя, конечно, и нас. Но вот стоящий над городом дым подсвечивался снизу несколькими вспышками, прокатывался грохот, и кладка домов скрипела от взрывных волн. Рев самолетов уходил вдаль, осветительные ракеты постепенно гасли.

И тогда то тут, то там в черных провалах окон начинали тихонько мигать крохотные светлые точки — огоньки свечей и газовых лампочек. Их было очень мало, но мы видели: город не умер, он жив и держится, как бы ни были тяжелы его раны...

Мы видели, как без воды, медикаментов, электроэнергии и топлива, доедая последние остатки запасов продовольствия, задыхаясь в изнурительной жаре и дыму пожаров, Бейрут продолжал сражаться с неизмеримо превосходящими силами врага.

Весь мир возмущался и слал

Окончание. См. «Огонек» № 34.

проклятия на головы агрессоров. Теперь уже всем было совершенно очевидно, что до тех пор, пока израильтяне не разрушат столицу Ливана полностью и не убьют всех, кто там находится, Бейрута им не взять. И интервенты неуклонно продолжали шантажировать защитников города бесчеловечным террором массового убийства и разрушения. С обычной для него наглостью сионистское командование заявило, что, мол, оно согласно сохранить жизнь бойцам отрядов ООП, если они сложат оружие. Тогда израильская армия выпустит палестинских бойцов из Бейрута живыми на все четыре стороны. Но все дело в том, что еще в первый месяц блокады, видя, что творят израильтяне с городом и его мирным населением, руководство ООП предлагало вывести свои отряды из Бейрута, чтобы спасти столицу приютившей их страны от полного разрушения. Палестинцы ставили при этом ряд совершенно законных условий, главными из которых были следующие: боевые отряды ПДС покинут город под знаменем Палестины и с личным оружием в руках, безопасность мирного населения палестинских лагерей беженцев должна быть твердо гарантирована, израильская армия никогда не войдет в Западный Бейрут. Но задачей воинствующего сионизма было перебить палестинских бойцов всех до одного, а что израильтяне делали с палестинцами, не носившими оружия, включая детей и женщин, показала впоследствии каннибальская резня в Сабре и Шатиле. И понятно, захвата столицы Ливанской Республики требовали военные амбиции агрессора.

Но постепенно в Израиле начали чувствовать, что сионистская военщина зашла слишком далеко. В крупных израильских городах прошли антивоенные демонстрации. Поднялось движение под лозунгом «Мир — сегодня». Вместо сыновей и отцов, которых ждали семьи, приходили похоронные извещения в количестве, для израильтян совершенно непривычном. С фронта везли раненых, и это тоже не способствовало подъему боевого духа. А телевидение всех стран продолжало показывать израильские зверства в Ливане. Наконец, группа высоких армейских чинов отказалась участвовать в этом грязном деле «как несовместимом с их совестью». Все прогрессивное человечество во главе с Советским Союзом требовало немедленного и безусловного вывода оккупационных войск из Ливана. В Организации Объединенных Наций уже ни одна страна не подавала свой голос в пользу Израиля, кроме, разумеется, США. Кровавый агрессор и его покровитель противопоставили себя всему миру. Между тем Израилю пора было как-то выпутываться из положения, в которое он сам себя поставил, и американская администрация, как всегда, пришла на помощь.

На Ближний Восток помчался специальный посланник президента США Филип Хабиб. Кандидатура посланника была выбрана не случайно: Хабиб по происхождению ливанец, прекрасно говорит по-арабски. Дипломатическая миссия Хабиба увенчалась полным успехом. Он втолковал израильским лидерам, что выполнение первого требования палестинцев неизбежно — пусть уходят под знаменами и с оружием. Выполнение прочих требований будет в руках Израиля. Снуя челноком по арабским странам, Хабиб обещал, требовал, грозил и снова обещал. А израильская армия тем временем продолжала разрушение Бейрута.

Рано утром 12 августа началась бомбардировка, равной которой еще не было за всю блокаду. Удары с воздуха усугублялись непрерывным артиллерийским огнем с суши и ракетным обстрелом с моря. Над городом закружилась дикая карусель смерти. Премьер-министр Ливана Шафик Ваззан обратился ко всему миру с отчаянным призывом не дать сионистам уничтожить столицу. Филип Хабиб заявил при этом журналистам, что создавшаяся обстановка внушает ему... оптимизм в решении ливанской проблемы, он надеется, что все будет хорошо...

...На рассвете 12 августа мы проснулись от грохота дверей во всем доме, что бывало, когда бомбардировщики пролетали на небольшой высоте. С балкона были хорошо видны уходящие в небо дымные следы ручных зенитных ракет. Но они взрывались на выпускаемых самолетами специальных термических ловушках-имитаторах. Едва успели мы вскипятить чай, как на пустыре рядом с домом разорвались несколько легких морских ракет и осколки ударили в стену. Квартира ненадолго заполнилась дымом. Мы прижались к стене коридора, в то время как куски металла прыгали по каменному полу кухни. Все же нам удалось позавтракать. Затем мы поднялись на крышу. С развороченной крыши можно было хорошо видеть и снимать большой участок города, включая аэропорт. Бетонная балюстрада до известной степени прикрывала нас от осколков. Ну, а от прямого попадания авиаракеты или бомбы, как известно, никакой защиты нет.

Хотя бомбардировка и обстрел начались всего минут тридцать назад, над Бейрутом уже стояло огромное облако дыма и пыли. Израильские корабли перенесли огонь с центра столицы на береговую полосу жилых кварталов. Ракеты густо рвались в районе Рамлет эль Бейда (Белые пески), расположенном у знаменитого пляжа, столбы дыма и камней взлетали в небо у береговой части магистрали Мазра. То тут, то там расплывались белые дымы от взрывов фосфорных снарядов. Но вот серия огромных огненно-дымных фонтанов поднялась в ближайшем к нам участке Мазры с тяжким грохотом, от которого крыша завибрировала под ногами. Не успевала одна четверка бомбардировщиков выйти из пике, как новые самолеты уже гремели турбинами и резкими выстрелами пускаемых ракет. И тут же вырастали новые и новые стены лохматого сине-черного дыма и ослепительного огня. Десятки самолетов висели в воздухе одновременно, и казалось, не люди управляют ими, а неодушевленные автоматы с заложенными в них программами безостановочных убийств и разрушений.

...Растаскивать бетонные завалы накрывших бомбоубежища руин было крайне сложно. Лишенные бульдозеров и кранов — или стоящих без горючего, или поврежденных осколками,— спасатели отважно работали вручную на развалинах небольших домов, демонстрируя не только отчаянную смелость, но и невероятную изобретательность. Подвергая себя постоянному риску, они спасли жизнь многим своим согражданам. Десятки санитарных машин были разбиты или сгорели. Пострадало много сотрудников «Скорой помощи». Но все равно мы видели санитаров, под бомбежкой выносящих раненых из особенно опасных районов. Оглохшие от близких взрывов, сами раненые и наспех перевязанные каким-то подобием бинтов, измазанные сажей и прокопченные дымом пожаров, эти девушки и парни, несмотря ни на что, продолжали работать.

Около двух часов дня, когда мы находились в помещении корпункта, чистя и перезаряжая аппаратуру, а здание содрогалось от бомбежки и плотного зенитного огня, вдруг зазвонил телефон. Это была Москва. Нас спрашивали, живы ли мы и здоровы и что делаем. Мы хорошо слышали голос девушки из корреспондентской сети Гостелерадио. Как, удивлялась она, ведь у вас под самым домом кто-то сильно стреляет, почему же вы не спрятались в подвал! Исключительно потому, я ответил, чтобы иметь возможность с ней поговорить. Она не поняла, такой стоял грохот. Во всяком случае, в Москве услышали наши голоса и могли сообщить нашим близким, что мы здоровы и все нормально.

Большая израильская охота на людей, однако, продолжалась, и радио давно уже кричало об этом на весь мир. Теперь даже лидеры западноевропейских государств были вынуждены присоединиться к всеобщему протесту.

...Держа в визире кинокамеры делающий глубокий вираж бомбардировщик, я заметил, что за ним повисла в небе осветительная ракета. Было пять вечера, то есть совершенно светло. Но и на фоне яркого голубого неба пылающий шар висевшей на парашюте «проклятой лампы», как называли ее бейрутцы, был очень хорошо виден. Это оказалось сигналом. Внезапно обстрел и бомбардировка прекратились. Не совсем, правда. Один израильский корабль стрелял еще минут двадцать, пока не выпустил весь боезапас. Но это казалось пустяком по сравнению с тем адом, который только что творился. Наконец, огонь затих полностью. Сионистская пропаганда заявила, что израильская армия, как всегда, впрочем, продемонстрировала таким образом свою гуманность. Но ни у кого не было ни малейших сомнений в том, что США сочли на этот раз целесообразным цыкнуть на Израиль или просто порекомендовать ему немного уняться. Может быть, крики горящих детей и женщин донеслись через океан до американского континента! Нет, дальнейшие события показали, что американская администрация глуха к этим крикам...

Через пятнадцать минут после взрыва последней ракеты мы добрались до корпункта, сели в машину, которую прятали обычно под домом, и поехали по Бейруту...

Т 82-го

Для наглого разбоя не впервые
Использует он утки надувные.

Рис. Бор. ЕФИМОВА

ПОЛИТИКА США КРАЙНЕ ОПАСНА

Владимир КАТИН

Президент США Рейган многое повидал на своем веку. Какникак он уже не молод, к тому же миллионер, а в прошлом еще и киноактер. Не видел он только одного — атомной войны. Где гарантия, что «ядерная шутка» Рейгана о бомбардировке России не является репетицией к такой войне?

Дело обстояло так. Американские радиокомпании, проводившие на днях запись очередного предвыборного выступления президента США, зафиксировали на пленку его слова, произнесенные «для пробы голоса». Рейган сказал следующее: «Мои соотечественники-американцы! Я рад сообщить вам, что только что подписал законодательный акт, который навсегда ставит Россию вне закона. Бомбардировка начинается через пять минут».

В Белом доме представляют эту выходку президента как «шутку». Однако большинство американцев считает, что на работе не положено так легкомысленно шутить. Не случайно сказанное президентом воспринято с озабоченностью и в других странах. Так, лондонская «Дейли телеграф» пишет, что в Америке начинают сейчас ставить под сомнение здравый рассудок президента. Французская печать называет «ядерную шутку» главы американского государства бестактностью, от которой мороз пробегает по коже...

В этой связи ТАСС был уполномочен заявить, что в нашей стране с осуждением относятся к беспрецедентно враждебному в отношении СССР и опасному для дела мира выпаду президента США. В специальном Заявлении ТАСС говорится: «Политика нынешней американской администрации противоречит коренным интересам народов. Она бесперспективна и вместе с тем крайне опасна».

Опасность эта действительно реальная. Ведь когда президент США отдавал приказы о бомбардировке Гренады и Ливана, он не шутил. На мирных жителей этих маленьких государств падали самые настоящие бомбы и снаряды.

Когда американская администрация распорядилась минировать территориальные воды Никарагуа, то тут тоже была не шутка, а акт открытых военных действий против суверенной страны.

Когда специальные службы США приказали пилотам южнокорейского пассажирского самолета вторгнуться в воздушное пространство СССР, то и это было сделано не из соображений юмора, а с целью шпионажа.

Далеко не шуточную, а жестокую политику государственного терроризма проводят США в отношении народов Сальвадора, Афганистана, целого ряда арабских стран, палестинского народа. «Першинги» и крылатые ракеты, которые США размещают сейчас в странах Западной Европы,— это не шутихи для фейерверков, а современнейшее ядерное оружие первого удара, причем нацеленное на наши города.

В каждой шутке, как известно, содержится доля правды. И то, что у американских военных стратегов на уме, у Рейгана на языке. Опасность политического курса США состоит в легковесном отношении руководства этой страны к войне вообще и к ядерной войне в частности. Американские руководители подходят к ядерной войне явно по-голливудски, то есть оторванно от страшной действительности, от непоправимых последствий для всего человечества. В Вашингтоне рассчитывают начать такую войну, выиграть ее и властвовать над всем миром. Утопия? Да, но не только. В этом «сценарии» еще и угроза всеобщей катастрофы. Ведь в мире уже накоплено столько ядерной взрывчатки, что наш земной шар можно уничтожить не один, а десятки раз...

Я далек от мысли сгущать краски и излишне драматизировать международную обстановку. Она и без того довольно пасмурна по причине того, что США в лихорадочном темпе продолжают наращивать ядерные, химические и обычные вооружения, создают ударные космические средства. В то же время блокируется процесс ограничения и сокращения ядерных вооружений, другие переговоры по разоружению. Нежелание США действовать в направлении мира вновь наглядно проявилось в их отказе договариваться о предотвращении милитаризации космоса. Атмосфера в мире накаляется еще и потому, что США идут на прямое применение силы в отношении независимых стран, чья внутренняя и внешняя политика их, видите ли, не устраивает.

Все это вызывает обоснованную тревогу у всех людей, живущих на нашей общей планете Земля. Тревожно в мире потому, что нынешняя администрация США, как отчаянный водитель на крутой дороге, который не замечает знаков и предупреждений об опасности, все сильнее жмет на педаль газа, вместо того чтобы притормозить.

Выходка американского президента несовместима с высокой ответственностью, которую несут руководители государств, прежде всего обладающих ядерным оружием. Исходя из этой ответственности, наша страна будет и впредь делать все от нее зависящее для сохранения мира на Земле. В то же время как в Советском Союзе, так и в других странах, судя по настроению и реакции широкой общественности, ожидают, что и руководители Соединенных Штатов в конце концов будут действовать и высказываться с пониманием своей ответственности.

См. II обл. и 1-ю стр.

Большим спортивно-художественным праздником открылись 18 августа международные соревнования «Дружба-84» в Москве, на Центральном стадионе имени В. И. Ленина.

Продолжительными аплодисментами встретил переполненный стадион появление на центральной трибуне товарищей В. И. Воротникова, М. С. Горбачева, В. В. Гришина, Г. В. Романова, Д. Ф. Устинова, П. Н. Демичева, В. И. Долгих, В. М. Чебрикова, М. В. Зимянина, И. В. Капитонова, Е. К. Лигачева, Н. И. Рыжкова.

Красочный марш-парад возглавил мировой рекордсмен в метании молота Юрий Седых, в его руках гордо реял Государственный флаг СССР. Вслед за делегацией спортсменов Москвы перед трибунами прошли делегации всех союзных республик, Ленинграда и колонна с 47 государственными флагами стран—участниц турнира «Дружба-84».

Чемпион Московской Олимпиады Виктор Маркин взбежал с факелом, зажженным от огня Вечной славы у Кремлевской стены, к бронзовой чаше, и пламя вспыхнуло над стадионом...

Международные соревнования «Дружба-84» объявляются открытыми.

Многими высокими результатами порадовали нас участники московских легкоатлетических соревнований, и среди них особо выделяется прыжок в длину Константина Семыкина. Он побил на 3 сантиметра всесоюзный рекорд И. Тер-Ованесяна, простоявший 17 лет и равный 8 метрам 35 сантиметрам. Хочется отметить и такой необычный рекорд: в марафоне взяли старт три тысячи спортсменов. Это были любители бега всех возрастов, и большинство из них преодолело олимпийскую трассу вслед за сильнейшими марафонцами мира, среди которых особенно выделились бегуны Эфиопии Н. Дередже и М. Аббэбэ, занявшие первые два места.

Завершились легкоатлетические соревнования, но в тот же день в бассейне спорткомплекса «Олимпийский» начали борьбу пловцы, и первые же заплывы оправдали надежды многочисленных любителей этого прекрасного спорта. Конечно, украшением этого дня был финальный заплыв на 400 метров в комплексном плавании у женщин. Никто не мог предполагать, что спортсменка ГДР К. Норд, имеющая в этом году на этой сложнейшей дистанции лучшее время в мире, встретит достойную соперницу в лице пятнадцатилетней ленинградской школьницы Е. Денбеберовой, ведь для того, чтобы победить здесь, надо в совершенстве овладеть всеми четырьмя видами плавания. Но юная ленинградка блестяще провела заплыв, особенно его вторую половину, и финишировала первой, установив новый всесоюзный рекорд. А на следующий день на этой же дистанции у мужчин финал закончился установлением европейского рекорда. Пловец из ГДР Й. П. Берндт более чем на секунду улучшил свой прежний рекорд, остановив секундомер на отметке 4 минуты 18,29 секунды. На стрельбище в Мытищах выступали участники соревнований по стендовой стрельбе, на малой спортивной арене стадиона «Динамо» — мастера хоккея на траве, а велотрек в Крылатском приковал к себе внимание высокими результатами, показанными гонщиками: 19 августа на треке четырежды устанавливались мировые рекорды. В тот день, когда велогонщики взяли старт в Москве, в Софии и Будапеште завершили борьбу представительницы художественной гимнастики и прыгуны в воду, а в Гаване начался боксерский турнир, соревнования ватерполистов и волейболистов. Первоклассный состав собрал турнир штангистов, который проходит в болгарском городе Варне.

Международные соревнования «Дружба-84» продолжаются.

СПОРТ, ДРУЖБА, МИР

После массовых спортивно-показательных выступлений, в которых приняли участие воспитанники детских спортивных школ, спортсмены «Спартака», «Трудовых резервов», студенты физкультурных институтов, акробаты, гимнасты, члены студенческих строительных отрядов, стадион был отдан сильнейшим легкоатлетам мира и стал свидетелем захватывающей борьбы бегунов, прыгунов, метателей, скороходов и десятиборцев.

Результаты победителей (а иногда и призеров) в целом ряде случаев превышали результаты, показанные чемпионами лос-анджелесской Олимпиады. Так, Уве Хон (ГДР) метнул свое копье на 94 метра 44 сантиметра, а Юрий Седых отправил молот на 85 метров 60 сантиметров. Превысил лос-анджелесский победный результат по прыжкам с шестом и Константин Волков, преодолевший высоту 5 метров 80 сантиметров. Каким же блестящим квартетом в этом виде обладает советский спорт, если с мировым рекордсменом Сергеем Бубкой на равных вели борьбу и Владимир Поляков и Александр Крупский, а Волков смело пытался превысить мировой рекорд Бубки.

Женщины, соревновавшиеся в Праге, тоже зря времени не теряли и затмили многие (в 12 видах программы из 17) результаты олимпийских чемпионок, а Ирина Мещински (ГДР), метнув диск на 73 метра 36 сантиметров, установила новый мировой рекорд.

В. ВИКТОРОВ

КРАЙ ВДОХНОВЕНЬЯ

Сергей ТКАЧЕВ,
председатель Союза художников РСФСР,
действительный член Академии художеств СССР

Это же сама Россия — вся душа ее, вся прелесть... Это как песня!

И. Е. РЕПИН

Тверская земля... Недаром она издавна влекла к себе, манила поэтов, художников. Александр Сергеевич Пушкин и Алексей Гаврилович Венецианов воспели ее тихую, неброскую, столь милую сердцу красоту.

Край белоствольных берез, лесов и перелесков, серебряной речной, озерной глади, в которой величаво плывут могучие струги облаков. Зеленое раздолье, радужное разноцветье просторных лугов... Во все времена года чарует несравненная прелесть северной природы, волнует души художников, зовет их к творческому труду. Это воистину благословенная сторона.

Ровно век тому назад здесь, в двадцати пяти верстах от Вышнего Волочка, свершилось скромное событие, которому было суждено сыграть немаловажную роль в становлении нашей реалистической живописной школы.

Известный русский общественный деятель, публицист, меценат Василий Александрович Кокорев в самом конце своей жизни осуществил давным-давно лелеемую им мечту — создать приют для малоимущих студентов Академии художеств.

Задумал, выносил и исполнил.

Каким чувством затаенного счастья звучат строки из письма, обращенного к президенту Петербургской Академии художеств, о том, что Владимиро-Мариинский академический приют открыт 22 июля 1884 года:

«Уже прибыл первый комплект академистов в числе семи человек... Для художественных занятий академисты имеют здесь массу предметов и видов: и то и другое заметно произвело на них впечатление и несомненно они займутся усердно художественными работами».

Но напрасно думать, что Кокореву легко дался этот благородный и бескорыстный поступок. Бездна канцелярской переписки с руководством академии, бессмысленные хлопоты, несчитанные средства предварили тот момент, когда молодые студенты въехали в ранее пустовавший старый дом, принадлежавший министерству путей сообщения...

А ведь этот дом был вовсе не простой. Один из столичных журналов сообщал в те далекие дни, что местность, где открылся приют, много раз служила местопребыванием Петра I при сооружении Вышневолоцкой системы... Чудесный дом стоит на фундаменте еще петровского времени.

Надо заметить, что государь при посещении Северной Руси воскликнул: «Воистину место это доброе!» И хоть промолвил он эту фразу на крутояре реки Тигоды (так гласит предание), она с таким же успехом могла быть произнесена на берегах Мсты.

«Приют для малоимущих студентов Академии художеств». Ему предстояло стать одной из притягательных точек развития культуры России. Причем в самой ее глубинке. Это дивное место привлекало к себе цвет русской живописи. Здесь жили и писали не только студенты академии. Сюда неоднократно наведывались к ученикам знаменитые профессора П. П. Чистяков, И. И. Шишкин, который нередко и сам брался за кисть, чтобы запечатлеть несравненную красу местных пейзажей.

М. В. Нестеров собирал тут материал для картины «На Руси».

Особой любовью у своих учеников — Н. К. Рериха, А. А. Рылова, К. Ф. Богаевского и других пользовался Архип Иванович Куинджи. Каждое его посещение Дачи было праздником. В честь его устраивались вечера, прогулки и разные забавы. Побывать с художественной молодежью не в казенной обстановке школы, а среди природы, свободной работы и досуга Куинджи считал крайне важным и необходимым. Его именем назван остров на озере Мстино. Здесь когда-то, по воспоминаниям старожилов, маститый Архип Иванович любил писать вместе с учениками грозовые облака над озером, вечерние и утренние зори. Здесь же, на острове, Куинджи построил небольшой домик-мастерскую.

Николай Рерих черпал в чудотворном воздухе этого былинного края сюжеты для своих полотен из истории Древней Руси: «Гонец» и «Заморские гости».

Именно здесь раскрылся его дар археолога. Он сделал ряд интересных находок, которые описал впоследствии в своих трудах. Не меньшую роль в судьбе изумительного русского художника Андрея Петровича Рябушкина сыграли его прекрасные свадьбы, навеянные этюдами, созданными в этих краях, когда он был еще студентом академии и наблюдал крестьянский быт в окрестных селах...

На гостеприимной тверской земле находил приют и замечательный пейзажист Левитан. Под незабываемыми впечатлениями о величественной красоте русских просторов сотворено его знаменитое полотно «Над вечным покоем». Мотивом весенней песни пронизан «Март»...

Конкурсная работа «академиста» И. Бродского «На террасе», ставшая одной из жемчужин его творчества, связана с пребыванием тут же.

Прекрасная атмосфера дружбы, созидания, прелестная природа оставляли неизгладимый след в творчестве многих первоклассных мастеров. Там созданы «Журавли летят» А. С. Степанова, сюиты лирических холстов В. К. Бялыницкого-Бирули, чудесные интерьеры угасающих дворянских гнезд С. Ю. Жуковского...

Прошли годы...

Ныне здесь широко известный Дом творчества художников Российской Федерации — «Академическая дача имени И. Е. Репина». Название далеко не случайно связано с именем великого живописца. Еще в семидесятых годах прошлого века молодой Илья Репин приехал в эти края. Он долго бродил по лесам и полям, любовался реками и озерами, неоглядными далями тверской земли. Как зачарованный, повторял: «Картины ...картины...» Став знаменитым академиком, Репин не забывал Дачу. Постоянно интересовался ее работой. Заботился о питомцах, не раз ее посещал. В 1898 году Репин создал известный холст «На Академической даче», экспонирующийся ныне в Русском музее.

На этюде изображена группа пишущих художников, часть павильона и береза, стоящая рядом и поныне.

Великолепны традиции Академической дачи, заложенные с самого ее основания: сокровенное изучение натуры, серьезная работа над станковой картиной, прочные связи с жизнью, вечная эстафета искусства — передача творческого опыта старшими мастерами младшим, все эти устои живут и находят новое воплощение в наше советское время.

Трудно перечислить в короткой статье имена всех больших наших мастеров, работавших и пишущих теперь в Доме творчества. Старейшина советских пейзажистов В. Н. Бакшеев, один из блестящей плеяды Кукрыниксов — П. Н. Крылов, живописцы Т. Г. Гапоненко, П. П. Соколов-Скаля, Ф. П. Решетников...

На Даче были созданы такие широко известные картины, как «Уборка свеклы», «Молодые» А. П. Бубнова; «Перед танцами», «В субботу» Ю. П. Кугача; «Май. Северные ночи», «За родную землю» В. Н. Гаврилова. А вспомним чудесные пейзажи А. М. Грицая — с трепетными березами, цветущими подснежниками, взбухшей, полноводной весенней Мстой. Весь большой список произведений родился именно в этом благодатном крае...

Чувство сердечной признательности к Дому творчества прекрасно выразил президент Академии художеств СССР, народный художник СССР Борис Сергеевич Угаров, много работавший на Даче: «Наверно, нет для живописцев Российской Федерации уголка более дорогого, чем эти места тверской земли. Многие из нас приезжают сюда как в родной дом, где сложились мы как художники, обрели себя, утвердились в своей профессии. Всех нас здесь объединяет любовь к природе. Это большое счастье. Ведь жизнь, натура — первоисточник познания, красоты. А как важно товарищеское чувство локтя, когда, работая рядом с друзьями, сам у них учишься. И где бы ты ни был, всегда с чувством признательности вспоминаешь, что есть такое место «Академическая дача», и оно влечет к себе снова и снова».

Думается, что под этими словами благодарности с радостью подписались бы и москвичи А. В. Волков, Л. И. Бродская, О. Г. Светличная, В. М. Сидоров и Х. А. Якупов из Казани, А. Н. Осипов из Якутии и многие-многие другие...

Настал день столетнего юбилея. Под сенью берез, рядом со старым, ставшим уже историческим домом, у которого стоит бронзовый Репин, изваянный известным скульптором Олегом Комовым, собралось множество гостей. Состоялся праздник искусства. Собрание, на котором горячо выступали колхозники — герои трудовых будней, художники. И в этом символическом союзе труда и искусства — залог наших будущих успехов. От нас справедливо ждут новых значительных станковых тематических картин, отражающих жизнь. В этом генеральная тенденция развития живописи сегодня. Наш народ любит искусство. Ценит талантливых художников. Новым, чрезвычайно важным явлением стали народные картинные галереи, в которых экспонируются уникальные коллекции произведений таких мастеров, как Сергей Герасимов, Александр Кибальников, Гелий Коржев, Семен Чуйков, Владимир Стожаров, Юрий Кугач, Ефрем Зверьков, и многих других. Это дает возможность приобщиться к искусству самому широкому зрителю.

Время показало, что Дом творчества имени И. Е. Репина стал большим культурным центром в Российском Нечерноземье, где на практике осуществляется все более крепнущая связь искусства с трудом и жизнью народа, где прочно живут традиции русской реалистической школы живописи, где набирают опыт, мастерство молодые художники, где на лоне удивительной природы можно помечтать, подумать, вдохновиться на создание новых творений во славу нашей Родины, нашей дорогой Отчизны.

Примечательно, что великий русский художник Алексей Гаврилович Венецианов, проживший треть века на тверской земле и создавший именно здесь свои бессмертные шедевры, сказал: «Художник объемлет красоту и научается выражать страсти не органическим чувством зрения, но чувством высшим, духовным».

Эти мудрые слова призывают нас, советских художников, глубже, проникновеннее понять душу нашего замечательного времени, правду нашей эпохи, устремленной в светлое грядущее...

Б. Угаров. Род. 1922. ВОЗРОЖДЕНИЕ. 1980.

А. Ткачев. Род. 1925. **С. Ткачев.** Род. 1922. В КОЛХОЗ. 1969—1970.

ШТАБ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Фото В. ГЕНДЕ-РОТЕ

«...Все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации. Мы это знаем,— и разве во имя этой величайшей исторической задачи не стоит работать, не стоит отдать всех сил?»

Эти слова Владимира Ильича Ленина невольно вспоминаются в преддверии всенародного праздника — Дня знаний, который в этом году будет отмечаться впервые. И кажется символичным, что улица, где работает штаб советской науки — Президиум Академии наук СССР,— называется теперь Ленинским проспектом.

Каждый четверг в 10 часов утра здесь собираются ученые, имена которых знает вся страна, весь мир. Их избрало тайным голосованием Общее собрание Академии наук СССР. В нашей стране треть всех научных работников мира, свыше 160 тысяч человек работают в составе Академии, но лишь 250 из них являются ее действительными членами, академиками. А в Президиум — высший орган, руководящий в период между сессиями Общего собрания,— входят лучшие из лучших.

Они, эти ученые, разные по специальностям, наукам, которые изучают. Физики, биологи, математики, геологи, химики, историки, философы... Они исследуют тайны живой клетки и атомного ядра, недра Земли, Мировой океан и далекие планеты, природу и общество. Но, несмотря на разнообразие их интересов, каждая область науки неминуемо вторгается на «территорию» других областей, вливается в общее русло познания мира, питает научно-технический прогресс. Штаб советской науки — интеграция в действии, дающая возможность решать важнейшие проблемы развития науки страны, намечать главные задачи, направлять работу академических учреждений на умножение богатств страны, повышение ее экономической и оборонной мощи.

И по возрасту они разные, ученые, что входят в состав Президиума. Одни из них, как, например, академик Н. Н. Семенов,— лауреаты высших советских и международных премий,— прославились своими научными работами еще в тридцатые годы; другие, как лауреаты этих же премий академики А. М. Прохоров и Н. Г. Басов, тогда только учились в школе; а таких, как, скажем, вице-президенты АН СССР академики Ю. А. Овчинников и Е. П. Велихов, в то время даже не было на свете. Наука — дитя истины, а не авторитетов.

Прочными, животворными нитями связан Президиум АН СССР со всей страной, с Сибирским отделением АН СССР, с Ленинградским, Уральским и Дальневосточным научными центрами, с научными учреждениями в Горьком, Саратове и Иванове, с филиалами Академии наук, с развитием науки в союзных республиках, с учебными институтами и университетами. Он связан с работой нефтяников Тюмени и геологов Якутии; с экипажами атомных ледоколов и орбитальных космических станций; исследователями Антарктиды и Арктики; с рабочими и инженерами Кузбасса, КамАЗа, «Атоммаша», БАМа — со всеми, кто проникает в тайны природы, создает новые станки и машины, строит электростанции, осваивает новую технику.

— В задачи Академии наук СССР входит развитие фундаментальных исследований в области естественных и общественных наук; осуществление перспективных научных исследований, непосредственно связанных с развитием производства; выявление принципиально новых возможностей научно-технического прогресса и содействие наиболее полному использованию достижений науки в практике коммунистического строительства в стране,— рассказывает главный ученый секретарь Президиума АН СССР академик Г. К. Скрябин.— Поэтому Президиум Академии наук СССР не только собрание крупных ученых разных специальностей, по существу, олицетворяющее интеграцию современной науки, это боевой штаб, способный решать кардинальные вопросы управления развитием науки, научно-технической политики страны, подготовки кадров исследователей.

Все великие естествоиспытатели прошлого— Ломоносов, Пастер, Менделеев — отмечали, что нельзя отрывать науку от практики: одно без другого не существует, и нет ничего более практичного, чем хорошая теория.

Партия и правительство уделяли и уделяют большое внимание развитию науки,— продолжает Георгий Константинович.— Мы гордимся доверием, оказанным нам, остро осознаем свою ответственность, свой гражданский долг...

...Гражданский долг ученого. Наука сегодня — важнейший путь для решения грандиозных задач, стоящих перед страной, основной источник подъема народного благосостояния. С наибольшей полнотой проявились новые черты организации научных исследований, интеграция науки, ее связь с практикой в таком документе, как Продовольственная программа.

Я листаю страницы этого документа. Что входит в Продовольственную программу?

Разработка теоретических основ рационального использования земли и воды. Сохранение и повышение плодородия почв. Изучение изменений климата, вопросы долгосрочного предсказания погоды. Ослабление влияний засухи и переувлажнения почвы. Здесь и химизация сельского хозяйства, и генетическая селекция, и биологические методы борьбы с насекомыми-вредителями, и физиологические основы кормления и содержания животных, и пути борьбы с потерями сельскохозяйственной продукции, электрификация, создание новых машин и автоматов для самых разнообразных сельскохозяйственных работ.

Конечно, чтобы выполнить эту программу, нужны усилия институтов и организаций самого различного профиля. Они и указаны в программе, как говорится, черным по белому: академические, отраслевые, учебные институты в разных районах страны. Есть с кого спросить.

В своей речи на апрельском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС Константин Устинович Черненко подчеркнул, что, «подводя итоги сделанного, мы должны постоянно и глубоко анализировать ход осуществления всех наших крупных социально-экономических программ. Таких, например, как Продовольственная, Энергетическая». Руководитель Энергетической программы — президент Академии наук страны академик А. П. Александров. Уже одно это говорит о том, какое значение придается ее осуществлению. На одном из недавних заседаний Президиума Анатолий Петрович отмечал, что Энергетическая программа — огромный коллективный труд, «кубометр отчетов». В работе участвовали 350 академических и ведомственных институтов, Госплан, Госкомитет по науке и технике, Министерство энергетики и электрификации.

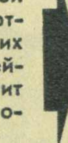
Программа дает принципиально новую концепцию развития энергетики, предусматривает коренную перестройку ее производственной структуры. В связи с ограниченностью ресурсов, таких, как нефть и газ, энергетика все решительнее будет переходить на атомное горючее и уголь, полученное из него жидкое топливо.

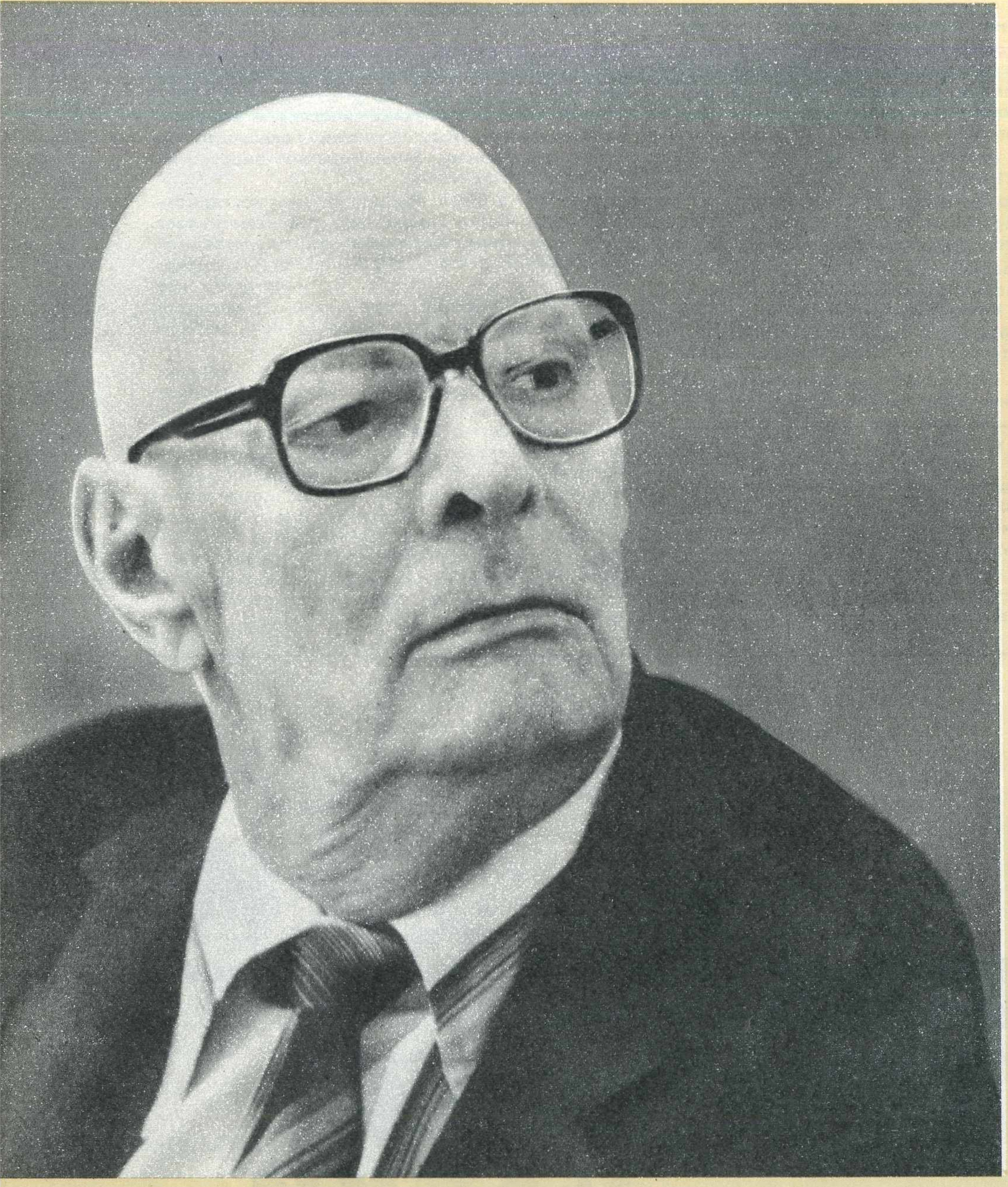
Работа над программой явилась мощным стимулом исследований, не только непосредственно связанных с энергетикой: она дала толчок развитию геологии, химии, машиностроения. Так, созданы новые сверхтвердые материалы для буровой и горнодобывающей техники, прогрессивные химические технологии, выявлены принципиально новые источники энергии. Впервые на Президиуме АН СССР столь серьезно стоял вопрос об использовании нетрадиционных источников энергии — подземного тепла, солнечного излучения, ветра.

— Сама работа по составлению Энергетической программы привела к тому, что начался сдвиг в тех смежных областях, которые были менее развиты,— говорит Анатолий Петрович Александров.— Стали ясны слабые места в планировании и в организации производства. Скажем, при добыче нефти и газа газовый конденсат обычно опускался, что было большим расточительством. Те, кто добывал нефть и газ, за добычу конденсата не отвечали: он не засчитывался в план. Сейчас в этом отношении подход откорректирован.

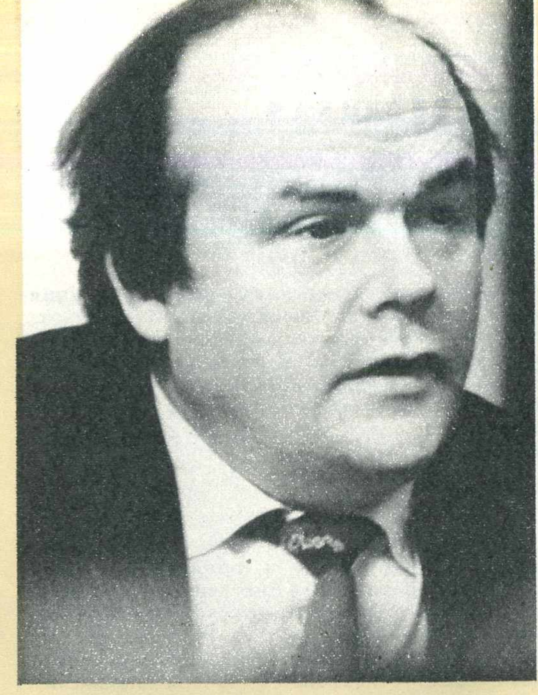
Энергетика, ядерная физика, развитие общественных наук, вычислительная техника, экономика, молекулярная биология и лечение рака, исследование космоса, химия, биотехнология, экология, вопросы внедрения научных разработок и подготовка специалистов для науки и народного хозяйства — вот те важнейшие проблемы, что обсудил Президиум АН СССР в самое последнее время.

...Идет заседание Президиума Академии наук СССР. Ученые делятся своими раздумьями, обсуждают уже выполненные исследования, комплексные программы, со всей прямотой подчеркивают те недостатки, что еще имеются в работе Академии, ищут способы их устранения, намечают главные пути дальнейшего научно-технического прогресса. Звучит голос разума, мудрости, голос ученых. Работает штаб советской науки.

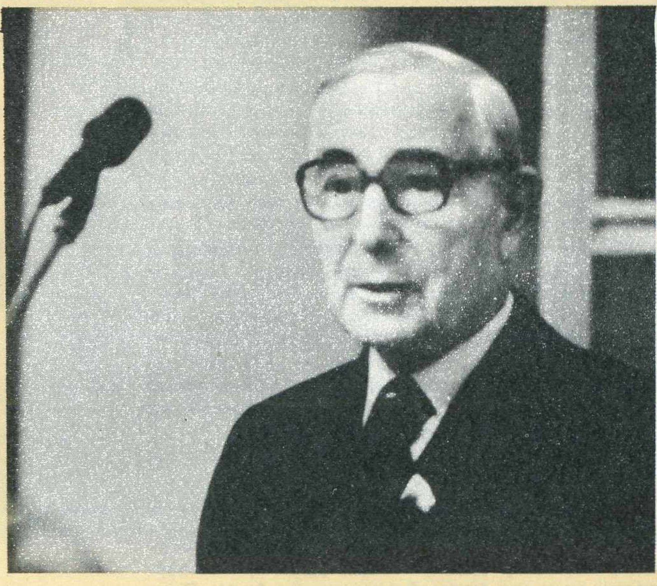

Президент АН СССР академик А. П. Александров:
— Часто проводят параллель между Энергетической программой и планом ГОЭЛРО. Может быть, здесь есть и преувеличение наших заслуг, но эта программа действительно имеет большое научное, практическое и политическое значение. Однако мы должны помнить, что ее разработка — два-три процента успеха, ее выполнение — девяносто восемь.

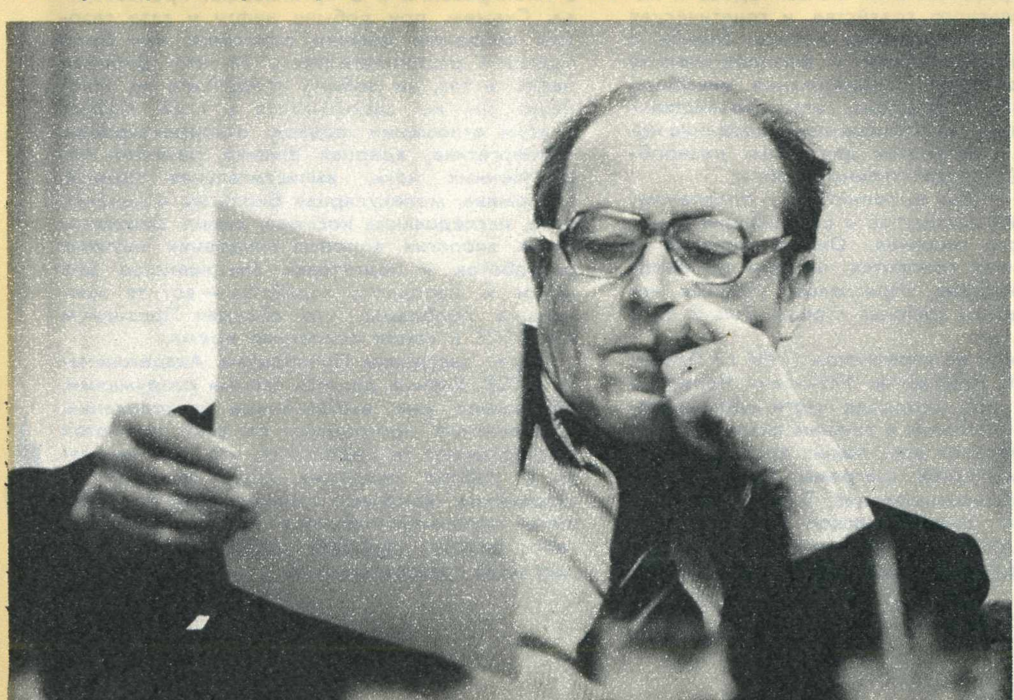

Вице-президент АН СССР академик Е. П. Велихов:
— Персональные компьютеры необходимы ученым и инженерам. Не имея достаточного количества персональных компьютеров, а также специальных кадров преподавателей, невозможно учить ими пользоваться школьников и студентов.

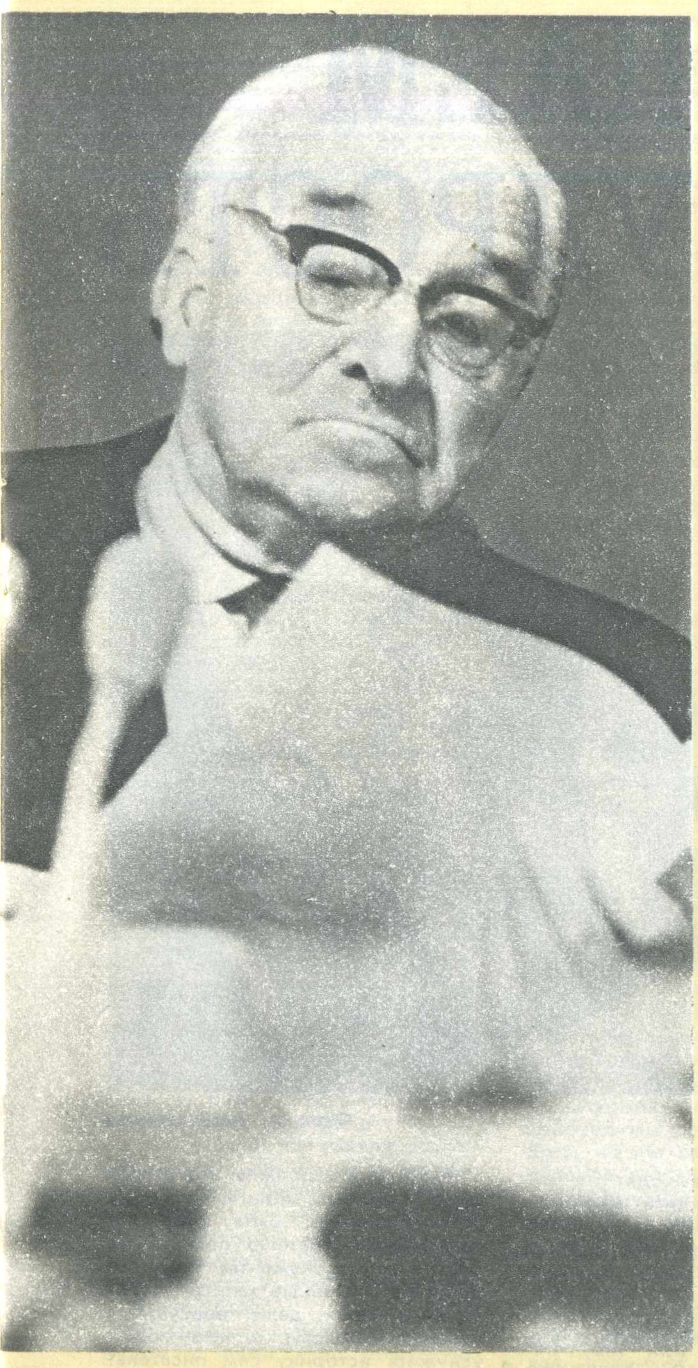
Вице-президент АН СССР академик П. Н. Федосеев:
— Назначение научно-технической революции при социализме — добиться неуклонного повышения эффективности производства, роста благосостояния народа, оптимальных взаимоотношений между обществом и природой, между человеком и окружающей средой, между социальными и биологическими факторами в интересах всестороннего развития личности.

Академик Н. М. Эмануэль:
— Мы живем в удивительное время, когда пытливый взор человека способен пересечь границу XX и XXI веков и заглянуть в третье тысячелетие. Наука и техника достигли такого уровня, при котором прогноз развития человеческого общества на длительную перспективу стал реальным и научно обоснованным.

Академик Н. Н. Семенов:
— За реформой средней школы неизбежно последует реформа высшей. Как рациональнее готовить кадры ученых! Вопрос об их отборе и воспитании был и остается центральным для развития науки, да я бы сказал шире: для технического прогресса.

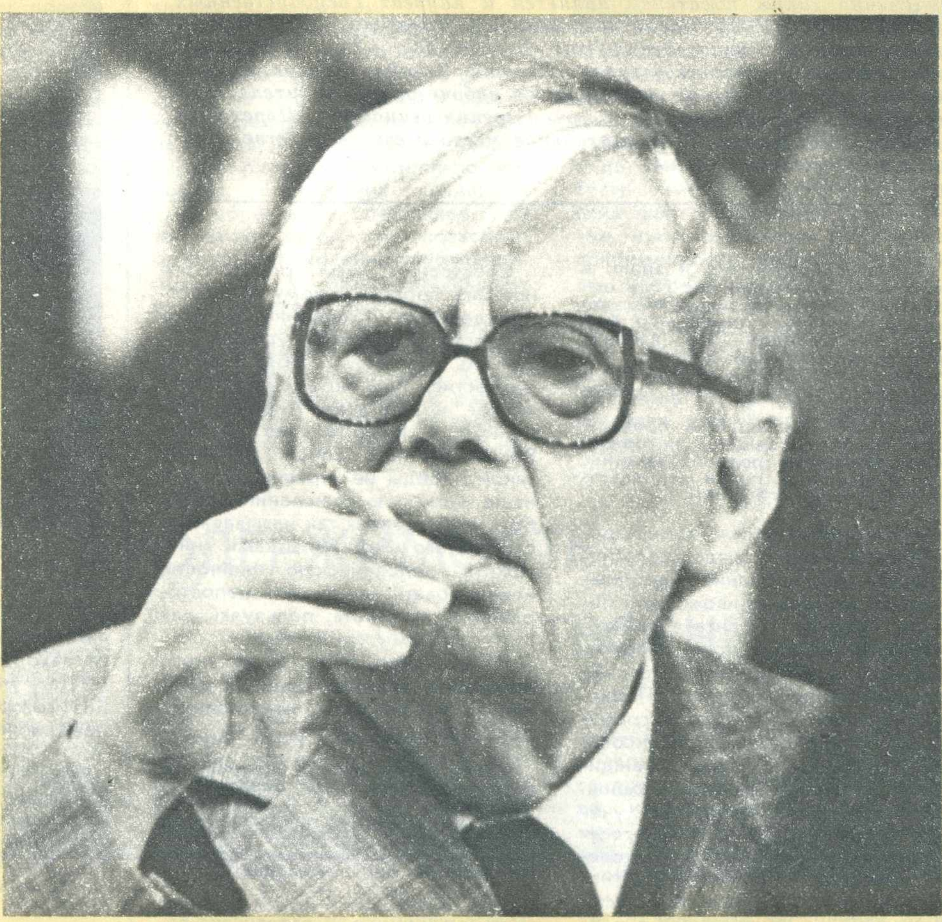

Вице-президент АН СССР академик Ю. А. Овчинников:

— Раньше мы думали, что ученые должны только заниматься научными исследованиями, а промышленность — внедрять и выпускать. У нас это не получилось, например, с электроникой, не прошло с энергетикой. Это не проходит и с биотехнологией, важнейшим направлением науки. Академическим институтам, работающим «на гребне» научно-технического прогресса, надо не только развивать фундаментальные исследования, но и иметь свое опытное производство.

Вице-президент АН СССР академик В. А. Котельников:

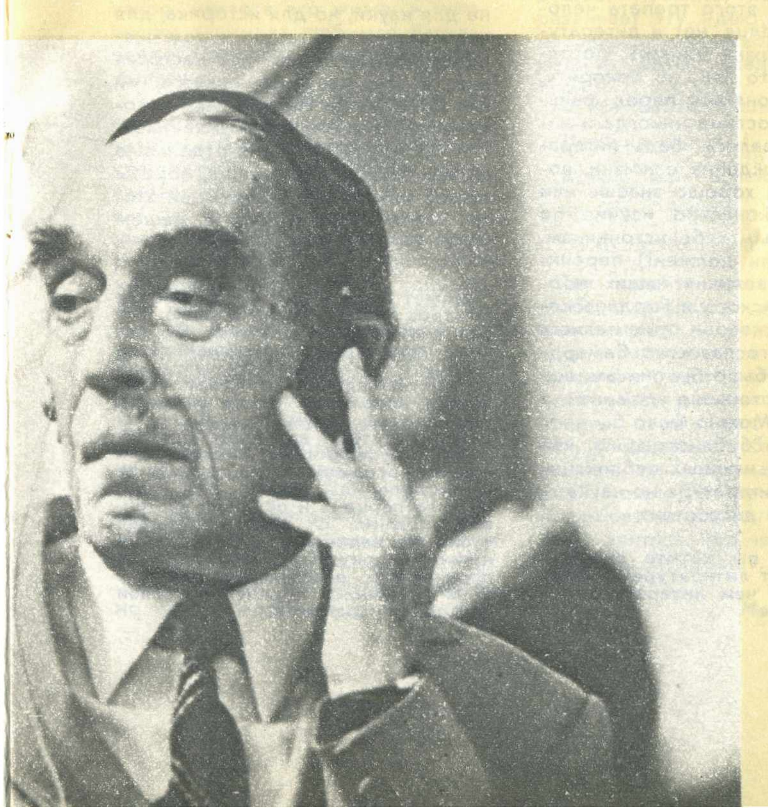
— Вопросы, связанные с прогрессивными технологиями или повышением производительности труда, надо решать совместно с наукой. Без этого мы должного прогресса не получим.

Академик Н. Н. Боголюбов:

— Сейчас уже все понимают, что математика — основа современного языка естествознания, зачастую говорят, что математика и царица и служанка всех наук. Я воспринимаю математику как добрую всемогущую волшебницу, помогающую всем тем, кто, освоив ее язык, сумеет использовать ее достижения.

Главный ученый секретарь Президиума АН СССР академик Г. К. Скрябин:

— Есть еще у нас в науке люди, которые числятся теоретиками только из-за того, что никогда не давали ничего практике!

В ИСТОРИИ ЧЕРПАЕМ МЫ МУДРОСТЬ

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. ЗАГРЕБЕЛЬНОГО

Осмысление истории, сложные проблемы соотношения прошлого и современного особенно актуальны сегодня. С этим связан и все возрастающий в последние годы интерес к литературе исторической, мемуарной, документальной. Естественно, что многие наши мастера слова, работая над произведениями остросовременными, отдают немалую дань и историческому прошлому нашей Родины.

Именно таким писателем является и лауреат Государственных премий СССР и УССР Павло Загребельный. Читатели давно знают и любят такие его произведения, как «Европа, 45», «Дума о бессмертном», «Шепот», «Добрый дьявол», «Европа. Запад», и книги, рассказывающие о становлении современного рабочего, руководителя, ученого («День для грядущего», «С точки зрения вечности», «Переходим к любви», «Разгон»). Но значительное место в его творчестве занимают исторические романы.

Фото А. Багаутдинова

— Павел Архипович, я знаю, в этом, юбилейном для вас году выходит из печати еще один ваш новый исторический роман — о Богдане Хмельницком. Но давайте продолжим разговор о вашем последнем: сейчас пока на памяти у читателей прежде всего роман «Роксолана».

Все ваши предыдущие произведения были посвящены историческому прошлому родной Украины, а в «Роксолане» почти все действие происходит в Турции.

— В каждом историческом произведении меня прежде всего интересует исследование народных судеб. В романе «Диво» хотел показать судьбу таланта зодчего-строителя Софийского собора. «Смерть в Киеве» — это судьба государственной идеи. «Первомост» — судьба народного сооружения. «Евпраксия» и «Роксолана» — трагическая жизнь женщины в разлуке с родной землей.

Из галереи знаменитых ученых, художников, писателей, государственных деятелей XVI столетия я выбрал простое имя пятнадцатилетней украинки Анастасии Лисовской, которую угнали в рабство и которая, попав в гарем Сулеймана, находит в себе силы для борьбы с самой Историей, одерживает даже некоторые победы, завоевывает славу. Став любимой женой султана, почти сорок лет потрясала она не только Османскую империю, но и всю Европу. Венецианские послы в донесениях из Стамбула называли ее Роксоланой. Под этим именем она и вошла в Историю. Но осталась лишь мифом, тенью, легендой... Так зачем же воскрешать тени прошлого, спросите вы?

Вовсе не для того, чтобы только пополнить родословную украинского народа еще и известным женским именем. Дескать, у греков была Таис, у римлян Лукреция, у египтян Клеопатра, у французов Жанна д'Арк, у русских боярыня Морозова, а у украинцев Роксолана. Нет, я хотел попробовать соединить историю этой женщины с историей ее народа, соединить то, что было так жестоко разъединено, ибо, согласитесь, судьба отдельного человека, объединенная с судьбой всего народа, обретает новое значение, новое измерение, новую силу.

Собственно, мой роман — это история борьбы никому не известной девушки и женщины за свою личность, за то, чтобы уцелеть, сохранить и уберечь себя, а затем вознестись над окружением, быть может, и над всем миром... Тем ценнее и поучительнее победа Роксоланы над собой. Значение такой победы не утрачивается и в наше время, к сожалению, столь богатое в странах так называемого свободного мира попытками уничтожить человеческую личность, нивелировать ее, лишить неповторимости, затоптать, пользуясь для этого любыми средствами.

И вот приходят из далекого прошлого великие тени и дают нам уроки высокой нравственности.

Павло Загребельный, конечно, не случайно обратился к образу Роксоланы.

Рос на Днепре в полтавском селе Солошино паренек. Мечтал стать моряком. 15 июня 1941 года танцевал на школьном выпускном вечере, а через неделю — война. Павло сразу едет учиться в Киевское артучилище. В первых же боях ранен. После госпиталя доучивался уже в Фергане, в марте 1942 года ему было присвоено звание лейтенанта. А за неделю до своего 18-летия попал в плен. Оттого, наверное, так близко и понятно Загребельному состояние человека, оторванного от Родины, порабощенного, но не сломленного — такого человека, как будущий академик Карналь из романа «Разгон», который, как и автор, мальчишкой проходит концлагерь, не сдается, борется, совершает побег, и такого человека, изнуренного борьбой за жизнь, за свою индивидуальность и тоже не сломленного, как Роксолана.

Да, человеческая память живет в историческом романе, в каждом истинно художественном произведении. И не имеет значения, сколько лет этой памяти — сорок или четыреста.

— Вообще, когда начинаешь писать что-то из прошлого, неожиданно вспоминаются легенды, сказки, песни, (которых ты, казалось, никогда и не знал). Создается впечатление, будто все идет тебе само в руки, появляется множество людей, готовых прийти на помощь то ли советами, то ли присылкой редкостных книг, то ли выписками из архивов и даже из таких прославленных книгохранилищ, как ереванский Матенадаран. Неожиданно выходят из печати нужные тебе книги, археологи находят то, о чем никто и не мечтал, ученые выдвигают теории, без которых твой роман был бы невозможен.

— Чем все это объяснить — мистикой, чудесами? Или тем, что называют озарением? Художник почувствовал тот миг, когда можно приниматься именно за эту работу, и тогда как вознаграждение за интуицию и смелость — поток только на первый взгляд неожиданных подарков.

— Писатель — сын своего времени и должен чувствовать его голос, его зов. И должен писать так, чтобы объединить людские сердца, заставить их сопереживать. Ибо если нет этого трепета человеческого сердца, нет и литературы. Время можно удивить, потрясти на какой-то миг, но покорить, заставить склоняться перед фальшивыми ценностями никогда и никому не удавалось. Ведь литература — это суждение о жизни, которую ты сам хорошо знаешь или которую досконально изучил по всем доступным тебе источникам. Я мог бы (или должен?) перечислить труды великих наших тюркологов Крымского и Гордлевского, австрийского ориенталиста Хаммера и югославского Самарджича, можно было бы описать все те земли, о которых я упоминаю в «Роксолане». Можно было бы просто привести библиографию, как это водится в научных публикациях. Но ведь литература не наука, а писатель — не диссертант.

— То есть вы хотите сказать, что наука дает литературе неизмеримо больше, чем литература может дать науке?

— Да. И мы должны это откровенно признать. «Книги,— говорил Бэкон,— должны быть результатом наук». Писателю помогает в работе все: документы, легенды, хроники, случайные записи, исследования, вещи, даже неосуществленные замыслы. А чем может услужить историку сам писатель? Наблюдениями и исследованиями непередаваемости человеческого сердца, психологии человеческих чувств и страстей? Но история далека от страстей, она лишена сердца, ей чужды чувства, она должна «добру и злу внимать равнодушно», ибо над нею безраздельно царит суровая диктатура истины.

Писатель же может воссоздать не для науки, но для историка, для человека, для читателя, в том числе и ученого, то или иное настроение, и это, как мне кажется, не так уж и мало. Работая над историческим романом, ты выхватываешь из мрака забвения отдельные фразы, жесты, черты лица, образы людей или только их тени, но этого бывает достаточно в нашем упорном споре с вечностью.

Может быть, успех исторических романов Павла Загребельного как раз и заключается в том, что автор постоянно придерживается «суровой диктатуры истины», а для ее подтверждения избегает искушения наполнять книгу большим количеством документов. Лишь изредка писатель включает в текст романа аутентичные письма Роксоланы, отрывки из некоторых ее стихотворений, образцы стилистики того периода и образцы восточной поэзии. С другой стороны, столь же редко автор, не получив нужного документа, шел по пути логического воссоздания, но и в этом стремился подкреплять свои построения фактами.

— И вот я в Стамбуле и стою у южной, обращенной к Мекке, стены самой большой стамбульской мечети Сулеймание, перед гробницей-тюрбе женщины с Украины. Роксолана, Хуррем, Хасеки — это все ее имена, под которыми она известна миру. Турки еще и сегодня зовут ее Хуррем. В Стамбуле большой городской участок носит имя Хасеки, на этом участке построенная Роксоланой мечеть, приют для убогих, больница — все это на месте Аврет-базара, на котором когда-то продавали людей в рабство. А здесь, возле мечети Сулеймана Великолепного, рядом с его огромной восьмигранной гробницей, тоже каменная и тоже восьмигранная усыпальница его жены Роксоланы. Четыреста лет стоит эта гробница. Внутри под высоким куполом Сулейман велел высечь алебастровые розеты и украсить каждую из них бесценным изумрудом, любимым самоцветом Роксоланы, единственной султанши в тысячелетней истории могущественной Османской империи, вообще единственной во всей истории этой земли женщины, удостоенной такой чести.

— Павел Архипович, роман «Евпраксия» вы написали десять лет, а «Роксолану» — пять лет назад. Закончен исторический роман «Я, Богдан».

— Знаете, сегодня меня больше волнует не сама по себе какая-то определенная историческая эпоха и ее герой, а небрежное, равнодушное отношение к Истории, к ее памятникам. Незаметно исчезают из нашей жизни повседневные праздники общения с красотой. Ведь как раньше — даже в беднейшей деревенской семье — безукоризненно вылепленные кувшин или кринка, искусно вырезанные миски и ложки, а расписные изразцы на печи и наличники на окнах! — все это было постоянно длящимся (пусть и бессознательным), но праздником, тем, что мы сейчас называем эстетикой быта.

Неведомые сокровища таятся рядом с нами, надо только повнимательнее посмотреть вокруг, заглядывая в далекое и недавнее прошлое нашей улицы, нашего города. Да стоит ли далеко ходить за примером? В этом году торжественно отмечалось 175-летие со дня рождения Николая Васильевича Гоголя. Село Васильевка на Полтавщине великий писатель называл «родным гнездом». Не буду рассказывать здесь о том, какое место в его жизни и творчестве занимала любимая Васильевка. Приведу лишь несколько фактов.

В 1943 году немцы сожгли это село. Тридцать лет спустя энтузиасты Полтавского инженерно-строительного института на общественных началах подготовили проект, в котором впервые на научной основе воспроизвели историко-мемориальную территорию усадьбы и центр села. Но конкретные работы практически не велись. В преддверии юбилея Гоголя журнал «Огонек», «Известия», «Литературная газета» и другие издания выступили с материалами о необходимости строительства и охраны заповедника. Сейчас центр села Гоголево восстановлен, но еще портит картину сооружение XX века — бетонная коробка клуба, закрывающая часть флигеля, в котором жил Гоголь.

Вы скажете, многое уже сделано. Да, и многое еще предстоит сделать, но как много попусту уходит времени, как много напрасных усилий (хождений, просьб, выманиваний и требований) тратят те, кто по-настоящему любит свой край, знает его историю.

И уж если речь зашла о моем любимом писателе, не могу без боли и горечи не сказать о еще одной проблеме, очень меня беспокоящей и как человека, любящего свою землю и воевавшего за нее, и как писателя, и как депутата Верховного Совета СССР, проблеме малых городов, многие из которых просто уникальны.

На живописном берегу реки Остер лежит город Нежин. В летописях он упоминается уже в 1147 году. Нежинскую гимназию окончил Николай Васильевич Гоголь. Сейчас в этом здании находится педагогический институт имени Гоголя. Кстати, в Нежине провел свое детство конструктор первых ракетно-космических систем академик Сергей Павлович Королев. Этот красивейший украинский город с замечательными архитектурными памятниками находится всего в 150 километрах от Киева, имеет стотысячное население, но не имеет даже настоящего Дома культуры. Лишь недавно здесь построен большой современный кинотеатр. А мостовая в городе находится в том же состоянии, что и в начале прошлого (!) века, если верить описанию Гоголя. Горько и стыдно об этом говорить. Но уже не могу остановиться и приведу еще один пример.

Город Каменец-Подольский. После Киева, Львова, Чернигова занимает четвертое место по количеству и уникальности историко-архитектурных памятников. Срочно необходимы реставрационные работы, но нет специалистов-реставраторов, нет здесь, как на Полтавщине, энтузиастов, знающих и любящих свой край. А ведь растут в этом городе дети, молодежь, живут в этом городе их родители и педагоги. Так неужели нельзя «навалиться всем миром» и восстановить для себя, сохранить для потомков замечательные памятники истории, в которых так же, как и в полотнах живописи и произведениях литературы, запечатлены «человек и представления его души».

Ведь человек — это частица великого исторического времени. Силой своего разума он способен охватить весь мир, заглянуть в прошлое и предначертать будущее. Помните, как прекрасно развивает эту идею в своем философско-поэтическом цикле «Середина века» Владимир Луговской:

И все же ты лишь капля
в океане
Истории народа.
Но она —
В тебе. Ты — в ней. Ты за нее
в ответе.
За все в ответе — за победы,
славу,
За муки и ошибки.

Так давайте же сделаем так, чтобы, совершив даже беглое знакомство, непременно захотелось вернуться к памятникам прошлого еще раз, чтобы почувствовать ритм истории, лучше понять свое предназначение в ней, представив себе всю неразрывную связь времен. Ведь историей можно не только утешаться и любоваться, у истории необходимо учиться, ибо «в истории черпаем мы мудрость».

Беседу вела
М. ВАРВАРИНА.

ОДЕРЖИМОСТЬ ТВОРЧЕСТВОМ

Есть мастера искусства, чьи имена становятся легендой еще при жизни.

Такими были Николай Симонов и Юрий Завадский. Актер и режиссер. Классический Сатин в «На дне», Протасов в «Живом трупе», Петр I в экранизации знаменитого романа и — тонкий сценический интерпретатор Шекспира, Лермонтова, Достоевского, советской драматургии.

Один — ленинградец, другой — москвич. Разные судьбы, разные поиски, разные характеры. Но обоих сравнительно недавно ушедших от нас художников роднит прежде всего неистовая одержимость творчеством. Вот почему сведение под одной обложкой книги популярной серии «ЖЗЛ» двух этих имен представляется вполне оправданным.

Автор, М. Любомудров, видный исследователь театра и театральный критик, умело доносит до читателя не только судьбы и общие художественные устремления своих героев, но и интересно анализирует рисунок, внутреннюю мелодику, содержание созданных ими образов и спектаклей. Это тем более важно, что позволяет молодому поколению глубже приобщиться к предшествующему опыту нашего искусства.

На берегах великой русской реки берет начало жизненный путь Николая Константиновича Симонова. Волжскую удаль и размах он сохранил в театре и на экране, безошибочно чувствуя истоки народного характера, народной души. По широте творческого диапазона ему было доступно все: и пушкинский Сальери, и Маттиас Клаузен Гауптмана. Однако люди России, такие, как Флягин в «Очарованном страннике», Астров в «Дяде Ване», а еще раньше — Ломоносов в «Сыне рыбака», Павел Суслов в «Виринее», Долгов в фильме «Красные партизаны», составляли главный предмет его актерских пристрастий.

Автор книги показывает сложный процесс превращения самарского паренька в большого художника-патриота, рисует привычки и увлечения героя, до конца жизни не расстававшегося с мольбертом и красками, знакомит нас с учителями Симонова в искусстве, коллегами, друзьями. Так постепенно в книге складывается портрет яркой человеческой личности, наделенной богатым духовным миром.

Мы наблюдаем волнующее чудо рождения роли в результате неустанных, порой изнуряющих репетиций, видим, какой ценой давался мастеру успех, сколь требователен был он к себе, умея извлекать уроки из своих ошибок и неудач, чтобы идти дальше.

Второй очерк, вошедший в книгу, посвящен Юрию Александровичу Завадскому.

Блистательный актер, ученик Вахтангова, потом мхатовец, Завадский рано обратился к режиссуре, основав в 1924 году театральную студию. С 1940 года и до самой смерти он возглавлял Театр имени Моссовета. Завадский шел в режиссуре своим путем, чутко откликался на запросы современности, добивался на сцене психологической остроты и правды характеров. Его сценические решения всегда были талантливы и неожиданны. Он сплотил вокруг себя в театре настоящий коллектив единомышленников, воспитал многих прекрасных актеров.

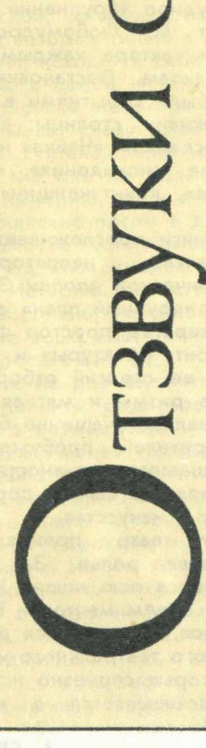
«— Идите от логики жизни, от правды,— требовал Юрий Александрович на репетициях,— не надо изображать некий абстрактный «народ», вы сами и есть народ — боритесь, действуйте...» Он вновь возвращался к мысли, что тенденция современного театра — это подспудное укрупнение актера, пишет М. Любомудров, и «укрупнял» актера каждым своим спектаклем. Постановки Завадского были событиями в театральной жизни столицы: «Отелло» и «Маскарад», «Чайка» и «Петербургские сновидения», «Дали неоглядные», «Бунт женщин», «Совесть».

Автор книги прослеживает, как формировался неповторимый стиль сценической эпопеи Завадского, где «крупный план» актерского мастерства, простор фантазии, колорит «фактуры» и одновременно ее строгий отбор, напряженные ритмы и мягкая пластика заставляли учащенно биться сердца зрителей, пробуждая в них ту душевную активность, которая и является самым дорогим в восприятии искусства.

«Живому театру принадлежит непреходящая роль». За такой театр боролся всю жизнь Юрий Завадский, о нем мечтал и Николай Симонов, выдающиеся деятели советского театрального искусства, о которых серьезно и интересно рассказывается в новой книге ЖЗЛ.

А. ЕВСЕЕВ

М. Любомудров. Н. Симонов, Ю. Завадский. М., «Молодая гвардия», 1983, 325 с.

Какимбек
САЛЫКОВ

РАЗДУМЬЯ О ДРУЗЬЯХ

Все богатство мое —
Дорогие друзья,
Однокашники, спутники жизни
с рожденья.
Как их радует
каждая строчка моя,
Как стихов от меня
они ждут с нетерпеньем!

Они скажут мне правду открыто —
друзья.
Не послушаешь их —
будут горьки уроки.
И навстречу
спешу благодарно им я:
Ведь без них не сложил бы я
светлые строки.

И еще
одношахтники есть у меня —
Те, с кем выпало сблизиться
в жарком забое.
И я знаю:
Теперь навсегда мы — родня,
Блеск руды стал навек
общей нашей судьбою.

А еще у меня
много младших друзей,
Тех, кто следом за мною шагает
в волненье.
Старшим братом
встречаю я их у дверей,
В их сердцах я ищу
своих дум продолженье.

Ну, а сколько же старших друзей
мне дано,
На которых равняться вовек
не устану.
Рядом с ними
мне жизнь познавать суждено.
Мне б любому из них
посвятить по дастану!

Старший, младший, ровесник —
друзья вы мои!
В счастье ль, в горе —
роднее не будет и нету.
Все мы дети одной,
очень дружной семьи,
Все мы ради мечты
разлетелись по свету.

БЕЛАЯ БЕРЕЗА

Качается березка и печально
Округе шепчет про свое житье.
В ней наша юность.
Видно, не случайно
Слова любви ищу в листве ее.

Здесь к нам заря
тянулась ранней ранью,
Здесь, у березы белоногой, я
Ждал с черноглазой девочкой
свиданья,

Здесь рвал цветы,
волненье затая.
Гляжу я на березку,
и незримо
Стихами вновь душа моя полна.
Лишь тень мелькнет —
Ищу я тень любимой.
Вот — словно рядом. Нет.
Но где она?
И я с березкой говорю,
как прежде:
— Тоскует ли любимая моя,
Приходит ли она сюда в надежде,
Расспрашивает ли она,
где я?..

Казалось мне,
без нас сиротства воздух
Согнет березку.
Но и ныне вновь
Мне листья золотые,
словно звезды,
Напоминают первую любовь.

Минуло время, но,
сдержав дыханье,
К березке я взволнованно иду,
Как будто снова
Первое свиданье
Я с черноглазой девочкою жду...

ВОСЬМОЕ ЧУДО СВЕТА

Черемуховых ягод взгляд чернее,
В нем настоящей дружбы виден
свет.
Заговорить бы с ней,
да я робею,
И смелости былой в помине нет.

Чудесен лик.
Дрожащие ресницы
Так мягко кверху загнуты слегка,
Есть в стане
гибкость раннего цветка,
Осанка —
как у сказочной царицы.
Как сила обаянья велика!

Я все слова забыл,
такую встретив,
Как нелюдим,
стою средь бела дня.
— Скажите,
сколько есть чудес на свете?—
Внезапно мысль мелькнула у меня.

— Семь,—
Мне в ответ она без промедленья.
— Нет, восемь!—
Произнес упрямо я.
И начала тогда перечисленье
Семи чудес красавица моя...

Но, глядя на нее благоговейно,
Продолжил я:
— Конечно, вы правы.
Все семь чудес вы мне назвали
верно,
Ну, а восьмое чудо —
это вы.

И вспыхнула она
И так сказала,
Прочь детское смущение гоня:
— Но это если вашими глазами
Весь мир однажды взглянет
на меня...

ДУША ПОЭТА

Поэт строкой,
как саблею алмазной,
Твердь рассечет,
за правду в бой спеша.
Он будет первым
в том бою опасном.
Иной судьбы не приняла б душа.

И сев и жатва —
все в душе поэта.
Он гость земли,
как каждый из людей,
Но в жизнь
стократ влюбленнее при этом,
Боль и любовь
он чует всех острей.

Нет для него
загадки в сокровенном.
Когда беда,
он первым слышит зов.
И, жар вбирая в душу,
Вдохновенно
Его в стихи он воплотить готов.

Он с подлецом
стоять не станет рядом,
Лжец для него —
непримиримый враг.
А честному
он станет кровным братом.
Душа решила так
и только так.

Как хлебное зерно,
Она все выше
Ведет росток
и колосом звенит.
И отзвуки чужих сердец услышав,
Она стихом судьбу благодарит.

С природой сходство
есть в душе поэта:
Сквозь летний зной,
Сквозь торжество снегов,
Сквозь дни весны,
Сквозь осени приметы
Она мерцает звездами стихов.

ПОЭТЕССЕ

О тебе говорят нынче
наши просторы,
Щедро даришь ты нам
золотые слова.
Как тепла твоя муза
в метельную пору,
В летний зной
она нежной прохладой жива.

Ты о мире, о Родине
ни на мгновенье
Не забудешь,
бессонно ловя тишину.
И завидую я
Твоему вдохновенью:
Сколько счастья находишь ты
в этом плену!

●

Не обижайся на меня
за ревность —
Она вреда тебе не причинит.
Ведь это чувство древнее,
как верность,
Как преданность
и как девичий стыд.

Тут недоверья не ищи привычно.
Подольше эту искру сбережем:
Когда бы ты
была мне безразлична,
Давно бы нам наскучило вдвоем.

Перевела с казахского
Татьяна КУЗОВЛЕВА.

К 60-ЛЕТИЮ МОЛДАВСКОЙ ССР

Николай БЫКОВ,
фото Николая КОЗЛОВСКОГО,
специальные корреспонденты «Огонька»

Молдавия каждый раз по приезде ошеломляет красками, графикой промышленных виноградников, бешеным ритмом рук в работе и пляске, круговертью ореховых дорог и стремительной сменой ландшафта: кодры, степь, холмы Приднестровья, кручи над Прутом... Давно полюбил все это, а привыкнуть не привык; непременная новизна в жизни и производстве, гостеприимство и общительность молдаван взорвут любое равнодушие. Конечно, лето не лучшая пора для гостевания: время людей заполнено традиционными и всегда напряженными работами в поле, садах, на виноградниках, тем более в цехах городских предприятий, где страда запрограммирована на весь годичный цикл. Особенно весь этот недосуг ощущаешь в нынешнем году, юбилейном, когда все населяющие эту живописную республику — млад и стар — готовятся достойно отметить шестидесятилетие Молдавской Советской Социалистической Республики и Компартии Молдавии, а также сорокалетнюю годовщину освобождения страны молдаван от фашистской оккупации. Чем больше праздников и праздничных событий, тем жарче кануны, неистовее трудятся молдаване, дружнее берутся за дело. Такова уж традиция: поле должно быть убрано, скот упитан, вино в бочках, а дом должен быть раскрашен по вкусу хозяев.

...Горячий голубой асфальт стремительно уносил сначала на юг — к Пруту, потом на север — тоже к Пруту. Нужны перо и кисть Гоголя и Ван Гога, чтобы описать летнюю Молдавию, ожидающую урожай полей и садов. О Ван Гоге настойчиво напоминали плантации подсолнечника, лелеемые отныне согласно промышленной технологии. Вот пряные кружевные заросли укропа, а там сиреневое поле шалфея — высокие нежные султаны его едва склоняются в полупоклоне навстречу сухому ветру Буджакской степи. А дорога дальше, дальше — вдоль сочных плантаций лопушистых табаков, юной кукурузы, третьей поукосной люцерны, лиловых валков поверженного гороха. «Год гороха!» — слышал я в нескольких районах. Вот уж уродил так уродил! Без белка нынче ни надоев, ни привеса не получишь...

В Молдавии я ловил себя на желании записать то, что хранит память не всегда еще старых стариков. Очень недалено ушло тяжелое прошлое, там и тут его следы. Оно так еще близно, и так было обидно серо, так безысходно, что люди обязательно начинают с воспоминаний бесконечных лет нищеты, деспотии, оккупаций.

РЫШКАНЫ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

— Зачем искать стариков, я и сам все хорошо помню,— рассказывал первый секретарь Рышканского райкома партии Иван Васильевич Попович.— В чем ходили в классы!.. И били детей, помню... Нас у отца с матерью выжило только пятеро... Судьба Молдавии, судьба ее Заднестровья, которое ждало воссоединения с Советской Россией до сорок четвертого года,— об этом говорить до сих пор нелегко. Все, что вы увидите сегодня в Рышканах, во всех селах района,— ничего этого не было, это все плоды упорнейшего нашего труда за последние две-три пятилетки. Я имею в виду заново отстроенное — современные дома и прочее. Но не только. Сотворение мира — это и в духовном плане тоже, точнее, в первую очередь. Раскрепощение всех национальных сил, обретение крыльев — это вы можете понять? Окраина царской империи, претерпевшая две оккупации, и вдруг взлет от сохи к космосу, и все это за считанные годы, на виду и при участии всего-то двух поколений!.. Села Пеления и Михайляны— оттуда вышли знатные земледельцы, писатели, врачи, учителя, офицеры... Бывало, заболел человек — значит, умер... В уезде было шесть фельдшеров, а теперь в районе сто семьдесят врачей... Вот он, Прут. В эту пору Прут приносил жителям Бессарабии бедствия, шла вода с Карпат, и тут у нас все плыло и уплывало: скирды, скот, плетни, хаты... Я сам еще недавно на «амфибии» ночью подбирал тонущих. Лет пять назад наша страна совместно с Румынией решила обуздать реку. И обуздали. Построили вместе гидроузел, водохранилище. Поливаем посевы, и никаких ночных тревог... Изменились география, труд, архитектура, одежда, помолодела душа народа, люди стали красивее, а, по существу, земля наша только вступает в пору плодоношения. Сравните нынешнее бытие с тем, что навсегда осталось в стенах Рышканского музея. Постолы, цепы, домашняя тканина, сохи. Концы с концами люди не сводили. Теперь все двадцать девять хозяйств района прибыльные, рентабельность в среднем по району достигла тридцати трех процентов. В год одновременно строим сотни объектов — не клубы, а дворцы культуры, детские комбинаты и школы, аптеки и санатории, музыкальные школы. И всюду асфальтированные дороги, улицы, а ведь у нас более полусотни сел!.. Догадываюсь, что в иных республиках всем этим не удивить, но у нас это еще новь, это свежее, только-только обретенное: дома быта, дома торговли, дома механизаторов, дома здоровья. Все пахнет еще сырой известью и красками. А запросы какие! Проектанты столичные иной раз диву даются. Например, затевали Дворец семейных торжеств, и проект был неплохой, но не учитывал он ни народных традиций, ни возможностей современных молдаван. Нам нужен, например, большой банкетный зал, а проект малогабаритный... Хватит гулять свадьбы на улицах и под брезентом!..

Иван Васильевич показал гидроузел, музей, Дворец семейных торжеств, спортзал, Дом механизатора — повсюду новизна, новые условия работы, свежесть красок. И бесчисленные розарии! Детский спортивный лагерь в колхозе, Рышканское озеро, на котором тренируется член сборной страны, а в новом спортзале—баскетбольная команда, участница республиканских первенств,— и это в бывшей Бессарабии. Внук — одно из самых уважаемых слов у молдаван. Судьба внуков заставляла когда-то стариков проклинать небо и бояр; за судьбу внуков теперь спокойны молдаване, ровесники Советской республики.

Тихая прохлада — такое возможно только в музее. Мрамор. «В этом здании в январе 1918 года помещался фронтотдел румчерода». В переводе с революционного: здесь помещался исполнительный комитет Советов румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области. И рядом: «Столярная мастерская Федора Тимофеева». Это еще начало века: типография, разумеется, подпольная, где печаталась ленинская «Искра».. Портреты, портреты... Большевики Румфронта — И. Уборевич, П. Костоглодов, В. Лобова, Ф. Рогов... Сколько лет им было? Сколько лет было героям, полководцам, принесшим свободу Молдавии? Вот они, совсем молодые,— Фрунзе, Котовский, Лазо, Якир, Федько, Гамарник; самому старшему тридцать семь, а тем, кто помоложе, двадцать два, двадцать три... Много было врагов, гуляла кровавая волна от Днестра до Прута, накатывалась, откатывалась. Вот пророческая резолюция II Бессарабской партконференции: «Вопросы Бессарабии решаются сейчас не на Днестре, а на Дону и Волге». На Волге они решались и позже, в 1942 году...

Секретарь парткома колхоза «Советский пограничник» Михаил Алексеевич Кулаксиз по-отечески заметил:

— Наши молодые склонны иронизировать, они как стариковскую причуду воспринимают постоянные напоминания о том, чего не было и в помине. А не было многого. Ни теплых домов, ни электричества, ни радио, ни автомобилей... Для них и шестьдесят лет, и сорок, и двадцать — история. Но мы никакие не старики. И мы знаем, сами начинали с нуля. Зато в правильном направлении шли — к солнцу.

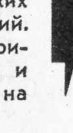
САД В ЛЯДОВЕНАХ

...Яблоневый сад. Ветер с Прута. Сад современный, промышленный, так называемый пальметтный, до любого яблока рукой достать — вот они, наливаются солнечным светом. Сад не простой, каких тысячи на земле,— мемориальный. Он растет и плодоносит в память о героизме летчиков Великой Отечественной. Когда-то сада не было, а был выгон, его еще перед войной заняли под аэродром; здесь стоял, поднимался и садился авиаполк.

Сад на окраине села Лядовены — живой памятник тем, кто отстоял наше право дышать, петь, собирать плоды. В названии села «замаскирована» фамилия русского летчика Григория Лядова. Аэродром, на месте которого ряды яблонь, действовал с довоенного сорокового по 1947 год. Отсюда на первый поединок с немцами поднялся будущий легендарный летчик Александр Покрышкин. Здесь служили три товарища, экипаж «пешки» («Пе-2») — Владимир Завадский, Григорий Лядов, Алеша Филимонов. Командир, штурман, стрелок-радист. Командир и штурман—Герои Советского Союза.

Самолеты, самолеты... В воздухе и на земле — распластанные и беспомощные. Михаилу Георгиевичу Думбравану сорок лет назад шел четырнадцатый год, и он со сверстниками и отощавшими дедами каждый раз после налета фашистской авиации поспешал с лопатой наперевес к дымящимся воронкам — латать прифронтовой аэродром. Приближался срок Ясско-Кишиневской битвы, потом и она отгремела, но работы ремонтерам хватало до конца августа. Но еще до победы аэродром, весь полк, все окрестные крестьяне успели оплакать смерть Гриши Лядова. Это был последний день мая 1944 года. «Пешка» Завадского возвращалась с задания, но над левым берегом Прута ее подстерегли в туче девять «мессеров». Напали, закружили, как стая коршунов. Леша одного сбил, оставшиеся восемь гнали «пешку», пытаясь успеть расстрелять до наших зениток. «Пешка» уходила, но не ушла. Экипаж покинул ее. Началась «потеха»: мучительно медленно спускались парашютисты, немцы пикировали на них. Все крупнокалиберные пули шли мимо, и тогда один из «мессеров» таранил парашют — то был парашют Лядова. Черное крыло срезало стропы, Гриша упал. Командир и стрелок-радист приземлились намного дальше, кажется, в кукурузе. На следующий день они отправились было искать Гришу, его тело, но командир полка запретил — мало ли кто бродит вдоль Прута... Ослушались два товарища, ушли в горькую самоволку, ушли раз, уходили снова и снова. Командир заприметил озерцо, а еще он помнил — были женщины, они прошевали кукурузу, те женщины были в косынках из парашютного шелка — примета прифронтового соседства. Искали в кукурузе, куда сами тогда попадали, а нашли в пшенице. Лежал человек в комбинезоне, перевернули — Гриша! В кармане письмо от мамы, от Таисии Андреевны, из Перми. И заплакали. Никого не было рядом, и плакали не стесняясь. В то победное лето Грише исполнилось двадцать три...

Да, жили-были два села, село Стрымба и село Сингурены. По-русски «кривое» и «одинокое». Разделяла их речка Реут, а соединял мосток — кладка в несколько досок. Те два села не то чтобы враждовали, но и дружить отродясь не дружили. С того и другого берега доносились обидные песни и припевки. Хлопцы встречались только для обоюдоострых насмешек и потасовок. Говорят, ни одна свадьба не перекинулась через узенькое русло Реута — родители следили, чтобы никаких отклонений от дедовских традиций. А помирила два села смерть Гриши Лядова. Его боевая жизнь и смерть над полем были у всех на

виду. Погибли многие летчики, но Гришу убили на глазах, зверски срезали черным лезвием крыла. После войны сошлись крестьяне Стрымбы и Сингурен на общий сход и составили письменное обращение в Президиум Верховного Совета Молдавии с просьбой переименовать и административно объединить два села в одно, а новое общее село назвать в честь русского летчика Лядова. Просьбу примирившихся соседей рассмотрели и уважили; начало новый отсчет время теперь в колхозном селе Лядовены.

Яблоням тяжело от многопланетной системы нынешнего урожая. Деревья сажали сотни людей. Сюда много раз приезжала Гришина мама Таисия Андреевна. Приезжала не отдыхать — работать в саду. Жила в Лядовенах и работала, бывало, по два месяца. И так много лет. А теперь Таисия Андреевна старенькая, и ждут ее только на отдых. Но у нее есть смена — в село имени сына теперь приезжают юные пермяки из школы № 47. Шумное, работящее, изголодавшееся по солнцу племя! Сколько рук! Сколько песен... Конечно, хлопот с гостями до шестнадцати немало, но председатель Михаил Георгиевич Думбраван все равно доволен. Дружба, общение все окупают. Одно тревожит — дружба имеет свойство бесконтрольно разгораться и воспламеняться иным огнем: уже два парня уехали в Пермь. Вот тебе и холодные северянки... Для Михаила Георгиевича желателен только обратный процесс.

По бывшей взлетной полосе тянут лошади фуру с яблоками. Ничто, даже небо, не напоминает о войне, о времени, когда подвозили мужики боекомплекты. Низко пролетает зеленый ветер над бывшим аэродромом. Он стихает у могилы Героя Советского Союза Лядова, возле высокого крыльца колхозного музея, открытого в честь навечно юного русского побратима.

МЕДЛЕННЫЙ ДОЖДЬ — В ЗЕМЛЮ

— Рывком да наскоком,— наставительно говорил мне председатель колхоза Думбраван,— ничего не сделаешь. А делать надо на века, для себя. И десяток дел одновременно. Строить, сеять, выращивать, воспитывать, снова строить — урожай, село, людей. Вот ждали осадков, а налетела гроза с ливнем, местами с градом. Земля у нас нелегкая, суглинистая, требует тонкого подхода, выдержки во всем. Не зря испокон веку говорится: медленный дождь — в землю! Ливни да паводки у нас не задерживаются, скатываются в Реут, к Пруту. Землю может напоить только дождь медленный, ласковый, тихий. Такого иной год и не дождешься. Значит, все внимание дождеванию. Тут мы боги.

Михаил Георгиевич не без гордости, с явным удовольствием и громогласно перечислял успехи лядовенского колхоза имени Кирова. Председательствует он уже двадцать два года и не скрывает, что многое повернул по-своему, частенько гнул свое, переубеждал земляков, настаивал, не давал почивать. Михаил Георгиевич когда-то служил в Москве и те годы использовал, как мог, как позволяла служба. «Москва — мои университеты»,— сказал председатель. Он много читал, обошел, и не раз, все музеи, любит театры. Читал и читает до сих пор много, как только минутка отыщется. Успехи на колхозной ниве — это и личность председателя; его устремления, привязанности, широта кругозора много значат. Я сразу понял Думбравана, его позицию, как только он обратил мое внимание на высказывание Ленина: «Без личной заинтересованности ни черта не выйдет. Надо суметь заинтересовать».

Вот и мысль о медленном дожде! Она сегодня для Молдавии чуть ли не главная. Ясно, что следующий этап в развитии здесь связан с рукотворными дождями, с орошением, а это проблема очень и очень непростая. Засуха прошлого года, сухая зима нынешнего поторапливают. Цель — сплошное орошение, создание надежных и широко разветвленных голубых систем. Ждет воду старая и горячая Буджакская степь. Дунай ждут в кодрах! Недавно в Кишиневе выездное заседание Научно-технического совета Минводхоза СССР рассмотрело грандиозный замысел молдавских проектировщиков — создать рукотворную реку до Ниспорен. То есть поднять воду по ступеням насосных станций. Поражают размах и дерзость проекта: оросить не только Буджакскую степь, но и поднять дунайскую воду до глубинных северных районов — в кодры. И тогда триста тысяч гектаров обретут новый режим жизни и будут служить молдаванам в ранге орошаемых. Строится и сеть закрытого типа с автоматическим управлением полива на Днестровской пойме.

Молдаване знают, орошение придаст ускорение развитию сельской экономики и всей жизни республики во всех ее проявлениях. По существу, орошением здесь еще и не занимались, а республике необходимо иметь около двух миллионов поливных гектаров. Пока же их раз в десять меньше... Конечно, придется ломать устаревшие представления о земледелии, привычную структуру посевов, учить людей новым профессиям на земле, преодолевать ведомственные барьеры; да к тому же страна молдаван гористая, здесь почти восемьдесят процентов занимают горы, покрытые лесами. И тем не менее повсюду, во всех районах ждут воду. И она придет. Уже идет. А вода, новый уровень культуры полей и производства дадут толчок всей жизни. Так что вода — это вопрос и социальный и политический.

В конце минувшего года ЦК КПСС принял постановление по отчету ЦК Компартии Молдавии, в котором был дан анализ работы молдаван по вопросам агропромышленного комплекса. Начав когда-то первыми опыты по совершенствованию управления сельским хозяйством, молдаване увлеклись строительством автономных специализированных систем управления по вертикали, от Кишинева до каждой деревни, подчас до отдельной бригады в селе. Тут пока действует громоздкий аппарат республиканского Совета колхозов и районные советы колхозов, система районных АПК, районных управлений по механизации, виноградарству, животноводству, овощеводству, и несть им числа. А теперь еще восстановлены сельхозотделы в райкомах партии и одновременно созданы РАПО. Это при живых-то советах колхозов и различных «...промов». И вот теперь, после вполне понятного увлечения ломкой прежней системы управления сельским хозяйством и собственным экспериментом, испытав на себе, что значит «один с сошкой, а семеро с ложкой в портфелях», молдаване после постановления ЦК КПСС всерьез занялись пересмотром управленческих нагромождений. Недавно бюро ЦК Компартии Молдавии заслушало информацию специальной комиссии по вопросам агропромышленного комплекса о работе по совершенствованию организационной структуры управления. Начато сокращение административно-управленческого персонала. Упразднен ряд промежуточных звеньев. Упорядочены функции некоторых органов управления. Укрупнены, объединены отдельные управленческие подразделения. И сразу уменьшился, ослаб поток письменных указаний, распоряжений, прекратился сбор никем не установленных сводок. Конечно, еще остаются серьезные недостатки; тянут чиновники с ликвидацией дублирующих звеньев и не спешат устранить параллелизм в работе. Но критика молдаванами воспринята, самолюбие преодолевается, и явно поступательное движение вперед. Это по-ленински. Потому что лучший способ отпраздновать годовщину Великой революции — это сосредоточить внимание на нерешенных задачах.

«МАМА, ВОЗВРАЩАЮСЬ ДОМОЙ»

Все чаще приходят в село письма от «блудных» сыновей и дочерей: возвращаются!

— Только в прошлом году в Лядовены вернулись сто шестьдесят восемь человек. Насовсем. Кто после службы в армии, кто вообще из города,— это продолжает рассказ о колхозе имени Кирова председатель Михаил Георгиевич Думбраван — депутат Верховного Совета Молдавской ССР.

— А уезжают из колхоза?

— Конечно, живая жизнь... Мы отпустили двадцать два человека. Не просто отпустили, но старались понять, чем не угодили молодым. Причины разные и социально не страшные, все свелось к желанию пожить самостоятельно. Это естественно, и такой отсев в пределах нормы, если только такие нормы есть...

Что дает колхоз имени Кирова односельчанам? Теперь, с некоторых пор, как покрепче стали на ноги, немало. Не случайно же и в этом году за полгода приняты новые сто тридцать членов колхоза. Главное, широко распространился слух, что колхоз помогает построиться. Действительно, люди в Лядовенах за пять последних лет поставили, обжили более трехсот пятидесяти домов, точнее, 354 семьи переселились в новые дома, да какие — их надо видеть: в тени платанов, груш, айвы и винограда!..

В прошлом году в колхозе справили восемьдесят новоселий. В этом году вот-вот загудят семейные праздники еще в девяносто одном новом доме — дома здесь большие, раскрашены каждый посвоему, на пять—семь комнат, с подворьем, где и обязательный погреб, и гараж, и скотный двор, и птичник. Живут молдаване в охотку, щедро, весело. И все делают своими руками. А уж помощь соседей — традиция!

Колхоз открыл собственный карьер, добывает камень для желающих строиться. Раньше обходились саманом, теперь дома складываются из камня — это белый прочный песчаник. В ход идут и кирпичи и шлакоблоки. Колхоз рубит и пилит лес по договору с Кировской областью и оттуда привозит лес себе — пятнадцать кубов за каждые сто тамошних трудонорм. Итак, колхознику, будущему домовладельцу, дают до восьмидесяти кубов камня, лес, шифер, стекло. За два года дом готов, а то и за год — и такое случается. Правление колхоза постановило: каждый новосел может иметь восемнадцать с половиной квадратных метров жилья! Этого более чем достаточно.

Новоселам отвели улицы Мира и Молодежную, каждому дают восемь соток земли. Дома здесь не ставят «плечом к плечу», в Лядовенах традиционно поддерживается некий художественный беспорядок — дома возводят кучно, однако не по линейке, а как бы россыпью.

Колхоз своими силами и машинами уже поднял и заасфальтировал пятьдесят километров местных дорог — это достижение стоит многих иных. Заасфальтированы двадцать километров улиц, в том числе шестикилометровая улица Ленина — при мне оставались два километра.

— Раньше вы к нам не проехали бы на «Волге»,— заверил Михаил Георгиевич.— У нас Припрутье, низина, глины, с октября до апреля мы были отрезаны от города Бельцы, тем более от райцентра Рышканы...

Бывало, до половины матерей сидели дома с многоголюдным своим выводком, а теперь — вот уже три года — все дети в яслях и садах. Их, детей, в селе без малого восемьсот! Вот почему в детских садах заняты сто двадцать человек — «дошкольная бригада», в этом молодом, небывалом в прежней Молдавии коллективе двенадцать педагогов с высшим образованием.

Молодежи много. Колхозная комсомольская организация на правах райкома. Дети, подростки всех возрастов участвуют в общем труде — в садах, на огородах, в поле. До пятисот килограммов в день черешни собирали некоторые мальчишки и девочки, каждый или каждая,— это нелегкий труд, но и самый радостный.

— Мы богатые,— смеется председатель,— у нас два автобуса, и наша ребятня бывает на экскурсиях, ездит в столичные театры и музеи. Молодежь балуем, ждем от нее и отдачи и культуры.

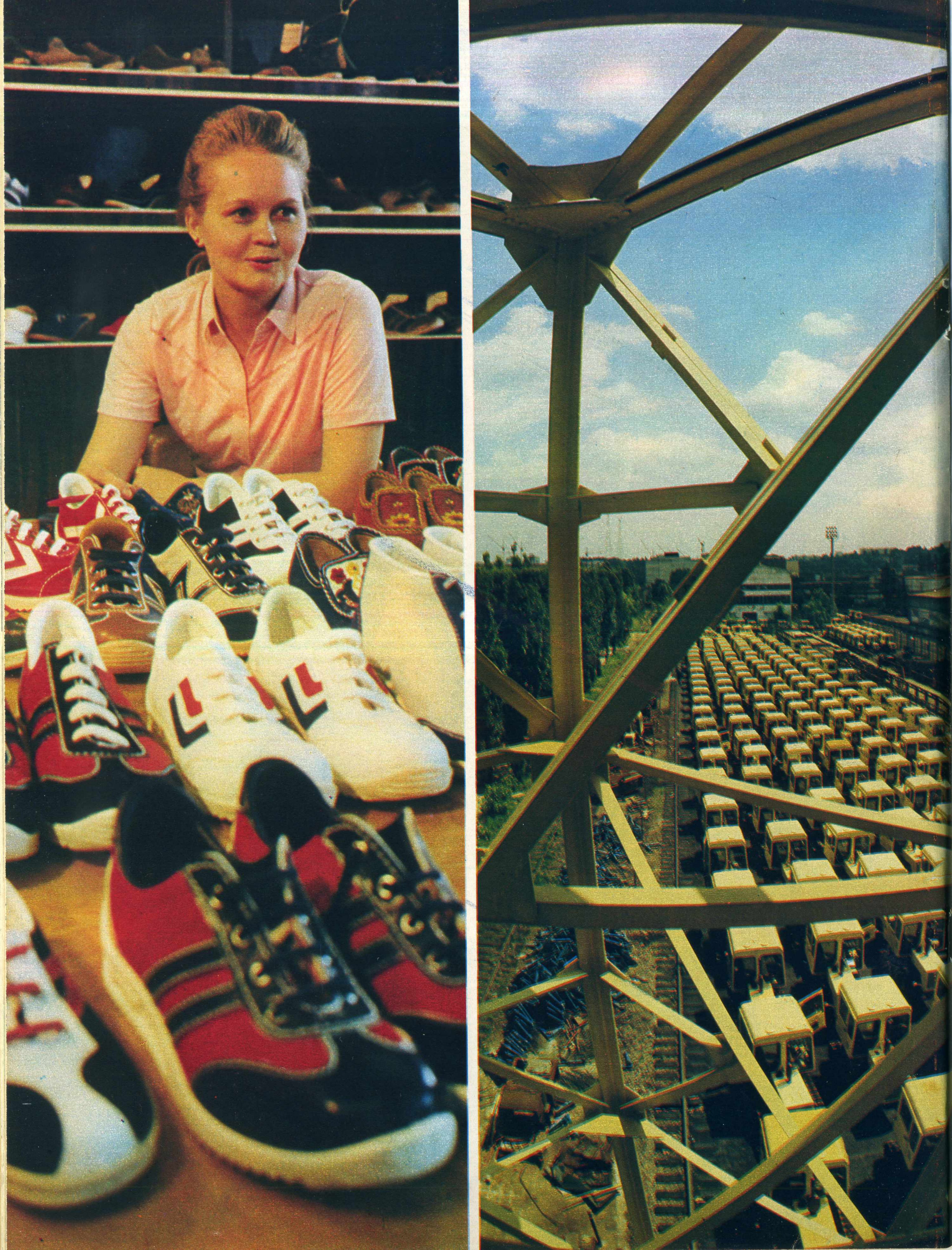
Как сложна, как порой драматична и как прекрасна, полнозвучна жизнь! И даже жизнь одного села, например, села Лядовены. Все, что сегодня есть у молдаван, завоевано в многолетней жестокой борьбе. Свет пришел из вековых глубин. Было единение с Россией. были подполье и отряд народных мстителей во главе с Григорием Котовским и первый на молдавской земле Совет — в Бендерах; а потом длились годы оккупации, и неуступчив был поединок партизан с вермахтом и сигуранцей. Было, было... Сто лет, шестьдесят лет, сорок лет назад... Медленный дождь — в землю! А земля молдаван отзывчива и щедра. Песенная земля. Земля борцов, тружеников, дерзких преобразователей жизни.

Калараш — название райцентра, затерянного в кодрах, но «калараш» — это еще и всадник! Тень всадника — а может быть, ветер,— пролетает от левобережья Днестра до Прута и Дуная, до старой крепости в Сороках и до Буджакской степи, наконец-то утолившей жажду. Или это Котовский проводит смотр зеленым войскам плодоносной, счастливой Молдовы?

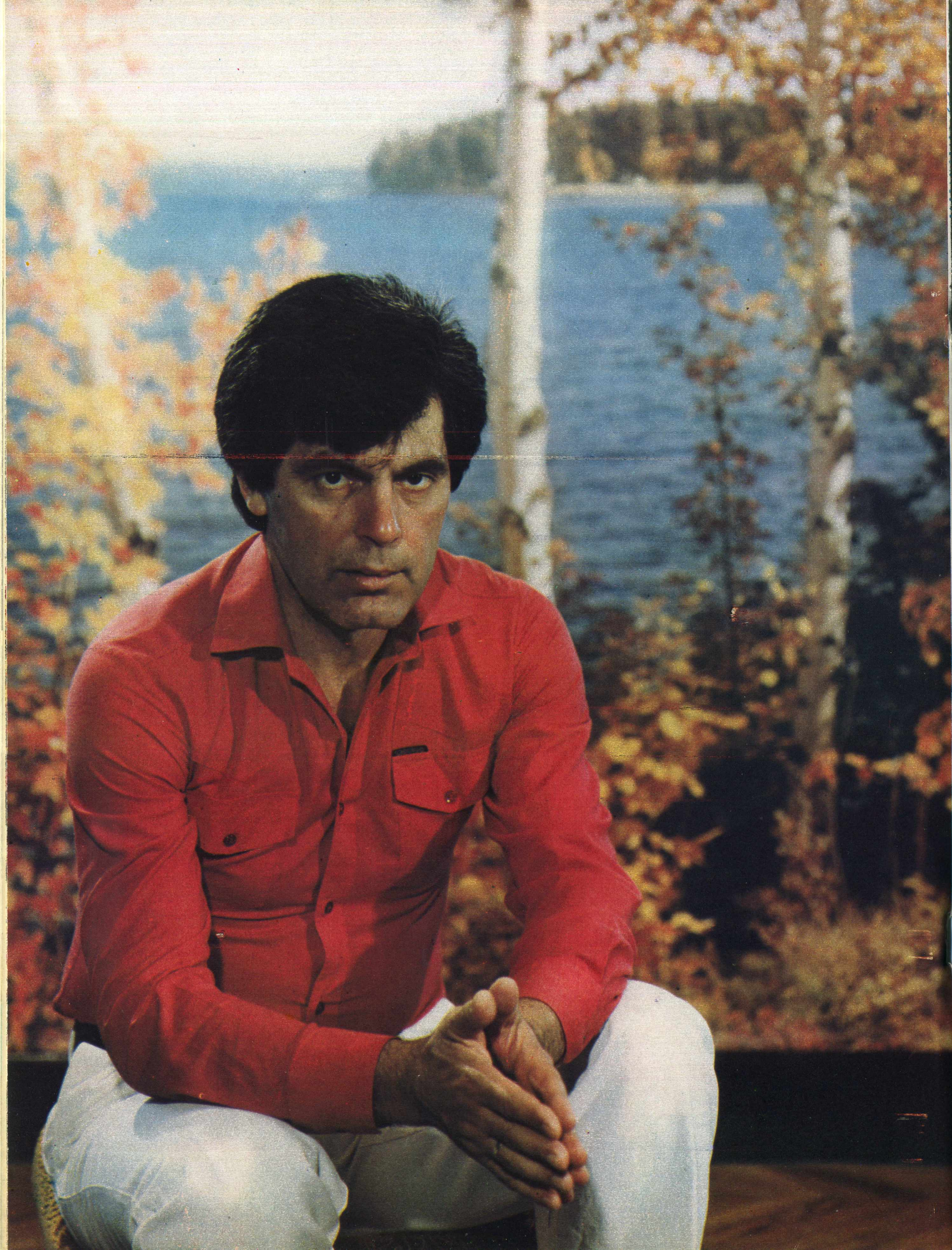
Слышу дойну как ответ живых всем, кто был у истоков, у первых родников сегодняшней реки жизни. Лето на исходе. Время давить виноград. Без песни и холодного тяжелого кувшина с вином молдаване не умеют.

Кишинев. Проспект Мира * Дома в молдавских селах — загляденье. Таких домов, как у семьи Паши́, много в селе Гординешты, Единецкого района.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Конструктор Лариса Софронюк работает на фабрике обуви в Бендерах * Кишиневский тракторный завод * Солнышко в селе Подойница очень светлое.

Человек рожден для красоты...

Н. АЛЕКСЕЕВА

— Когда Гришу убивают, я не могу: глаза закрываю! — Это признание прозвучало в нашем с Акулиной Исаевной разговоре о работе ее старшего сына — артиста театра и кино Григоре Григориу.

Мать есть мать, и сколько бы раз она ни смотрела фильмы с участием сына: «Табор уходит в небо» или «Лаутары», «Десять зим за одно лето» или «Чертово логово», «Красные поляны» или «Ночь над Чили»,— всегда будет закрывать глаза, когда героям Гриши (а ей все равно будет казаться, что и ему самому) грозит опасность. Ведь случается это с ним на экране довольно часто: творческая судьба Григориу, снявшегося более чем в сорока картинах, сложилась так, что первые же его шаги в большом кинематографе сопровождались хищным блеском кинжалов, ружейной пальбой и захватывающими погонями, схватками не на жизнь, а на смерть, отчаянным риском и порой — трагической любовью... Началось все это с легкой руки известного режиссера Эмиля Лотяну, который смог усмотреть в красивом, но молчаливом, замкнутом пареньке, недавно появившемся в труппе Бельцкого драмтеатра, героя своих будущих кинолент. Усмотреть и раскрыть в нем героя ярко национального, темпераментного, живущего высокими человеческими страстями и отдающего себя без остатка служению людям и правде, служению главной идее своей жизни.

Самоотверженность и упорство. Эти черты свойственны как многим персонажам, сыгранным Григориу, так и самому актеру, о труде которого на съемочной площадке ходят легенды. Понятия «дублер» или «каскадер» актер не приемлет, поскольку уверен: человек по профессии актер должен уметь **все.** Но как же долго и тяжко было учиться этому «всему», что умеет теперь Григориу! И дело тут, разумеется, не только в его постоянных занятиях дзюдо, плаванием, стендовой стрельбой.

Мне вспомнились «страдания юного Григориу» на съемках его первого фильма «Красные поляны», где Лотяну доверил ему роль чабана Саввы Милчу, человека нелегкой судьбы, резкого, нелюдимого, но мужественного и жизнестойкого. Молодой актер сразу, и весьма болезненно, ощутил разницу между сценической площадкой и съемочной: «крупный план» давался сложно. Григоре чувствовал, например, что его походка не соответствовала походке Саввы,— он представлял и видел ее как бы со стороны, тяжелую и уверенную, но на съемке никак не получалось. Так Григоре додумался: привязывал к каждой ноге гирю по пятнадцать килограммов и ходил с ними сколько мог — до упаду. «Вот тогда и появился у меня нормальный естественный шаг»,— говорит актер. Не у него, а у его героя, уточняем мы, ибо для Григоре это одно и то же. Для его творчества характерно стремление к предельной достоверности, внутренней и внешней подлинности своих персонажей, заставляющей полностью забыть о себе. Иными словами — стремление к гармонии, цельности создаваемого образа.

Именно это качество заставляло его до изнеможения скакать на коне, плясать и петь вместе с цыганами их танцы и песни, осваивать драку на бичах, когда он приступил к съемкам в роли Лойко Зобара в нашумевшем фильме «Табор уходит в небо». А встреча со свирепым быком, и притом самым что ни на есть настоящим, в картине «Десять зим за одно лето»...

Но ошибется тот зритель, кто будет приписывать успех Григориу в подобных «кровавых» сценах жесткости и властности его собственного характера. Когда Лотяну ставил «Лаутары», он заранее знал, что Григоре Григориу в главной роли балладного героя Раду должен прежде всего максимально выявить черты, присущие лично его человеческой натуре: это тяга к народной музыке, поэзии и фольклору; широта и мягкость, нежность души; непримиримость к любой кривде... Все эти черты в какой-то степени предопределены биографией артиста, берущей начало на жарких холмах Бессарабии, поросших могучими ореховыми рощами; под звуки чабанских свирелей...

Генетики утверждают, что душевные свойства не передаются по наследству. Но прямо противоположная мысль приходит в голову, когда слушаешь рассказ Григориу о своем деде Анисиме. Вот последний эпизод жизни этого талантливого, щедрого к людям человека. Анисим был страстным любителем лошадей и однажды поехал в дальнее селение за каким-то редким жеребенком. На обратном пути в его телегу попросился незнакомец. Началась снежная пурга. Увидев, что путник замерзает, Анисим накрыл его тулупом, оставшись в одной рубахе. Через три дня дед скончался.

И вот другой эпизод из жизни, случившийся много лет спустя. Так вышло, что сразу после школы Григоре пошел работать в ремонтную бригаду на железную дорогу. В тот день они меняли рельсы, а потом погрузили все в вагонетку (она стала больше тонны весом) и отправились обратно на свою станцию Каушаны. Сигнальщик, идущий сзади, почему-то не заметил поезда, который, вынырнув из-за поворота, на большой скорости догонял людей на спуске. Все в панике разбежались, остался только один опытный рабочий и Гриша. Они вдвоем перевернули вагонетку! Спустя несколько секунд промчался поезд.

Жители Каушан были одновременно и крестьянами и служащими железной дороги, издавна являющейся для стариков как бы вестницей иной жизни, символом нового века, прогресса. И потому-то мать Гриши, чей отец погиб на фронте, не желала лучшей судьбы для сына, чем стать ему, например, мастером или начальником станции. К ее радости, железная дорога, казалось бы, крепко уже вошла в жизнь юноши. Ну что из того, что он пел в школьном хоре и каждый день проделывал длиннющий путь (в общей сложности километров шестнадцать), чтобы не пропустить занятия пением; что из того, что участвовал в танцевальной самодеятельности, что с детства изображал перед родными разные смешные игровые сценки... В Молдавии все артисты, все певцы да плясуны. Разве же детские и юношеские забавы оборачиваются профессией? Верно, чаще всего нет. Но, как выяснилось, не в данном случае.

Сам Григоре одно время хотел быть морским офицером, но когда у них в поселке создали межколхозный драматический театр и набрали в него актеров из самодеятельности,— Григориу, себе на удивление, оказался там! А поначалу не считал это серьезной работой, продолжал параллельно ходить в ремонтную бригаду, пока наконец не осознал, что театр захватывает целиком. И навсегда. А так как творчески беспокойной, активной натуре Григориу свойственна тяга к самосовершенствованию, к преодолению препятствий, именно это явилось одной из главных причин, почему он вскоре стал актером Бельцкого драматического театра. Там за него взялся режиссер Борис Харченко. По прошествии года артисту доверяли ведущие роли в спектаклях. Одна из наиболее памятных — среди десятков ролей, сыгранных в Бельцах,— Незнамов в пьесе «Без вины виноватые» А. Островского.

И в этой работе тоже проявилась доминирующая способность артиста находить в любом персонаже, так сказать, первозданную реальность, земные побудительные причины действий и страданий. Так и здесь: исчез некий романтический ореол, коим нередко окружают Незнамова исполнители, исчез и прокурорский тон — зрители увидели колючего, неуравновешенного мальчишку, обиженного судьбой, по-детски незащищенного и слабого.

— Однако не надо думать, что стремление Григориу приблизить своих героев к земле означает их приземленность. При всей понятности и близости нам они как бы возвышаются немного над нами, простыми смертными. Остаются характерами крупными, глубокими, масштабными.— Это сказала заслуженный деятель искусств Молдавии Надежда Степановна Аронецкая, замечательный режиссер и педагог, стоявшая у истоков всего лучшего в театральной жизни республики. И надо слышать, с какой трепетностью, каким уважением отзывается о ней Григоре Григориу. Как, впрочем, и о многих других людях, вошедших в его жизнь и творчество.

Человек, любящий человека — а именно таков Григориу,— не остается без взаимности. Лишним подтверждением этой истины стала для меня и встреча заслуженного артиста Молдавской ССР Григоре Григориу с выпускниками ПТУ. Гром аплодисментов и град вопросов встретили любимого артиста. Хочется привести некоторые из них, свидетельствующие об осведомленности и квалифицированности юного кишиневского зрителя.

Вопрос. Вы сыграли десятки ролей современников. Можете ли судить по ним, какова главная черта современника?

Ответ. По этим ролям — пока еще нет. Но мечтаю о роли, где герой умел бы читать страницы своего времени, умел бы отличить добро от зла, любить человека и чувствовать свою ответственность быть человеком. Человек, имеющий свой идеал и всегда стремящийся к нему, даже без всякой надежды достичь,— вот мой идеал.

Вопрос. Мы знаем, что на вашем счету более ста ролей в театрах — вы работали и в телетеатре «Диалог», и в «Лучафэруле», и в Театре-студии киноактера,— и обычно это были роли положительные. А как насчет отрицательных?

Ответ. Честно говоря, я играл положительных героев «по своей воле», по внутреннему убеждению: человек создан для красоты и должен ее проповедовать. Этому я пытаюсь научить и двух моих сыновей... Правда, с годами, а мне сейчас сорок три, появилась заветная мечта — сыграть Макбета. Отрицание зла — это ведь тоже утверждение красоты.

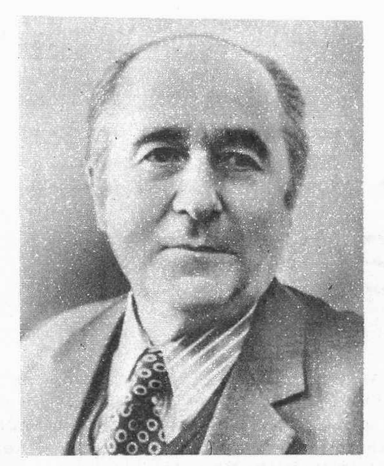
Вопрос. Как вы работаете с режиссерами? И как им работается с вами?

Ответ. Иным режиссерам со мной трудно. Хоть и редко возражаю вслух, они порой ощущают, причем очень чувствительно, мое внутреннее сопротивление тому, что заставляют делать. Наверное, это оттого, что я привык к школе Лотяну — быть точным во всем.

Да, он оказывает сопротивление — и, конечно, не только молчаливое — любой лжи, всему неестественному, несправедливому и жестокому,— будь то на съемочной площадке, или сцене, или на совещании собратьев по профессии, или просто в обыденной жизни... Однажды, слушая чей-то рассказ о, мягко говоря, неблаговидном поступке одного из своих коллег, горячо воскликнул: «Но ведь только чистый и добрый человек может быть настоящим, большим актером!»

Если принять это за точную формулу, то самого Григориу, даже не зная ни одной его роли, можно без колебаний назвать настоящим, большим актером. Ну, а если еще и знать его творчество,— более.

Заслуженный артист Молдавской ССР Григоре Григориу. Фото Н. Козловского

Цезарь СОЛОДАРЬ

Путь фронтового корреспондента Цезарь Солодарь прошел на двух войнах: с белофиннами и Великой Отечественной. Вот почему в творчестве одного из старейших драматургов занимает значительное место показ героических людей ратного труда. Назовем пьесы «Портрет», «Твой милый образ», «Первые рубежи», «Голубой снег». Вспомним участие Цезаря Солодаря в писательской бригаде, работавшей над литературно-документальным сборником «Штурм Берлина».

Широкую популярность на советской сцене и в странах социалистического содружества получили его талантливые искрометные комедии «В сиреневом саду», «Любовь, директор и квартира», «Серебряная свадьба», «Любовь без прощения», а также пьесы для детей «Мальчик из Марселя», «У лесного озера», «Правда о старом кинжале».

Свое 75-летие писатель-коммунист Цезарь Самойлович Солодарь, лауреат премии Ленинского комсомола, встречает осуществлением новых творческих замыслов. Недавно вышли сборники пьес «Тем, кто хочет знать» и «Ситцевый бал». Вскоре выходят из печати третьи, значительно расширенные издания документальных публицистических очерков «Дикая полынь» и «Темная завеса».

Сорок пять лет сотрудничает Ц. Солодарь в «Огоньке». На огоньковских страницах были опубликованы журнальные варианты многих его широко известных книг.

Предлагаем вниманию читателей отрывки из заключительных глав нового издания «Дикой полыни».

ОБРЕЧЕННЫЕ

ДИАЛОГИ, ДИАЛОГИ...

— Что слышно?
— А что может быть слышно?
— Как дела?
— Какие могут быть дела?
— Я хочу сказать, что мы тут делаем?
— Что же тут делать?
— Вероятно, ищем чего-нибудь тут?
— Чего же искать тут?
— Занятие или службу?
— Какую службу?
— По рекомендации, по протекции. Мало ли как!
— К кому протекция?
— К кому? Хотя бы к раввину.
— Почему именно к раввину?
— Ну, тогда к раввинше.
— Почему же все-таки к раввину?
— Откуда я знаю?

С этим загадочным диалогом я ознакомил нашего журналиста, работавшего несколько лет в Италии. Однако возникший между нами диалог оказался поначалу не менее загадочным.

Журналист понимающе улыбнулся:

— Все точно. Только зачем упоминать раввина? Оба прекрасно знают, что в раввинат обращаться там бесполезно: прогонят.

— Где там?

— Там, где вы без прикрас записали этот диалог, в котором оба собеседника на вопрос отвечают вопросом.

— Я не записал. Я переписал.

— У кого? Кому удалось так метко воспроизвести диалог между двумя «йордим» — беглецами из Израиля?

— Вы уверены, что собеседники бежали из Израиля?

— Так же точно, как в том, что диалог происходил в Остии под Римом.

— Вы уверены, что речь идет об Остии?

— Так же, как и вы.

— Я не уверен, ибо выписал эти строки из шолом-алейхемского жизнеописания «С ярмарки».

— Вы меня не разыгрываете?

— Должен, правда, признаться: я вычеркнул упоминание о дореволюционном Киеве.

— Что ж, я лишний раз убедился, насколько современен талант Шолом-Алейхема. Ведь именно так, как он написал, принято беседовать в среде скопившихся в Остии «йордим». Они, вернее, не беседуют, а прощупывают один другого, выпытывают, выуживают друг из дружки. И опасаются: как бы не проговориться, не открыть конкуренту свои карты. А картишки-то убогие! Один скрывает, что заполнил анкеты на выезд в Мексику, хотя в мексиканском консульстве его приняли совсем нерадушно. Другой старается выведать, не пронюхали ли уже конкуренты, что в канадском консульстве безапелляционно «забраковали» его жену по состоянию здоровья. Так уж заведено среди «йордим». Если бывший кишиневец топчется в агентстве американского «Хиаса» или «Джойнта», где ему вроде бы обещали посодействовать с переездом в Соединенные Штаты, то своему бывшему земляку он сочинит байку, как кто-то из римских богатых евреев почти обещал ему в своем магазине работу, правда, по пониженной ставке. Каждый старается побольше выведать, чем поведать...

Да, это так. Я несколько раз бывал на печально знаменитой вечерней «бирже» несостоявшихся израильтян — у бездействующего фонтана близ почты в бедняцком квартале Остии. Видел, как, получив письмо до востребования, взъерошенный человек, сравнительно недавно работавший в одном из харьковских научно-исследовательских институтов, а ныне торгующий на барахолке Порто-Поргезе янтарными украшениями жены, отбежал в сторону, чтобы никто не сумел, не дай бог, подсмотреть, из какой страны послано письмо. Если оно пришло, допустим, из Австрии, то прибитый, робко озирающийся по сторонам получатель непременно скажет другим, что ему написали из Франции. И если в письме настойчиво советуют «бывшему» попытаться проникнуть в Западный Берлин, то «конкурентам» (иногда даже родственникам!) он обязательно скажет, что речь идет об Аргентине или Бразилии.

Приютившиеся в Остии «бывшие» не живут, а, выражаясь по-шолом-алейхемовски, крутятся. Недаром сами они с горькой иронией называют свою жизнь «местечковой». Местечко в предместье «вечного города»? Это кажется невероятным. Но я, родившийся в «черте оседлости» бывшей Российской империи, обязан засвидетельствовать: определение это очень меткое.

А чему, собственно, удивляться? И в Брайтон-Бич, одном из наиболее жалких, грязных и густонаселенных районов Нью-Йорка, где преимущественно вынуждены селиться «белые негры» — беженцы из Израиля, жизнь тоже именуют «местечковой». Причем впервые я вычитал это в антисоветском журнале израильских, американских и французских сионистов, крикливо названном «Время и мы». Некий Дов Шторх, стараясь и невинность сионистскую соблюсти и капитал американский приобрести, вынужден признать: «Здесь иммигранты наживаются друг на друге, ссорятся друг с другом, дерутся, и тут действительно течет повседневная жизнь маленького еврейского местечка... Часто, когда на улице встречаются два иммигранта, разыгрывается форменная комедия. Ни один, ни другой не говорят правды, и оба рассказывают о себе басни, хотя оба знают от общих знакомых, чем занимается и один и другой».

А занимаются они безрезультатными поисками средств к пропитанию. И только циничный сионистский борзописец способен усмотреть в этом «форменную комедию». Нет, это горькая трагедия для людей без родины, без работы, без крова, без дружбы, без общения, без надежды.

Вот почему столь беспросветно тяжелое положение и скопившихся в Остии недолговременных израильтян. Они находятся под страхом трех угроз. Боятся, во-первых, итальянских властей, так как проникли в Италию незаконно и влачат там существование тоже в обход закона. Боятся, во-вторых, агентов «Сохнута» и функционеров итальянских сионистских организаций, ибо те готовы — в лучшем случае — избить «еврейского антипатриота» или — в худшем — изощренными и беспрерывными преследованиями погасить в нем последнюю искру надежды и довести до такой безысходности и апатии, что, покорный злой воле, он покорно согласится вернуться в израильский «рай». Боятся, в-третьих, один другого и нередко прибегают к взаимодоносительству, ведь они друг для друга беспощадные конкуренты в безнадежных поисках хоть какой-нибудь работы и мало-мальски сносного жилья. Кому же на руку доносы? Кто в обстановке современного остийского «местечка» играет роль новоявленных урядников и мещанских старост? Таковыми являются мафиообразные «синдикаты», состоящие из осведомителей и исполнителей. Осведомители пронюхивают, где сумел поселиться, каким располагает имуществом и деньгами, какой «товар» пытается продать на барахолке, каков доход семьи в целом. А исполнители за все перечисленное безжалостно взимают в пользу «синдиката»... комиссионные.

Итак, три угрозы, постоянные, безжалостные, необратимые, дамокловым мечом нависли в Остии над каждым беженцем из Израиля. И большое горе изведал тот, на кого они обрушились. Оно выпало и на долю бывшего одесского сантехника Макса Конного. Бесправные жители итальянского «еврейского местечка» неизменно содрогаются и на какое-то время опасливо замолкают при воспоминании о расправе с Конным.

Ему удалось покинуть Израиль по туристской визе. Но, на свою беду, уж чересчур громогласно и убедительно рассказывал он, какая страшная судьба ждет людей, поменявших истинную родину на вымышленную «историческую». А когда функционеры итальянской сионистской организации «Ирчицион» пытались «образумить» чрезмерно откровенного беженца, он во всеуслышание заявил: «Лучше умереть, чем возвратиться в Израиль!» К тому же «неосторожное поведение» Конного не устраивало и некоторых «йордим», рабски

старавшихся не обострять отношений с итальянскими сионистами. Это в определенной мере тоже повлияло на римскую полицию.

И только истекла неделя пребывания Макса Конного в Италии, как он, ощутив на руках леденящий холод стальных наручников, был насильно препровожден на вылетающий в Израиль самолет. Чтобы не отклоняться от «остийской» темы, не буду подробно рассказывать, как Макс Конный вновь вернулся к нищенскому существованию в Израиле, затем бежал в США, в полной мере вкусил тяготы прозябания в модернизированном на американский лад нью-йоркском еврейском гетто, как за высказывание антисионистских взглядов его дважды избили, а потом исполосовали ножом кахановские молодчики, как медицинскую помощь в госпитале ему оказали только после внесения товарищами по несчастью собранной по крохам платы за лечение. И, наконец, как в виде исключения была удовлетворена просьба Макса Михайловича Конного о разрешении ему вернуться в Советский Союз...

Безусловно, прав бывший ташкентский инженер, промышляющий с помощью жены в Риме распространением образцов порнографического «изобразительного искусства»:

— Очутившись в Израиле, мы частенько говорили: здесь человек человеку — волк. Увы, это можно сказать и всюду, где скапливаются беглецы из Израиля. Как тут не задуматься над судьбой Валерия Пака!

Не один только бывший ташкентец задумывается над трагедией молодого Валерия. Совсем недолго длилось его пребывание в Израиле, ради которого он навсегда оставил родную Одессу. Темпераментный, горячий, Валерий не мог сдержать эмоций в разговорах об израильском образе жизни. Любому, с кем сводили его в Риме поиски работы, он рассказывал горькую правду об израильском образе жизни. За это его особенно возненавидели сотрудники римского филиала «Сохнута». Натравливали на него полицию, срывали все попытки устроиться хоть на какую-нибудь работу, соответствующим образом характеризовали его в «Хиасе» и «Джойнте». Доведенный до отчаяния, Валерий Пак выбросился из окна на мостовую.

Никто из пытающихся прижиться в Остии «йордим» не согласился проводить меня к месту, где было подобрано тело Валерия. Они старательно обходят этот роковой перекресток, неумолимо напоминающий им о трагическом пути выхода из страшной эмигрантской трясины, какой выбрал Валерий Пак.

Попадаются, впрочем, на «бирже» люди не только забитые и опустившиеся, а осанистые и самоуверенные. Стремясь создать впечатление благополучия, они подчеркнуто внимательно следят за своей одеждой, а женщины — те стараются украсить себя всякого рода ювелирными изделиями. Со злорадством под маской сочувствия взирают они на суетящихся беглецов из Израиля, успевших за короткий срок с лихвой насытиться муками на «исторической родине»: так, мол, вам, дуракам, и надо, а нас не проведешь! Это так называемые «йошрим»: имея приглашение от израильских родственников — большей частью липовых! — и визу в Израиль, они предпочли «не доехать» туда. В среде «бывших» их именуют «прямиками»: мол, решили ехать прямо... не в Израиль!

Уповают они главным образом на «Хиас» — американское общество помощи еврейским иммигрантам. Но там радушно встречают далеко не всех, кто, получив визу на переезд в Израиль, и носу туда не кажет. Тем, от которых хиасовцы хотят отделаться, без обиняков говорят: пока родственники или знакомые не пришлют вам из США «гарант» на работу, не ходите к нам. Для некоторых счастливчиков в «Хиасе» даже раздобывают желанный «гарант». Правда, ни для кого не секрет, что эта бумажонка — липа, фальшивка, миф: кто же может реально гарантировать иммигранту работу в США, где безработица растет не по дням, а по часам! В ногу с антисемитизмом.

КРАХ «ВСЕМИРНОЙ АЛИИ»

Перелистывая свои римские и остийские записи, я подсчитал, что беседовал в Италии с сорока семью «йордим» и «прямиками» — совсем молодыми и весьма пожилыми — людьми самых разнообразных профессий. И только единицы не пытались взвалить вину за измену Советской Родине на сионистскую пропаганду и ее подпевал. В остальных случаях мотив этот стал настолько механически повторяемым, что кажется, будто «йордим» и в самом деле в него верят.

Вот почему вряд ли стоит приводить здесь стереотипные рассказы встреченных мною в Италии «бывших».

На одной встрече должен, однако, остановиться.

Супружеская чета. Ему тридцать семь лет, ей — тридцать пять. Ради переезда в Израиль оставили Белоруссию, где оба получили высшее образование, он — экономическое, она — педагогическое. Работа приносила им моральное удовлетворение, материально тоже были обеспечены неплохо. «Ежегодно отдыхали на Черном море,— заметила жена,— иногда для разнообразия ездили на Рижское взморье либо на Азов».

Срок пребывания в Израиле свелся к четырем месяцам без шести дней. Почему?

— Если перечислить вам все причины нашего, и не только нашего, бегства из Израиля,— сказал мне бывший экономист,— вам придется написать книгу пообъемистей вашей «Дикой полыни».

Оказывается, перед отъездом из Белоруссии супруги прочитали первое издание этой книги. А в дешевенькой траттории близ Порто-Поргезе, куда я их пригласил на чашку кофе, сразу же, перебивая друг друга, набросились на меня с упреками:

— Вы не показали и половины «прелестей» Израиля!

— Надо было рассказать, почему жизнь в Израиле — это постоянное балансирование на краю пропасти!

— Почему вы не перечислили все угрозы, какие ежедневно давят на олим? Понимаете, ежедневно!

— Подробнее надо было сказать о детях. Кто всерьез задумывается над судьбой своего ребенка, не имеет права оставаться в Израиле!

— Кто честно жил в Советском Союзе, тот в Израиле ни за что жить не сможет,— сказал муж.— Этому вы должны были посвятить самую большую главу. Помните, у Иосифа Уткина в «Повести о рыжем Мотэлэ» сказано: «Тот, кто попробовал птицы, мясо не очень ест». Вот вам эпиграф!

— Нет, это будет звучать как-то потребительски,— возразила жена.— Лучше перефразировать Горького: «Рожденный летать — не может ползать».

— Надо было написать об израильской обстановке так,— снова укоряет меня муж,— чтобы человек, который подал заявление о выезде, побежал в ОВИР и порвал свое заявление в мелкие клочья!

— Однако вы, прочтя мою книгу,— спросил я супругов,— не побежали в ОВИР рвать в клочья ваши заявления? Неужели так уж неубедительно написал я?

Пауза. Оба переключили свое внимание на кофе.

— Если говорить честно,— выдавливает из себя он,— нам показалось, что вы очень необъективны.

— Мы рассказали о «Дикой полыни» нашим родственникам,— добавляет жена.— Они уже получили визу и упаковывали чемоданы. И с усмешкой посмотрели на нас: «Пропаганда. И читать не имеем никакого желания».

Снова пауза. Ее прерывает бывшая учительница:

— И все-таки один совет я решаюсь вам дать. Вставьте в вашу книгу... как бы вам сказать...— Женщина обрадовалась, найдя нужные слова: — Реестр сионистской лжи! Разделите страницы на две части. На одной половине — что́ обещают сионисты, на другой — что́ олим встречают в Израиле. Например, так. Сионисты говорят: «Израиль — страна равноправных людей». А приезжаешь туда и говоришь себе: «На классовое равноправие я и не надеялась. Только круглая дура могла подумать, что у банкира и слесаря одинаковые права. Но, оказывается, в стране царит и расовое, или как выражаются в Израиле, этническое, неравноправие. На нас косо смотрели соседи — сабры (местные уроженцы.— **Ц. С.**) за то, что мы, ашкенази, (приехавшие из Европы.— **Ц. С.**) поддерживали дружбу с семьей горских евреев. «Как вы разрешаете вашей дочке играть с полудикой девчонкой из Дербента!» Или, допустим, на одной половине напишите: «Сионисты обещают работу по специальности». А на другой: «Один из двухсот олим получает работу по специальности. Остальным приходится переквалифицироваться, причем на такие профессии, которые и квалификации не требуют». И так далее и так далее.

— А эти «далее» не имеют конца,— заметил муж.— Но еще один пример непременно запишите. Сионистская пропаганда убеждала нас: вы едете в страну экономического благополучия. А на деле Израиль по росту инфляции никому не уступает первого места в мире. И не надо быть экономистом, чтобы понять: при систематическом росте военных затрат инфляцию приостановить не удастся...

Распрощавшись с четой из Белоруссии, я направился на барахолку.

Заприметил там молодого бородача, горячо зазывавшего покупателей к своему самодельному рундучку. А на рундучке — три деревянные ложки с хохломской росписью, траченный молью кроличий воротник, «почти новая» дамская сумочка с серебряной монограммой, фотоальбом достопримечательностей Киева, бритвенные лезвия «Нева». Ради «красивой» жизни за рубежом бородач оставил Украину, где работал шофером «и еще совсем неплохо подрабатывал на авточастниках, от которых не было отбоя». Задумал основать в Израиле собственную мастерскую (он сказал «ателье») по ремонту автомашин, а для себя приобрести «мерседес» или «рено» — пусть подержанный. Встретив в Вене беглецов из Израиля, предприимчивый шофер понял, что его голубым мечтам там не осуществиться. Пробрался кое-как в Рим, где «сохнутовцы не такие всесильные, как в Вене»...

Узнав, что я не «бывший», а советский гражданин, словоохотливый шофер замкнулся и враждебно сказал:

— Пройдите немного дальше и сможете увидеть, как надутый и важный деятель науки торгует пухом для подушки. С интеллигентом вам будет интереснее. Хотя при всей своей интеллигентности этот профессор кислых щей не мог дотумкать еще в Вене, что в Израиль не стоит даже носа показывать. «Должен сам проверить, сам попробовать»— так он мне доказывал в Вене. И «пробовать» ему пришлось целых полтора года. Так постарел, так сгорбился, что здесь я его не сразу узнал.

Разыскивать научного работника я не стал. Приближение вечера заставило меня поспешить в Остию, на «биржу бывших» у фонтана.

Увидел там обычную картину. Небольшую площадь заполнили десятки озабоченных, суетливых людей. Даже дети, взобравшиеся на полуискрошенную ограду фонтана, не очень-то безмятежно резвились. Слышалась многоязычная речь. Можно было разобрать слова русские, украинские, молдавские, литовские, грузинские, на идиш. Никто не говорил, правда, на иврите. Люди шушукались, спорили, заглядывали в записные книжечки. Слышались вздохи, всхлипы, причитания. Никто не смеялся. Людям без родины не до смеха.

Уходя с «биржи» обездоленных людей, я заметил на стене почты наспех намалеванную и кое-как приклеенную афишку: эмигрантов приглашали на встречу с безымянным покамест «общественным деятелем» из тель-авивского общества солидарности евреев мира. Многие отходили от афишки, так и не дочитав ее. Одного из таких равнодушных я спросил, стоит ли пойти на эту встречу.

— Если вам делать нечего, идите,— насмешливо ответил он.— Могу вам заранее сказать, что вас ждет. Отъевшийся на сионистских хлебах тель-авивский уполномоченный оглушит вас статистикой роста антисемитизма в Америке и Западной Европе — упаси вас боже туда ехать! Пока не поздно, значит, надо ехать на мучения в еврейское государство! А под конец следует тонкий намек: руки у нас длинные, антипатриота везде достанут.

Эти прогнозы, как я потом узнал, полностью оправдались.

О прячущихся в Италии от сионистских щу-

палец бывших советских граждан еврейской национальности, не пожелавших ни за какие коврижки стать израильтянами, можно рассказать подробнее. Но и сказанного достаточно, чтобы увидеть в их судьбе крах сионистских планов вывоза еврейства мира в Израиль — это у них именуется всемирной алией. Об этих планах сионистская пресса большей частью говорит бухгалтерскими терминами. Что ж, прибегнем к ним: поскольку расход (бегство израильтян, в том числе и коренных, составляющих цвет искусственно создаваемой «еврейской нации» — «сабра») вот уже несколько лет кряду превышает приход (приезд новых олим), то можно с уверенностью сказать, что сионисты пришли к отрицательному балансу.

Какими же несостоятельными и жалкими представляются на этом фоне истерические вопли о всеобщей алии, с новой силой прозвучавшие в Иерусалиме на XXX всемирном сионистском конгрессе в декабре 1982 года. Конгресс подтвердил программу затягивания новых и новых переселенцев на «историческую родину», сформулированную на предыдущем конгрессе так: «Главной заботой всемирного сионистского движения является удвоение населения Израиля до шести миллионов».

Аппетит сионистов объясним: им требуется «пушечное мясо» для новых нападений на арабские страны, и еще ненасытны они, когда речь заходит о необходимости срочно заселить евреями военизированные поселения на оккупированных арабских землях. Однако живущие вне Израиля евреи (а их большинство!) придерживаются на сей счет полярно противоположной точки зрения.

И напрасно вопили делегаты (в основном, кстати, не выбранные, а подобранные) на иерусалимском конгрессе: «Не до шести миллионов евреев должны жить в Израиле, а свыше семи!!!» Алчные желания международного сионизма, мягко говоря, не совпадают с действительным положением вещей.

Не может равным образом осуществиться и другое, на чем сошлись все делегаты сионистского конгресса: поставщиками мучеников для освоения необжитых пустынь и военизированных поселений Израиля должны, на их взгляд, стать социалистические страны, в первую очередь Советский Союз. Опять-таки новая вариация старой сионистской погудки! Еще Герцль и Жаботинский требовали: еврейских поселенцев для Палестины следует выкачивать из стран Восточной Европы.

Никогда не сбыться этим химерическим планам, властно говорит жизнь.

И озлобленные реальной действительностью сионистские пропагандисты сквозь строчки, сквозь зубы шипят, что евреи вне Израиля «в результате утраты национального самосознания не хотят воспользоваться правом стать гражданами еврейского государства». Что правда, то правда — не хотят! Неспроста на сионистском конгрессе некоторые делегаты обвиняли «Сохнут» в том, что его сотрудники «опустили руки перед жестоким фактом нежелания евреев мира воссоединиться в Израиле». Представители «Сохнута» тут же попытались переложить эти упреки на плечи чиновников министерства абсорбции: виноваты, дескать, они, не сумевшие удержать в Израиле значительную часть тех, кого с таким трудом отправили туда сохнутовцы. Представители министерства абсорбции, в свою очередь, напали на западноевропейские и американские организации международного сионизма: это они, мол, «ослабили деятельность по пробуждению (читай: провоцированию.— Ц. С.) в евреях стран галута стремления воссоединиться со своими единоверцами». Но и представители этих организаций тоже не остались в долгу: словно по цепной реакции накинулись на ультрарелигиозные сионистские группировки типа «Нетурей карто» («Стражи града»).

Покамест длятся эти свары и склоки, задуманная сионизмом «всемирная алия еврейства в Израиль» трещит по всем швам и дает зияющие пробоины.

Продолжение следует.

К. БАРЫКИН,
фото
Д. ДЕБАБОВА

ТОРГ ДРУЖБЫ НЕ ЗНАЕТ

Такая печка нужна дачнику, туристу, рыбаку, зимовщику...

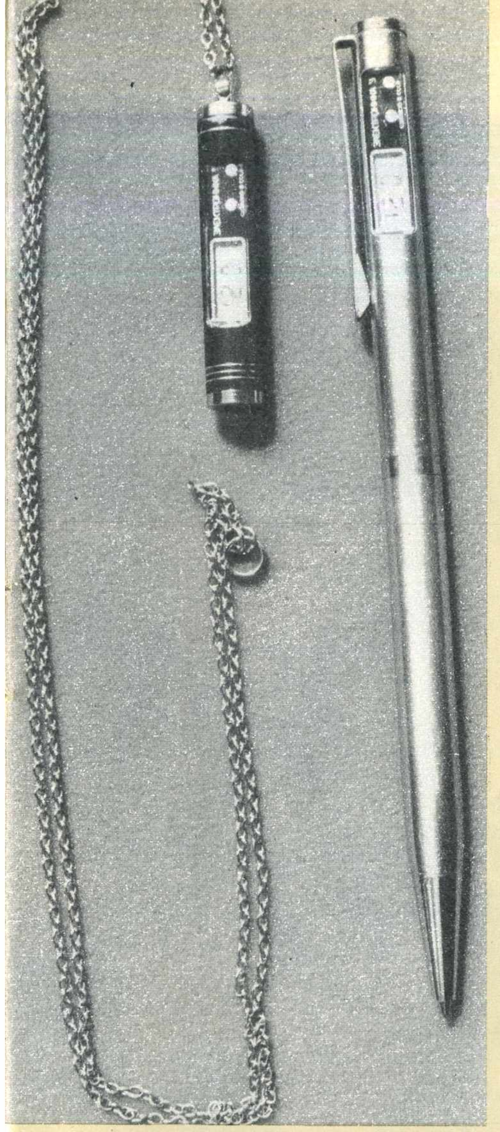
Телефонные аппараты из Риги и Перми.

прилавок-85

Товары 1985 года. 15 730 образцов. Солидный торг — оптовая ярмарка. Однако далеко не все предложенное нашло оптового закупщика. Отчего так?

Торг дружбы не знает. Это давнее и бескомпромиссное коммерческое правило ныне подчас толкуется пространно и обтекаемо. Говорят: торговле не следует принимать от заводов и фабрик устаревший товар. Правильно, никто не спорит! Но как быть, что делать, если спрос на такой товар все же есть? И не потому, что он хорош, а выбора промышленность не предоставила. Много лет гонит одно и

Часы-авторучка и часы-брелок.

Роликовые доски — товар на любителя.

то же: хочешь закупай, но волен и оставить магазинные прилавки пустыми... Конечно, с такой определенностью тезис не формулируется, но положение от этого не меняется. В разделе промышленного объединения «Союзоргтехника» я задержался возле стенда пишущих машинок. Скриптории, эти мастерские письма, остались в прошлом веке, сейчас всюду бюро перепечатки рукописей, а сюда изволь подать не гусиное перо, а пишущую машинку. Вот они, пожалуйста: более или менее современная «Ятрань» и давешняя «Башкирия». Первая в общем и в целом подходяща для работы, а вторая убога донельзя, и выпускается, думаю, только для того, чтобы отохотить от машинописного дела. Этакое произведеньице конструкторов и промышленности: на ходу тяжела, собой дурна (хороший дизайн, давно замечено, редко сопутствует плохому механизму)—словом, бросовый товар, никчемный. Как поступить? Можно заменить конструкцию, что, понятно, хлопотно. Можно тщательнее делать машинку — тоже задача не из самых легких. Знает промышленность: к чему эти ухищрения, если и такую машинку покупают. А вот часы застряли. Осели многолетним напластованием похожих моделей, пылятся часы из-за скудности выбора и прочих недостоинств. Оно тоже понятно: сейчас на каждую семью в среднем приходится около шести штук часов. Купите ли вы седьмые, если они такие же, как купленные год назад? Едва ли. А заводы перевыполняют план, но работают не на покупателя, а на склад, словно не замечая этого. Вот и пришла какому-то министерскому рационализатору (я пытался узнать его фамилию и должность; никто не сказал, лишь намекали, что это весьма руководящий товарищ) идея: в плохую, но все же покупаемую машинку вставить точные, но некрасивые, а отсюда и неходовые часы. И сразу отчитаться по трем позициям: машинка стала на пятьдесят рублей дороже; берет на себя часть забот о сбыте часов; появилась возможность этот очасованный машинописный агрегат именовать новинкой!

А промышленность, скажу вам, обожает новинки! Вот и рядом с часомашинкой выложили несколько вещиц с такой заманчивой табличкой — новый товар. Совсем незамысловатая штучка: закрутка для тюбиков. Погоды на рынке она не сделает, но нужна, с ней ловчее пользоваться тюбиком зубной пасты или клея. Образец и рядом слово «новинка». Завод Сухумприбор «Союзоргтехники» обещает этот товар на 1985 год. Но вчера я видел такие же закрутки в магазине, а полистав блокнот, нашел запись, сделанную на подобном смотре-торге год тому: минкушский завод «Оргтехника» того же объединения тогда посулил (и, судя по магазинному прилавку, выполнил обещание) пять миллионов закруток. Но если вещичка уже вовсю выпускается, как она попала в разряд новинок?

Эти игры с индексом «Н» проходят не без помощи торговли. Ей тоже приятно отчитаться в том, что магазины пополнились новым товаром. Вот и не замечает она лукавства (или обмана?) поставщика-партнера, вот и откладывает до лучших времен бескомпромиссную формулу: торг дружбы не знает.

Но минула пора, когда любой товар сам себя продавал. Сейчас базы, склады, полки забиты всяческими изделиями — надо это повторять, чтобы вывести промышленность на новые рубежи, чтобы она не играла в образцы, в новинки...

И спрос становится все избирательнее. Выход один: товары народного потребления могут быть только высокого качества. Иначе они осядут, как осели часы, телевизоры, фотоаппараты (многие тысячи их уже никогда не будут проданы), некоторые радиоприемники, мотоциклы и прочие изделия, еще вчера раскупаемые, что называется, с колес. Были в дефиците. Теперь — полны прилавки. Но дефицит мстителен.

История с телевизорами тому подтверждение. Совсем недавно цветной телек считался и был товаром престижным. Заводы почувствовали высокую конъюнктуру рынка и охотно ставили аппараты на конвейер.

Помнится, я с трудом «поймал» цветной телевизор. Покупали их нарасхват. Привез домой аппарат, включил. Однако скоро начались сбои. Пришел знаток, сказал: барахлит цветоделитель. Заменили. Потом еще что-то вышло из строя. Пятно в центре экрана так и не пропало, несмотря на заверения... А затем экран позеленел (от злости на изготовителей брака?) настолько, что кажется мне теперь весенней лужайкой или вечнозеленой рощей. Как вы понимаете, соседям, которые вознамерились было купить цветной телевизор такой же марки, я отсоветовал это сделать. Так поступили и другие. Поговаривают, что сейчас телевизоры улучшились. Но шлейф худой славы долго еще будет тянуться за ними. И винить в этом заводчанам следует себя. Опираясь на дефицит, уверовав в него, они не озаботились качеством. Промышленность диктовала свои условия. И едва покупатель понял, что находится не на равных (а у покупателя должны быть и преимущества) с торговлей и промышленностью, он отвернулся от цветного телевизора. Это сказалось и на данном смотре — возросли закупки черно-белых аппаратов...

Ассортиментные программы многих предприятий претерпевают сейчас заметные изменения. На смену одному товару приходит другой, более совершенный, более нужный. И именно теперь торговле, посредничающей между промышленностью и покупателем, следует проявлять больше последовательности и наступательности. Такое впечатление, что этот посредник пребывает иногда в состоянии некоторой неуверенности. Принимая покупательскую требовательность, торговле не всегда удается довести ее до промышленности. На коллегии Минторга РСФСР обсуждались итоги этой оптовой ярмарки. Разговор основательный, конкретный, деловой. Министр, все выступавшие искали резервы своей отрасли, вскрывали недостатки и намечали пути их устранения. Но мне все время казалось, что торговые работники всю критику направили прежде всего в свой адрес. Хорошо, конечно, что резко и принципиально анализируются собственные недостатки. Но товар-то начинается не в магазине, а на заводе, здесь начало многих торговых бед. Не забывая о собственных возможностях, повышая взыскательность к себе, торговле следует прежде всего ужесточить свои требования к промышленности — во имя покупателя.

Тут я снова скажу о часах. Наконец-то начали выпускать (это, конечно, больше игрушка, чем часы, но покупатель пока не потерял к ней интереса) электронные часы-авторучку, часы-миникулон. С часами-авторучкой произошла довольно странная, но, похоже, типичная история. На мировом торговом рынке они появились лет десять тому и сразу стали модными. Но интерес к ним пропал так же быстро, как и возник. А мы только-только начинаем производство таких приборчиков. Пользоваться ими не очень удобно, престижность такого товара заметно снизилась, новизна пропала. Не исключено, что эти часы (или авторучка?) будут покупаться не очень охотно. Так же, видимо, как и кубик Рубика. С ним — такая же история. После нескольких лет раздумий, когда во всем мире уже начался спад спроса на кубик, наша местная промышленность решилась освоить его выпуск. Сразу оказалось много охотников на то, чтобы включить кубик в производственную программу, его начинают делать многомиллионными тиражами несколько предприятий. Но достаточно ли изучен спрос на это изделие? Точнее, не спрос, а потребность. Потому что спрос — поведение покупателя у прилавка, это сегодняшнее отношение к тому или иному товару. А потребность (между прочим, именно советские экономисты обстоятельно разрабатывают потребностеведение — науку, с которой до сих пор неохотно советуются как промышленность, так и торговля) — покупки завтрашнего и послезавтрашнего дня. И надо бы ориентироваться именно на потребность.

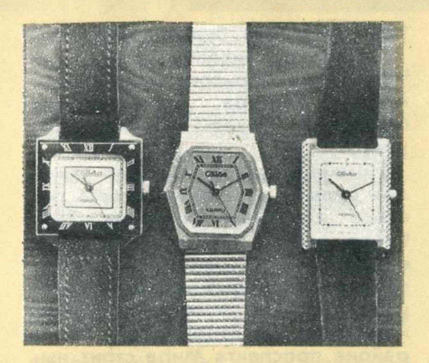
Иногда же изучение потребностей излишне затягивается. Уже вторую оптовую ярмарку вижу я отличную дачу—прицеп к автомобилю. В прошлом году выставлялся ее макет в натуральную величину. «Изучаем спрос» — табличка ограждала от нетерпеливых покупателей. В нынешнем году привезли на ярмарку две великолепные, на легком ходу модели. Мы вошли в салон одного из прицепов. Тут есть все, что нужно путешественнику для хорошего, комфортного отдыха.

— Когда прицеп попадет в магазины? — спросил я.

— Изучаем спрос! — ответили мне.

Подождем? Или попросим торговлю проявить твердость характера, настоять: немедленно начинайте выпуск. И предъявить свои, конечно же, экономические, условия. А может, и санкции. Промышленность следовало бы поторапливать и наказывать не словом, а рублем. Сейчас продолжают расти сверхнормативные запасы некоторых товаров. Но почему бы товар неидущий, неходовой, не пользующиеся спросом изделия не возвращать промышленности? Те же часы, которые вместо веселого тиканья замерли в немоте; рука не прикасается к ним уже несколько лет. Вернуть бы их заводам, пусть заново отрегулируют механизмы, пусть облекут их в новые корпуса, пусть вполовину скинут цену. Можно бы даже открыть объединенный фирменный магазин часовых заводов: модели прошлых лет; так сказать, часовое ретро. Что-то вполцены, со скидкой, а что-то и дороже — старина ведь. Покупали бы?

Новинки 2-го часового завода.

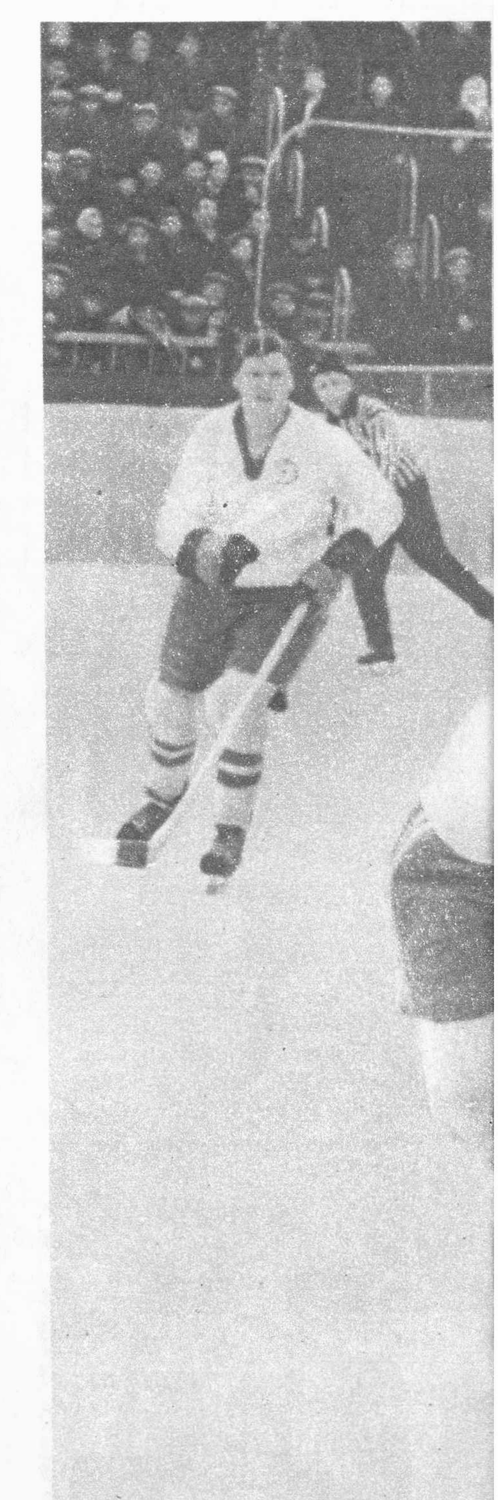

Скажу еще, что ярмарка выявила стремление к закупке товара хорошего, добротного, а именно такой и нужен покупателю. Ярмарка показала их — новый фотоаппарат «Зенит-18м», новые часы московских и орловских заводов, новые телевизоры, магнитофоны, телефонные аппараты... И именно на таком добром и широком фоне заметнее выявились недостатки. О некоторых из них-то мы и рассказали.

**Виктор ТИХОНОВ, заслуженный тренер СССР,
Олег СПАССКИЙ,
ответственный редактор журнала «Спорт в СССР»**

Фото А. БОЧИНИНА

НЕРВ ИГРЫ

II. НАЧАЛО

Журналист. Многие любители спорта плохо знают Виктора Тихонова-хоккеиста. Может быть, потому, что ты был невезуч.

Тренер. Почему это ты считаешь меня невезучим?..

Журналист. В справочнике-календаре «Хоккей-83/84», где впервые были обнародованы списки всех хоккеистов, игравших в командах, завоевывавших первенство, перед твоим именем стоит буква «з», напоминающая, что ты играл защитником, и названы годы, когда тебе вручались золотые медали чемпиона страны,— 1951-й, 1952-й, 1953-й, 1954-й. Говоря же о твоей невезучести, имею в виду, конечно, другое: не удалось тебе попасть в первую сборную, хотя ты и был капитаном второй, а когда в 1956 году в составе олимпийской команды ты поехал в Кортина д'Ампеццо на VII Белую олимпиаду, то в последнюю минуту тебя отправили домой. Руководство сборной прихватило лишнего, шестого, защитника, и Аркадий Иванович Чернышев, возглавлявший в те годы нашу национальную команду, посчитал, что оставить надо Кучевского, как более опытного...

Свою олимпийскую победу ты сумел отпраздновать только двадцать восемь лет спустя, в 1984 году, уже будучи тренером.

Защитник Тихонов учился у Чернышева, Тарасова, Егорова, но открыл Виктора Тихонова для большого хоккея Всеволод Бобров.

Помнишь, какое это было тяжелое время: в авиакатастрофе погибла хоккейная команда ВВС. Стоял вопрос, снимать летчиков с чемпионата страны или срочно собирать молодых игроков, которые смогли бы заменить ушедших из жизни мастеров. Там, где в районе проспекта Мира стоит ныне спорткомплекс «Олимпийский», находился небольшой стадион «Буревестник». Поскольку рядом располагался Центральный дом Советской Армии (нынешнего спортивного комплекса ЦСКА на Ленинградском проспекте еще не существовало), а многие армейские спортсмены жили по соседству, то они, случалось, заглядывали на «Буревестник». Именно там и обратил внимание на Тихонова старший тренер и ведущий хоккеист ВВС Всеволод Михайлович Бобров. Он заинтересовался молодым игроком и предложил своим товарищам поговорить с ним, чтобы пригласить его в команду. И был, кажется, приятно удивлен, когда услышал: «А он уже наш. Играет за дублирующий состав футбольной команды...»

Свое спортивное будущее нынешний старший тренер сборной СССР по хоккею видел в футболе. В этой игре он уже преуспевал, был сразу приглашен в первую мужскую команду, а затем тут же и в дублирующий состав ВВС и лишь зимой, чтобы не терять спортивной формы, играл в хоккей.

Я верно рассказываю о твоей молодости?

Тренер. Все точно, и до сих пор считаю, что попал в основной состав хоккейной команды ВВС только потому, что произошла авиационная катастрофа.

Я начинал играть в хоккей, который имел мало общего с игрой сегодняшней. Не только по своему внутреннему содержанию, но и внешне. Конечно, в памяти любителей спорта постарше остались низенькие бортики, которые пришли в канадский хоккей из русского, из хоккея с мячом. Конечно, много энергии требовалось на технические приемы, которые сегодня кажутся элементарными,— щелчки по шайбе, броски верхом (почему-то быстрее всего отрывать шайбу от льда научились те из нас, кто летом занимался не футболом или волейболом, а теннисом).

Клюшки были самодельные, а щитки, защищавшие ноги, заимствованы из футбольного снаряжения. Другой защитной амуниции у нас не было, и когда мы встречались с командами из республик Советской Прибалтики, давно играющими в хоккей с шайбой, то приходилось нам тяжело!

Журналист. Да, от хоккеистов первого призыва требовалось немалое мужество...

Тренер. Любопытная деталь. Вспоминая о матчах, проводившихся в конце сороковых годов на наших катках,— а все они были на открытом воздухе, с естественным льдом: в стране не строили тогда дворцов спорта, к которым теперь привыкли хоккеисты всех лиг и всех команд, участвующих в чемпионатах страны,—журналисты да и ветераны хоккея рассказывают о шлемах, в которых выступали спортсмены. Да, шлемы были непривычны, совсем, конечно, непохожи на те, в которых играют сегодня хоккеисты, эти шлемы были заимствованы, случалось, и у велосипедистов или мотогонщиков. Но начинали мы осваивать новую игру, еще не догадываясь, что можно защищать голову шлемами. Играли в обычных вязаных шапочках. А первыми шлемы надели хоккеисты московского клуба «Крылья Советов». Они взяли их напрокат у боксеров, которые пользовались этим защитным приспособлением на тренировках.

Что мы знали в ту пору о зарубежном хоккее? Насколько искусны наши друзья из Чехословакии, мы убедились воочию еще в 1948 году, когда приезжала в нашу страну команда ЛТЦ из Праги. Что же касается канадцев, то здесь мы полагались скорее на слухи, чем на знание реального положения дел. Но спустя несколько лет, когда меня пригласили в московское «Динамо», наш старший тренер Аркадий Иванович Чернышев рассказывал игрокам о канадском хоккее, опираясь уже на свое личное впечатление.

Журналист. Видимо, нужно оговориться, что Аркадий Иванович анализировал тот канадский хоккей, который мы называем сейчас любительским.

Тренер. Конечно. В то время профессионалы на чемпионаты мира не допускались, в Канаду и США советские команды еще не ездили, и потому наши знания и представления о заокеанском хоккее были весьма приблизительными и условными. Чернышев высоко оценивал техническую подготовку канадцев, их умелую игру с шайбой, точные их сильные броски, постоянную нацеленность на ворота, но вместе с тем обращал внимание и на то, что мы превосходим их в построении игры, в тактике, в искусстве командных действий.

Чернышев, увидев канадцев, не попал под их влияние, не восхищался ими безоглядно, не рассказывал взахлеб о «чародеях» шайбы. С присущим ему основательностью и трезвостью разбирал он особенности игры канадцев и неизменно заключал: «А обыгрывать их можно!»

Аркадий Иванович Чернышев, работать с которым мне довелось, знал наши «козыри»: блестящее владение коньками, виртуозную работу клюшкой, которые привнесли мы в новую для нас игру из хоккея с мячом, высокие скорости и склонность к комбинационным действиям.

Журналист. А когда ты впервые увидел канадцев?

Тренер. Наверное, в том году, когда в Москву приезжала команда «Келовна Пеккерс». Я мог познакомиться с ними более основательно, потому что был в составе второй сборной, которая в 1958 году отправлялась в турне по Канаде, но, увы, перед самым отлетом сломал ногу.

Мое знакомство с хоккеистами НХЛ по-прежнему откладывалось. В 1972 году профессионалы впервые встречались с нашими хоккеистами. Матчи, сыгранные за океаном, транслировались по телевидению, и оттого хоккей в исполнении ведущих мастеров НХЛ увидели десятки миллионов советских телезрителей — и болельщики и специалисты. А затем Фил Эспозито, Бобби Кларк, Кэн Драйден, Серж Савар, Стен Микита, братья Фрэнк и Питер Маховличи, Брэд Парк, Ги Лапойнт и их партнеры приехали в Москву. Лужники были переполнены. Ин-

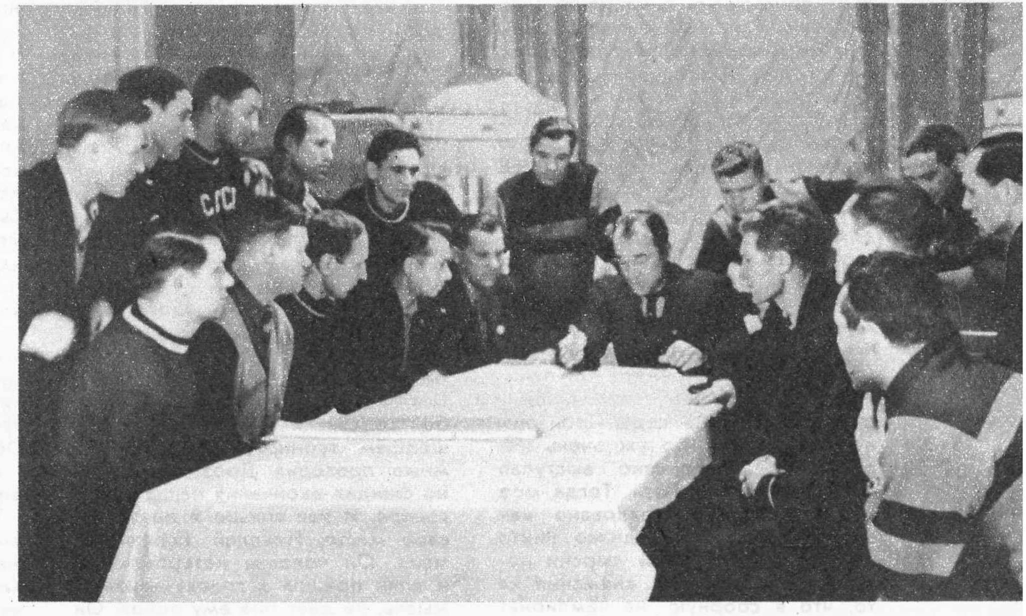
Продолжение. См. № 34.

В. Тихонов в 1948 году.

Виктор Тихонов и Всеволод Бобров.

1954 год. Сборная СССР первого созыва. В ц е н т р е А. И. Чернышев.

терес к встречам с профессионалами был огромен. Гостям, проигрывавшим после первой половины серии, пришлось постараться. Видимо, в те дни канадцы показали все, что они умеют. Они выиграли в Москве три матча из четырех.

Журналист. С тех пор прошло двенадцать лет. Не стерлись ли твои впечатления? Это было «открытие Америки» или скорее разочарование в Америке? Крушение легенды, в которую многие ветераны, стоявшие у истоков нашего хоккея, верили долгие годы?

Я тоже не пропустил тогда ни одного матча в Лужниках. Признаться, ожидал большего. Все еще ожидал. Почему «все еще»? Потому что телерепортажи из Северной Америки (если, правда, не считать первых минут первого матча, когда хозяева сразу же начали сокрушительным штурмом ворот Третьяка и повели 2:0) показали, что слухи о фантастическом мастерстве канадцев сильно преувеличены. Но, может быть, меня переубедила не игра, а счет первой половины серии, в ходе которой наши набрали пять очков из восьми возможных?

Тренер. Впечатления мои мне и самому казались противоречивыми. С одной стороны, высокий класс игры сомнению не подлежал. Умеют многое. Тайн в том, что касается технической подготовки, для них, кажется, не существует. С другой стороны, мастера, приглашенные в сборную НХЛ, показались мне публикой, ну, скажем, несколько несерьезной. Слишком самовлюбленной. Так или иначе, но мы смотрели во все глаза. Профессионалы не видели ничего. А спустя всего три-четыре года они стали говорить о хоккее с русским акцентом. После первой серии настанет черед второй, будет сыграна «суперсерия», наконец, матчи на самом разном уровне станут регулярными, и постоянные контакты подтолкнут хоккеистов ведущих школ к размышлениям об игре друг друга, к внимательному изучению соперника, к поискам усиления своей мощи и в конце концов к рождению нового хоккея, несущего в себе лучшие качества двух систем.

Но об этом мы уже говорили, когда толковали о «Кубке Канады», о турнире, который можно теперь назвать традиционным.

Журналист. После заключительного матча олимпийского турнира в Сараево, когда наша команда обыграла хоккеистов Чехословакии и стала олимпийским чемпионом, пресс-конференция продолжалась примерно час. Было задано много вопросов. Но сейчас мне хочется задать тебе такой вопрос: «Как скоро вы оправились после неудачи на Олимпийских играх в Лейк-Плэсиде? Насколько воспоминания о Лейк-Плэсиде определяли вашу работу?»

Тренер. Такой вопрос мне в Сараево задала одна журналистка. Не знаю, поверила ли она мне, когда я сказал, что, помня о неудачах, я тем не менее не делаю из поражения трагедии: три десятка лет живу в спорте, где победа одного неразрывно связана с поражением другого. Естественно стремление каждого из нас к тому, чтобы неудач было как можно меньше, однако и из поражения и из победы надо делать только один вывод — более творчески, более старательно готовиться к новым соревнованиям.

Журналист. Олимпийские игры в Сараево, и это я хорошо понимаю, для тебя имели особое значение. Игры в Лейк-Плэсиде были единственными соревнованиями такого ранга, которые не выиграла руководимая тобой команда. Разумеется, серебряная медаль — высокая награда, но только не для нашего хоккея и не для наших болельщиков, и потому второе место на Белой Олимпиаде 1980 года было расценено как неудача. Реванша тебе пришлось ждать четыре года, и хотя за это время сборная СССР выиграла три чемпионата мира, весьма престижный «Кубок Канады», ты все равно мечтал именно о ней — об олимпийской победе.

Тренер. Не только я, но и лучшие хоккеисты страны, которые

тоже не могли забыть о Лейк-Плэсиде,— Владимир Крутов, Сергей Макаров и Алексей Касатонов, Вячеслав Фетисов и Зинэтула Билялетдинов, Василий Первухин и Сергей Стариков, Владимир Мышкин и Владислав Третьяк.

Журналист. Несколько слов о хоккеистах, поехавших на XIV Белые игры. Ходили самые разные слухи накануне отъезда нашей команды в Сараево. Утверждали, что одних спортсменов ты предпочел другим в силу сугубо личных пристрастий...

Тренер. А как же иначе? Конечно, я в первую очередь полагаюсь на собственное представление о хоккеистах и хоккее. Вместе с Владимиром Владимировичем Юрзиновым мы не раз, а десятки раз взвешивали все «за» и «против», обсуждая ту или иную кандидатуру. Советников — в самом хорошем смысле — у тренеров много, но отвечают за работу, за результат только они. Спрос прежде всего с тренеров, и это, я полагаю, правильно. При одной, правда, оговорке — если им дают возможность работать спокойно. Но если тренеры, и прежде всего я как старший, отвечают за положение дел в сборной, то, понятно, прежде всего опираясь на свой опыт и свой вкус. Один хоккеист кажется мне более сильным, надежным, чем другой, и потому именно его я и приглашаю в национальную сборную. Есть и объективные данные, характеризующие возможности мастера, и есть тренерская интуиция.

Вот пример: Ирек Гимаев надежен, опытен, искусен, но, внимательно наблюдая за совсем юным Стельновым, я пришел к выводу, что он реальный кандидат в сборную, что он сможет стремительно вырасти, выступая на таких ответственных, подстегивающих спортсмена соревнованиях, как Олимпийские игры.

Много разговоров, знаю, было и по поводу Александра Кожевникова, когда он не попал на чемпионат мира 1983 года. Произошло это потому, что уж очень несобранно, несерьезно выступал на первенстве страны. Тогда мое решение было истолковано как антиспартаковское. Однако никто из сторонников этой версии почему-то не обратил внимания на то, что в сборную на чемпионат мира не попал и другой, кстати, не менее заметный форвард, Николай Дроздецкий, а он из ЦСКА, из «моей» команды!

Журналист. Как мне кажется, оба неудачника сделали правильные выводы. К олимпийскому сезону они подготовились отменно.

Тренер. Да, и Александр Кожевников и Николай Дроздецкий очень хорошо играли осенью. Правда, Николая за нарушение режима, принятого на тренировочном сборе, из состава сборной вывели, и он старался вдвойне, чтобы завоевать право вернуться в главную нашу команду. Играл Дроздецкий мощно, уверенно и к Олимпиаде подошел в хорошей спортивной форме.

Сложнее оказалась ситуация, в которую попал Кожевников. В ноябре он сломал ногу, и, естественно, многие считали, что сезон для него потерян. И действительно, шансов на возвращение Кожевникова в строй, было, прямо скажем, маловато. И все-таки интуиция подсказывала, что Саша сможет наверстать упущенное, и с благословения специалистов ЦИТО я пошел на риск. Говорю о риске не потому, что могла случиться какая-то неприятность с Александром: спортсмен был под постоянным строжайшим контролем врачей. Речь о другом — о том, что два месяца на разработку мышц мало, и Саша мог не восстановиться даже к финальной части турнира. Это я понимал, и все же накануне Нового года решил пригласить Кожевникова в сборную страны.

Журналист. Решение диктовалось интересами команды или и интересами спортсмена?

Тренер. В данном случае речь шла не только об Олимпийских играх, но и о судьбе хоккеиста. Процесс восстановления труден прежде всего в психологическом плане. Если бы мы не пригласили Александра в сборную сразу, немедленно, еще когда он ходил на костылях, то он почувствовал бы свою неполноценность, а это могло сказаться на всей его дальнейшей спортивной карьере. Нам надо было вселить в Сашу уверенность, дать ему понять, что он необходим команде, что он непременно внесет свой вклад в общее наше дело. Так, к счастью, и случилось. Риск оказался оправданным. Кожевников сыграл в Сараево хорошо.

Журналист. Ну, а если бы... Если бы Кожевников так и не успел бы восстановить свою игровую форму? Если бы молодой Стельнов растерялся? Заменить его было бы некем, ведь команда поехала на Олимпиаду с шестью защитниками...

Тренер. Если бы эти хоккеисты сыграли плохо, если бы мы снова были не первыми, то мне пришлось бы плохо. Но не рисковать нельзя. И потому, кстати, что такой риск связан со спортивной судьбой хоккеиста. У тренера должна быть не только вера в игроков, но и борьба за игроков. Хоккеисты это понимают и ценят. Помнишь дорогу из Сараево и Белграда в Москву? Пока мы с тобой толковали в самолете о прошедшем турнире, несколько раз мимо проходил Дроздецкий, явно ожидая окончания нашего разговора. И как только я пошел на свое место, Николай перехватил меня. Он человек нетерпеливый, и коли пришла в голову какая-то мысль, не дает она ему покоя. Он сказал мне: «Спасибо за урок прошлого года. Снова вы оказались правы. Помню, вы говорили насчет того, что моя игра, моя судьба, мои успехи в моих руках... Спасибо, что поверили в меня...»

Журналист. Тебе и без этого было очень нелегко в Сараево, хотя на словах все отдавали пальму первенства нашей команде. И чем ближе к финалу, тем громче звучали крики одобрения. А они ведь доносились и до твоих подопечных.

Тренер. Конечно. Тем более бюллетени, где очень хвалили нашу команду. Как тут избежать головокружения? И все-таки в те дни я не очень тревожился, у меня был могучий аргумент: наша неудача в Лейк-Плэсиде, и помнил о ней не только тренер. Ребята знали, как опасна недооценка соперника.

Журналист. И все же после матча с командой Швеции, то есть перед двумя заключительными матчами турнира, ты сказал, что удовлетворен, наконец-то, игрой сборной. Ты не боялся, что будешь содействовать головокружению. И это была не столько дипломатия, сколько попытка создания нужной тебе атмосферы вокруг команды, стремление дать понять сопернику, как сильны чемпионы мира. Матч со шведами был действительно проведен превосходно.

Тренер. А я разве говорил что-то о дипломатии? Это твои предположения и рассуждения... Теперь, когда не за горами новый сезон, важно прежде всего спокойно взвесить возможности той или другой команды в ближайшем будущем. На Олимпиаде никто не темнит — все играют в полную силу, все показывают все, что у них есть, никто не оправдывается при неудаче тем, что мы, мол, готовимся к следующему турниру. Следующая Олимпиада будет только через четыре года.

Журналист. Так вот, несколько вопросов. Что ты увидел в Сараево? Какие изменения произошли в хоккее после Лейк-Плэсида и что ждет нас в ближайшие годы?

И еще один вопрос. Позволю его себе потому, что в Сараево ты отвечал на него несколько раз, но как-то уклончиво, уходя, в сущности, от ответа. Помнишь, сколько расспрашивали тебя американские и канадские журналисты, не жалеешь ли ты, что не довелось нашей сборной встретиться с американцами, взять у них реванш?

Тренер. Хорошо. Скажу прямо. Жалею. Жалею, что не сыграли с олимпийским чемпионом 1980 года. Но взять реванш мы все равно не смогли бы. По той простой причине, что прежней американской команды больше не существовало. В случае удачи мы обыграли бы другую сборную США. Это я и пытался объяснить журналистам в Сараево. Но психологически, так сказать, в личностном плане встретиться с американцами хотелось. И я полагал, что встретимся, ведь они так серьезно и основательно готовились к Играм. Если не ошибаюсь, провели 65 матчей. И каких! Обыграли несколько клубов НХЛ...

Журналист. Готовились они и впрямь серьезно.

Тренер. Не только канадские и американские тренеры все глубже и полнее изучают наш хоккей. Хоккеисты Швеции и Финляндии не только превосходно знают игровой почерк Макарова или Капустина, Фетисова или Первухина, но и перенимают многое у наших ведущих мастеров. Недавно у нас по линии Интуриста побывало сразу 76 шведских тренеров. Они встречались с нашими специалистами, учились. Стоит ли удивляться, что шведы играют во многом в том же ключе, в той же манере, что и хоккеисты Советского Союза или Чехословакии. И игроки НХЛ, привыкая к противоборству с новобранцами из Скандинавии, готовы во всеоружии встретить и других европейских хоккеистов.

Журналист. Это—побочное явление, так сказать, косвенное влияние «миграции» хоккеистов. А как надо оценить значение этого процесса для жизнедеятельности самого скандинавского хоккея?

Тренер. Боюсь, что не располагаю полной информацией, чтобы можно было безошибочно верно судить о всех последствиях оттока ведущих мастеров за океан. Наверное, не все здесь однозначно. Мне ясно, что хоккей Швеции обескровлен. На чемпионаты мира «Тре Крунур» могла бы приезжать, бесспорно, и в более сильном составе. Но нельзя не учитывать и того, что из-за оттока сильных хоккеистов за океан молодежь получает дополнительные шансы для того, чтобы пробиться в состав национальной команды, ибо вакансий становится больше. Стало быть, у них появляются дополнительные стимулы для энергичной работы на тренировках, для овладения высот мастерства.

Журналист. Значит, все же можно ожидать, что шведы и в ближайшие годы не утратят своих позиций на международной арене?

Тренер. Думаю, что да. Более того, думаю, что с новым тренером они станут заниматься — по крайней мере какое-то время — более старательно. Ну, а чехословацкая команда изменилась неузнаваемо. Особенно разительные перемены произошли в последние годы. В ее составе выступают талантливые, быстрые и сообразительные игроки, не уступающие хоккеистам первых лет, таким, как братья Иржи и Ярослав Холики, Иван Глинка, Владимир Мартинец, Франтишек Поспишил, Олдржих Махач. Но и более сильные в буквальном смысле слова— отличающиеся превосходной атлетической подготовкой, ищущие силовой борьбы. Они не отступают в суровой схватке, их не пугает жесткая игра, и они не теряют склонности к привычным для команды скоростным комбинационным действиям. В Сараево команда Чехословакии была, несомненно, сильнее многих.

Журналист. Да, то, что сборная Чехословакии — команда с будущим, подтверждено было спустя два месяца после Игр в Сараево, во время розыгрыша «Кубка Швеции», когда мы потерпели крупное поражение от своих традиционно трудных соперников — 2:7.

Тренер. Нет худа без добра... Неудача, как я уже говорил, тоже может принести пользу. Натолкнуть на какие-то размышления. Подтвердить наблюдения.

Журналист. У меня нет сомнений в перспективности тех хоккеистов, с которыми работают твои коллеги Людек Букач и Станислав Невеселы. А что можно ждать от американской команды?

Тренер. Ничего... Команды уже нет. Кто-то ушел в профессионалы, кто-то расстался с хоккеем. На будущей Олимпиаде, в Калгари, под знаменами олимпийской команды США будут выступать уже другие спортсмены. А нынешние хоккеисты... Не исключаю, что с кем-то из них мы встретимся на «Кубке Канады». Но с кем? Кто из них сохранит позиции, а кто потеснится, уступая место профессионалам из клубов НХЛ? Не знаю. Как не знаю пока и того, кто будет руководить сборной США. Вероятнее всего, нам предстоит встретиться с совершенно новой командой.

В общем, в спорте так происходит всегда. Каждый раз приходится все начинать сначала. И у нас будет новая сборная. Не только по именам — пока не хочу гадать, кто из многоопытных хоккеистов уступит места молодым,— но и по взглядам, по игровым концепциям, по принципам подготовки.

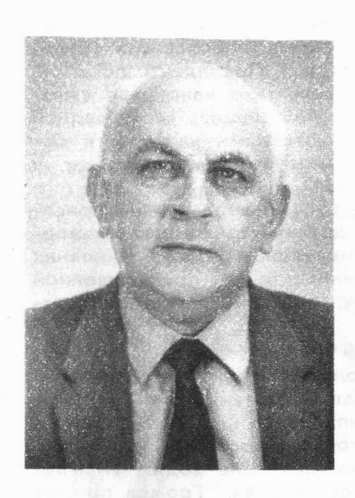
Окончание следует.

Ю. Кугач. Род. 1917. В СУББОТУ. 1964.

В. Сидоров. Род. 1928. БЕРЕЗОВЫЙ ВЕТЕР. 1979.

Михаил САГАТЕЛЯН

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

ВЕЧЕРНЯЯ ЖИЗНЬ

В основе повести «Вашингтонский корреспондент» — впечатления от долгих лет, проведенных автором в Америке. И хотя время действия повести — шестидесятые годы, будни американской столицы в целом не изменились. Многие из сегодняшних свидетельств противоестественного смещения понятий Добра и Зла, падения нравов и морали существовали уже тогда, в шестидесятых, когда Америка еще только вползала в «грязную войну» во Вьетнаме.

Ниже публикуем отрывок из этой повести.

Пригласительная карточка тончайшего мелового картона с золотым обрезом сообщала: «Государственный секретарь Соединенных Штатов Америки и госпожа Дин Раск имеют честь просить г-на Петра Н. Громова пожаловать...» Звали на традиционный прием в честь вашингтонского дипломатического корпуса. Прием устраивался для послов и их супруг, но на него всегда приглашали пять-шесть американских и иностранных корреспондентов наиболее крупных газет и журналов из числа аккредитованных при Белом доме. Приглашали поочередно: один год одних, другой—других.

Обычно прием давался в канун рождественских праздников, где-то в середине декабря. Однако на этот раз, из-за траура по убитому в Далласе в конце ноября Джону Кеннеди его пришлось перенести на январь следующего года. Вручая Громову конверт с приглашением, чиновник пресс-отдела сказал: на приеме, видимо, будет присутствовать новый президент. Вице-президент Линдон Джонсон, ставший после выстрелов в Далласе хозяином Белого дома, торопился продемонстрировать себя дипкорпусу в новом качестве. После того как Громов оказался невольным свидетелем одной любопытной истории, ему стало ясно, что именно больше всего заботило нового президента в те дни.

Сразу после похорон Кеннеди в госдепартаменте состоялся большой прием в честь прибывших в Вашингтон иностранных гостей— президентов, премьер-министров, королей и королев. В конце приема журналистам объявили: президент Франции в короткой беседе с президентом Соединенных Штатов подтвердил, что его официальный визит в Вашингтон, согласованный ранее с президентом Кеннеди, состоится в запланированные сроки.

В тот же вечер французское посольство обзвонило чуть ли не всех вашингтонских корреспондентов, чтобы сообщить: генерал де Голль заявил новому президенту — вопрос о его визите будет в связи со сменой главы американской администрации рассмотрен заново.

С Громовым разговаривал Жак Буве, пятидесятилетний пресс-атташе посольства и большой оригинал: носился по Вашингтону по делам службы, а вечерами — по приемам на звере-мотоцикле, в кожаном шлеме и перчатках с высокими крагами.

— Что происходит, Жак? — поинтересовался Громов, выслушав новость.— Ведь это самая настоящая оплеуха в адрес... Ну, вы меня понимаете...

— Мистер Громов,— сугубо официально отвечал ему старый знакомый, весельчак и балагур Жак Буве.— Мне поручено сообщить прессе факты...

— Но вы же только что опровергли заявление Белого дома! — настаивал Громов.

— Я сообщил факты,— упрямо повторил пресс-атташе.— Давать им оценку — ваше дело...

Вот так Громов и понял: не было в то время у нового президента проблемы важнее, чем немедленное и безоговорочное признание его полноправным хозяином Белого дома. И если с этим что-то не получалось, он был готов к тому, чтобы создать видимость такого признания.

Месяц спустя Линдон Джонсон снова удивил вашингтонский пресс-корпус. И снова не в свою пользу, хотя добивался как раз обратного. Под самое рождество Громов получил письмо и посылку из Белого дома. В письме содержалось поздравление: «Президент Соединенных Штатов и госпожа Леди Бэрд Джонсон желают Вам веселого рождества и счастливого Нового года». Посылка состояла из коробки конфет («Техасские жевалки. Самые сладкие в мире») и большой банки с маринованными огурцами. Рукописная наклейка удостоверяла: огурцы замаринованы «под личным руководством госпожи Леди Бэрд Джонсон».

Аккредитованные при Белом доме корреспонденты и раньше получали новогодние поздравительные открытки за подписью президента и его супруги. Поздравления воспринимались просто как вежливый знак внимания, дань сложившейся традиции, не больше. Но подарки! Это, как говорят англичане, «лошадь совсем другого цвета»... Смех и грех! Не послать же в ответ бутылку водки и банку квашеной капусты, «приготовленной под личным руководством госпожи Громовой»!..

Рождественский трюк с подарками долго служил темой для острот и шуточек. Язвили в основном американцы. Иностранцы больше помалкивали — наверное, все-таки из уважения к самому посту президента Соединенных Штатов. Громов только однажды заговорил об этой истории со знакомым англичанином — здешним старожилом — из агентства Рейтер. Тот не стал уходить от предложенной темы:

— Чего тут непонятного, Питер? Это был страстный призыв, крик души: «Полюбите нас!» Правда, на техасский манер, с огурцами и конфетами. Непривычно? Да, конечно. Не совсем прилично для президента? Пожалуй... Но ведь действует. В конце концов в основе все тот же главный принцип: «Почеши спину мне, а я — тебе». Что? Несогласны? Зря... Вот даже вы, человек из другого мира, говорите, что подумали насчет водки и капусты. Пусть не всерьез. Но ведь подумали?.. Значит, что-то в этом трюке есть. Значит, на кого-то он действует... Что, неправду я говорю? Или кое в чем прав?..

— Кое в чем...— согласился Громов.

Когда он рассказал о необычном поздравлении приятелю — пресс-атташе нашего посольства, тот долго смеялся, потом хитро прищурился:

— Ну, и чем собираешься отдариваться?

— А ничем. Поблагодарю, как и раньше, пресс-секретаря за президентское поздравление. И все.

— Пожалуй...— одобрил приятель.— А когда позовешь на президентские огурчики?

— Позову. Только имей в виду, они здесь в маринад слишком много сахара добавляют. Есть невозможно...

— Зато «под личным руководством»... Не выбросишь...— продолжал издеваться пресс-атташе.

— Ладно, кончай...— взмолился Громов.

В тот же день после очередной пресс-конференции в Белом доме он подошел к Джеку Плампу и поблагодарил за рождественское поздравление, сделав ударение на последнем слове. Джек все понял, но все-таки спросил:

— Как насчет маринованных огурцов? Понравились?

— А тебе? — схитрил Громов.

— Мне их не дарили...— развел руками пресс-секретарь. При этом в глазах его промелькнуло такое лукавство, что Громов тут же подумал: Джек достался Джонсону в наследство от прежнего президента и, наверное, тоже не в восторге от всей этой затеи с подарками.

...Громов не сразу углядел напечатанные мелким шрифтом в левом нижнем углу шикарной пригласительной карточки два слова «White tie», что дословно означало «белый галстук». Он заметил их после того, как позвонил в пресс-отдел и подтвердил, что пойдет на прием. Между тем слова эти имели весьма коварный и даже зловредный для него смысл. Они означали, что на прием следовало явиться обязательно во фраке и при белом галстуке-бабочке. Только этого ему не хватало! Сию пингвинью одежду он и видел-то лишь издали — на дирижерах и метрдотелях. Где, спрашивается, он ее возьмет теперь? И главное, каково ему там будет в непривычном, никому не нужном, на его взгляд, сюртуке с дурацкими длиннющими фалдами?

Отказываться поздно: это осложнило бы и так не бог весть какие отношения с пресс-отделом. К тому же хотелось понаблюдать, как будет выглядеть процедура самоутверждения нового президента перед дипкорпусом. Поэтому, продолжая внутренне чертыхаться, Громов решил идти и, встретив в посольстве нашего советника-посланника, поинтересовался, нельзя ли все-таки явиться туда в темном костюме. Тот покачал головой:

— Не советую. Там только официанты будут в смокингах. Придется вам брать фрак напрокат. Мой не подойдет...

По адресу, взятому у посланника, Громов нашел ателье проката, выложил скрепя сердце двадцать долларов, получив взамен на один вечер (только до следующего полудня, иначе плати еще десятку) комплект всего того, что скрывалось за двумя невинными словами «White tie».

Вашингтон так же немыслим без множества ежедневных приемов, коктейлей, званых ужинов и светских чаепитий на приусадебных лужайках, как Лос-Анджелес без Голливуда или

Нью-Йорк без Уолл-стрит. Наверное, не меньше половины всех дел и делишек его основных обитателей — политиков, военных, чиновников и дипломатов — замышлялись, обсуждались и решались во время этих мероприятий, совокупно именуемых здесь «вечерней жизнью». Именно «вечерней», а не «ночной», потому что «ночная» — всего лишь никчемное прожигание жизни, и ничего больше, а «вечерняя» — неотъемлемая часть привычного вашингтонского распорядка.

Вашингтонцев вполне можно было бы разделить на две неравные категории — тех, кто участвует в «вечерней жизни», и тех, кто ее так или иначе обслуживает. Столичные журналисты считали себя полноправными участниками, но Громов, познакомившись с этим почти священным вашингтонским ритуалом, все же отнес их ко второй — обслуживающей — категории.

Советские корреспонденты в те годы почти не принимали участия в «вечерней жизни»: не очень-то их приглашали. К тому же это было хлопотно. Куда проще сидеть в корпункте перед телевизором, штудировать газеты и журналы, реже — книги, навещать наиболее интересные пресс-конференции, после которых заодно можно и перекинуться одной-двумя фразами с местными коллегами.

Всего этого Громову с его стремлением копнуть поглубже, пощупать все, что удастся, собственными руками, уже к концу первого года командировки казалось недостаточно. Хотелось самому с близкого расстояния взглянуть на столичных представителей американской политической элиты, на их быт, нравы; услышать их рассуждения о жизни и окружающем мире в свободной беседе, а не с трибуны и не из чужих корреспонденций и интервью. Поэтому он старался не упускать тех редких случаев, когда пригласительные карточки с золотыми обрезами и без них приоткрывали ему двери в «вечернюю жизнь». Таких дверей стало побольше, после того как он задал на очередной пресс-конференции вопрос президенту, чего по неписаным вашингтонским законам иностранным корреспондентам делать не полагалось. Местная бульварная газетка сразу же обрушилась на него: «коммунистический ванька-встанька». (На той пресс-конференции пришлось несколько раз вскакивать с поднятой рукой, прежде чем президент захотел заметить его и позволить задать вопрос.)

Большая и серьезная газета написала о нем более корректно: «дружелюбный лунолицый русский, внешне похожий на американского бизнесмена средней руки». И все же в глубоко запрятанном подтексте обеих статей улавливалось раздраженное недоумение: «Как он посмел?»

Вот после такой нежданной-негаданной рекламы его и начали приглашать почаще. Из чистого любопытства. И еще — продемонстрировать гостям «настоящего русского», который, наверное, все же не слишком опасен, если президент позволяет ему присутствовать на своих пресс-конференциях, да еще и задавать вопросы.

Одно из самых первых его знакомств с «вечерней жизнью» чуть не окончилось конфузом. Виноват был он сам: перепутал номер виллы. Его звали на «чаепитие на лужайке». Здесь тоже была лужайка, полная гостей; ни одного знакомого лица. Два вышколенных негра в белых кителях разносили чай с бисквитами и орешками. Простояв в одиночестве минут пять, Громов все еще не увидел ни хозяина — крупного вашингтонского адвоката-лоббиста, ни хозяйки — миниатюрной веселой брюнетки, дочери известного писателя двадцатых годов. Наконец к нему подошел какой-то плотный пожилой мужчина с грубыми чертами лица.

— Ну, молодой человек, какие новости в Италии?

Громов удивился вопросу и ответил: он не знает.

Теперь удивился мужчина:

— Не знаете? Что же, вы у себя в посольстве, собственных газет не читаете?

Громов, почувствовав неладное, забеспокоился и спросил мужчину, почему не видно хозяина дома и хозяйки.

— Как это не видно? Я и есть хозяин. А вы разве не синьор Скварелли?

Когда Громов назвал себя, мужчина вытаращился на него и заорал на всю лужайку:

— Пегги, куда ты провалилась? Иди сюда. Вместо итальянца пришел красный из Москвы. Ему нужно к соседям, а он к нам закатился...

Появившаяся наконец Пегги, кокетливая старушка в простеньком девичьем платьице, вся в бриллиантах, быстренько оттерла супруга в сторону, явно старалась сгладить неловкость милой улыбкой и сочувственным щебетанием. У Громова попросили визитную карточку, после чего проводили к соседней вилле, взяв с него слово прийти на следующее чаепитие. Горластый хозяин оказался известным в городе миллионером — строительным подрядчиком, выбившимся «в люди». Напоследок не допускающим возражений тоном, как будто Громов у него служил, он распорядился:

— Когда придете по-настоящему, приготовьтесь откровенно объяснить мне, почему Россия хочет нас похоронить. Буду ждать!

Увидев, что Громов собрался ему ответить, подрядчик предостерегающе отгородился ладонью:

— Вас ждут у соседей. В следующий раз...

Случай этот крепко запомнился Громову, и больше в подобные ситуации он не попадал. Впрочем, «вечерняя жизнь» давала много серьезных наблюдений, помогала иной раз лучше понять здешние подспудные процессы, в том числе только еще зарождающиеся. Однажды в застольном споре, который у американцев всегда рациональнее, без эмоциональных перегрузок и неоправданных многократных возвратов к уже сказанному, он услышал, как влиятельный сенатор от южного штата упорно отстаивал новый, казалось бы, немыслимый для вашингтонских настроений того времени тезис. С «холодной войной», доказывал сенатор, пора кончать. Иначе Америку ждут большие неприятности. Не от русских, а от собственной недальновидности. Нельзя забывать, чем кончилась для Древнего Рима и наполеоновской Франции безудержная погоня за имперским всемогуществом.

Год спустя сенатор выступил в конгрессе с полуторачасовой речью на эту тему.

...Громов помучился, пока надевал фрак и все полагающиеся к нему причиндалы. Заботливое прокатное ателье положило в коробку с одеждой письменную инструкцию, как все это нужно делать, но Громов взглянул на бумажку мельком и сразу же поплатился: надел фрачную рубашку так, как надевают нормальные рубашки, и... туго накрахмаленная белоснежная грудь оказалась у него на спине. Вот уж поистине буржуйская вещь — пуговицы на спине! Попробуй застегни без посторонней помощи!

С бабочкой оказалось еще сложнее. В инструкции не было ни слова о том, как ее надевать — под отогнутые книзу уголком кончики стоячего воротничка или поверх этих самых уголков. Ладно, посмотрим, как будет у других, и незаметно поправим. Под конец, когда надел фрак, в комнату вбежали дети, завороженно уставились на незнакомый костюм и вдруг пустились вокруг него в дикий пляс, дергали за фалды, упоенно выкрикивая: «Хвостатый, хвостатый!» Еле угомонились...

В парадном вестибюле госдепартамента Громов, сдав пальто, подошел к зеркальной стенке — оглядеть себя, прежде чем подняться в зал. Насчет бабочки он уже высмотрел: у других, как и у него, кончики воротничка чуть прикрывают ее. Порядок.

За спиной выросла знакомая фигура западногерманского корреспондента.

— Привет, Петер! Вы тоже здесь. Слушайте, я так намучился с этой дурацкой одеждой. Скажите честно, у вас собственный фрак или арендованный?

— А у вас?

— Конечно, арендованный.

— И у меня арендованный,— признался Громов.

— Чудеса! Пролетарский журналист во фраке! — съязвил немец, состоявший у себя дома в социал-демократической партии.

— Социал-демократам тоже вроде бы фрак ни к чему,— парировал Громов.

— Будет вам, Петер. Я же шучу...

— И я шучу. Ну что, пойдем здороваться с хозяевами?..

В первом зале уже пожавшие руку госсекретарю послы стояли небольшими группками, переговариваясь. Президент пока не появился. В углу очень тихо наигрывал джаз-оркестр морских пехотинцев в парадной форме — черной с красными кантами, в белых фуражках. Громов и немец отошли в дальний угол, ждали, когда все пойдут в другой зал — на ужин. Вскоре к ним присоединились двое других приглашенных корреспондентов — американцы. Потом чиновник пресс-отдела принес текст приветственной речи госсекретаря, которой должен был открываться прием.

Наконец пригласили на ужин.

За круглым столом, куда его определили, сидело одиннадцать человек, почти все незнакомые: в дипкорпусе он знал только пресс-атташе нескольких посольств, на дипломатические приемы почти не ходил. Приглядевшись к соседу справа, Громов по газетным фотографиям узнал в нем посла одной латиноамериканской страны, где к власти недавно, взамен свергнутой генеральской хунты, пришло левое правительство. Бывший сельский учитель, потом крестьянский вожак, теперь дипломат.

Хозяев за столом представлял один из старших сотрудников государственного департамента, Перси Янг. Лощеный, выхоленный мужчина лет под сорок, всем своим видом как бы воплощал сытую, самодовольную и самовлюбленную Америку шестидесятых годов. Мистер Янг с положенной людям его профессии сдержанностью и благообразием занимал гостей легким разговором — обо всем и ни о чем. Громов слушал вполуха: вспоминал свою первую встречу с Янгом.

Как-то минувшей весной они с женой были в гостях у знакомого столичного обозревателя Арчи Беста-младшего, наследного принца торговой империи, состоявшей из двух десятков универмагов, которыми пока управлял Бест-старший. Трехэтажная вилла Арчи стояла на высокой скале, у подножия которой гнал свои быстрые воды Потомак. Целиком стеклянная стена огромной гостиной выходила прямо на край обрыва, откуда открывался вид на зеленый Вашингтон, с его многомильным парком Рок-крик.

Аккуратно подстриженную лужайку перед домом окружала радуга из азалий, тюльпанов, роз и цветущих японских вишен. Гости расположились возле открытого плавательного бассейна овальной формы. Вокруг него были расставлены столики, освещавшиеся старинными керосиновыми лампами. Бассейн подсвечивался изнутри мягким голубым светом. В углу танцевальной площадки из цветного бетона расположилось джазовое трио — рояль, контрабас, ударник.

Вечер подходил к концу: была уже половина двенадцатого. Гости помоложе, разгоряченные выпитым, дотанцовывали своих дам. Другие стояли возле бассейна группками по два-три человека, тихо переговариваясь. Громов тоже стоял здесь с новым знакомым из госдепартамента Перси Янгом.

Хозяйка, молодая красивая блондинка, самозабвенно отплясывала только-только входивший в моду твист. Не прекращая танца, она вдруг решительно потянула партнера к бассейну, столкнула его в воду и с криком: «Давайте встряхнемся!» — кинулась вслед за ним. Еще несколько гостей — мужчин и женщин — немедленно проделали то же самое. Они барахтались там, в платьях и костюмах, ботинках и босоножках, что-то выкрикивали, жестами предлагая остальным последовать их примеру.

Новый знакомый Громова оборвал себя на полуслове. Куда только девались его сдержанность, великолепные манеры, чуть ироническая улыбка. Лицо Перси Янга перекосила гримаса, он издал азартный ковбойский клич: «Йияху-у-у!» — и солдатиком прыгнул в бассейн, успев все же приглашающе махнуть рукой Громову.

Увидев, что творится, музыканты будто нарочно заиграли модную песенку из кинофильма «Оклахома»: «О, какое прекрасное утро! Каким прекрасным будет день! У меня великолепное настроение — все идет так, как я хочу!» Хозяйка плыла, извиваясь в такт музыке, кричала:

— Я змея! Я индийская кобра! Мой укус смер-р-ртелен-н-н!

Перси Янг гнался за ней, хрипло рычал:

— Я медведь-гризли! Я не боюсь кобр-р-р! Мне нравится их нежное мя-я-со-у!

Громов смотрел и не верил своим глазам. Что они, с ума посходили? Откуда такая дикость нравов? Ну, ладно, насчет Мэгги Бест, хозяйки, он еще мог что-то понять, как-то объяснить... Сумела вытянуть счастливый билет в извечной женской лотерее и теперь захлебнулась в мужнином богатстве. Допустим... Но Перси Янг?! Где же он настоящий? В своем дипломатическом ведомстве или вот сейчас, здесь, в этом бассейне? Как найти правильный ответ?..

И еще: откуда такая вседозволенность? Вседозволенность?! Черта с два! Попробуй у них кто-нибудь в общественном бассейне не то что в одежде, просто без резиновой шапочки нырнуть, выловят и выставят вон. Да-а-а... Он живет здесь скоро уже три года, а Америка все еще задает ему загадки.

Громов представил себя там, в бассейне, мокрого до нитки, в набухшей одежде, в хлюпающих ботинках... А что будет потом, когда они вылезут из воды?.. Должны же они когда-нибудь оттуда вылезти? Как мокрые курицы... Тьфу!..

Кто-то тронул его за рукав пиджака. Громов резко обернулся, изготовившись к отпору: он подумал, что его хотят столкнуть в воду. Но увидел испуганное лицо жены.

— Пойдем отсюда, Петя. Противно...

Громов взял ее за руку и повел к воротам усадьбы, где стоял их автомобиль. Еще две пары отправились вслед за ними. Мелкий гравий дорожки гулко хрустел под ногами, заглушая вопли тех, кто остался там, в бассейне...

Между тем дипломатический прием шел своим строго регламентированным чередом. Произнес короткую речь госсекретарь, заработав нестройные, чинно-вежливые аплодисменты. Дипкорпус ожидал обещанного появления президента, которого все не было и теперь уж он мог объявиться здесь только после ужина, в те полчаса, что традиционно отводились на танцы и разговоры, вперемежку с кофе и ликерами.

К середине ужина, когда подали горячее и дотошные каноны протокола предписывали завести легкую беседу с соседом справа, Громов, наконец, сумел отделаться от чувства скованности — все из-за того же фрака! Он уже собрался заговорить с соседом, но вдруг совершенно случайно обратил внимание на то, как сидят гости за соседними столами. Фалды их фраков аккуратненько свисали позади стульев, на которых они сидели. Мать честная! А он-то сидит на этих проклятущих фалдах! Поторопился, не посмотрел, как садились другие, и вот, пожалуйста, влип.

«Спокойно. Не дергаться! — приказал себе Громов.— Если кто заметил, так заметил. Действуй». И он чуть привстал, осторожно выдернул из-под себя чертовы фалды, аккуратно свесив их в проем между спинкой и сиденьем стула. Теперь порядок! Кажется, никто не заметил.

Как бы не так! Сосед справа именно в этот момент посмотрел на громовский стул, а когда поднял глаза, их взгляды встретились, и посол почему-то неловко улыбнулся. Тогда Громов взглянул на соседский стул и увидел, как латиноамериканец осторожно выдергивает из-под себя фалды своего фрака, повторяя маневр Громова. Закончив эту операцию, сосед облегченно вздохнул и вдруг подмигнул Громову. В тот же миг оба негромко рассмеялись.

«Мы одной крови, ты и я»,— подумал цитатой из «Маугли» Громов, и ему полегчало. На все эти фрачные приключения он теперь смотрел сугубо иронически. И он заговорил с послом не о пустяках, рекомендуемых протоколом, а о том, что хотел бы написать для своей газеты большую корреспонденцию об этой южноамериканской стране, о жизни и борьбе ее народа. Можно ли, спросил Громов, получить с помощью господина посла нужные для этого материалы.

— Конечно,— согласился посол.— Я сам с удовольствием поговорю с вами. Вот моя визитная карточка. Пожалуйста, позвоните мне послезавтра.

Сделав паузу, посол улыбнулся и заговорщицким тоном спросил:

— Я вижу, фрак не самая любимая ваша одежда?

— Сегодня надел его в первый раз. И в последний...— ответил Громов.

— Не зарекайтесь,— возразил посол.— Я вот тоже никогда не предполагал, что мне придется с ним познакомиться...

А новый президент на приеме почему-то так и не появился. Громов увидел его, так сказать, в деле месяца три спустя, весной 1964 года.

В своем родном Техасе, на собственном ранчо у берегов речки со странным названием Педерналес Линдон Джонсон принимал первого официального гостя из Европы — западногерманского канцлера Людвига Эрхарда. Вместе с сотней других аккредитованных при Белом доме корреспондентов и прибывших с канцлером боннских журналистов на ранчо отправился и Громов. Он добился, чтобы его включили в эту поездку, только потому, что хотел понаблюдать президента с близкого расстояния. Судя по всему, такое же желание испытывали и многие другие вашингтонские коллеги, иностранцы и американцы. Потому что о Линдоне Джонсоне болтали всякое...

В общем, Громов решил ехать.

...К вечеру на президентском ранчо состоялось гигантское пиршество. Угощали традиционным техасским «барбекью» — нежной, испеченной на древесных углях телятиной. Бычков готовили целиком на огромных кострах, устроенных в специально вырытых траншеях. Готовые туши разрезали на большие куски, облитые острой пахучей приправой.

Журналистов разместили недалеко от пре-

зидента, канцлера и других главных гостей, внутри установленного охраной невидимого кордона. Громов кончил расправляться со своей порцией и, случайно посмотрев на дальние столы, увидел тощую, рослую фигуру знаменитого американского пианиста. Он уже несколько раз ездил на гастроли в Советский Союз, после которых Громов по просьбе редакции брал у него интервью для газеты. Когда это случилось в первый раз, пианист сказал ему:

— Знаете, Питер, зовите меня Саней. Как все мои московские друзья...

Теперь Саня с хмурым видом оглядывался вокруг. Заметив Громова, улыбнулся, энергично помахал рукой. Громов подошел, поздоровался, и пианист вдруг стал рассказывать, как его пригласили сюда выступить перед гостями, как его никто не встретил в аэропорту и пришлось добираться сюда самому и как с самого утра никто не догадался предложить ему поесть.

— Тут же полно еды,— удивился Громов.

— Это там у вас, возле больших боссов. А здесь не успеют принести — все вмиг исчезает...— беспомощно щурился застенчивый и отчаянно близорукий Саня.

Громов молча взял его за руку, потянул за собой. У невидимого кордона их остановил агент президентской охраны, знавший всех приехавших из Вашингтона корреспондентов в лицо:

— Кто это с вами, мистер Громов?..

Громов все ему объяснил, и охранник подвел их к журналистским столам, мощным торсом очистил место для Сани, который с блаженным видом принялся жевать мясо, запивая его сидром. Громов искоса поглядывал на него и думал о том, какие все-таки странные вещи происходят иногда по воле Его Величества Случая. Надо же было, чтобы именно он и Саня — между прочим, земляк Линдона Джонсона — встретились взглядами в многолюдной толпе. Расскажешь кому, вполне могут и не поверить...

Через полчаса Саню наконец пригласили к роялю, который заранее выкатили на лужайку. Перед тем как сосредоточиться, пианист отыскал взглядом Громова, едва заметно кивнул ему и начал. Он исполнил Первый концерт Чайковского, потом играл Рахманинова и под конец Шопена.

Толпа гостей долго аплодировала. Президент тоже похлопал своими большими мясистыми ладонями, а затем встал, поднял, призывая всех к тишине, руку, поблагодарил пианиста за наслаждение и вдруг нацелил палец на стоявшего поблизости Джека Плампа, предложив ему сесть за рояль и сыграть что-нибудь свое.

— Пусть наши немецкие друзья увидят, что у новой администрации есть собственные талантливые музыканты,—добавил Линдон Джонсон.

Саня вздрогнул, будто его стегнули хлыстом. Джек побагровел и явно не торопился подходить к инструменту. Президенту пришлось повторить свою просьбу сладким, елейным голосом, после чего пресс-секретарь наконец подошел к роялю. В детстве он учился музыке и действительно написал две коротенькие пьесы, назвав их фугами. «Фуга № 1» и «Фуга № 2».

Джек быстренько отбарабанил свои фуги и, ни на кого не глядя, отошел от рояля, тут же смешавшись с толпой журналистов. Лицо его оставалось багровым, как у человека, которого вот-вот может хватить удар.

Линдон Джонсон вроде бы ничего этого не заметил и громко пригласил всех от души поблагодарить «еще одного выдающегося музыканта». Людвиг Эрхард сидел с каменным лицом, опустив глаза, а когда все кончилось, несколько раз вяло соединил и разъединил свои ладони.

А Джек Пламп долго пил виски с боннскими журналистами. Потом, увидев Громова, подозвал его, спросил:

— И все-таки, Питер, ты мне так и не сказал: понравились тебе президентские огурчики? Их ведь готовили здесь, на этом ранчо...

Громов посмотрел ему прямо в глаза.

— Слишком много сахара в маринаде, Джек. Без привычки не съешь...

— Это техасский рецепт...— усмехнулся Джек и, словно бы извиняясь, картинно развел руки в стороны...

Крупнейший поэт Пакистана и всей современной Азии Фаиз Ахмад Фаиз родился в 1911 году.

Его перу принадлежат такие книги стихов, как «Печальные узоры», «Руки ветра», «Долина Синая» и многие другие. Широкое признание получила его активная общественная деятельность. Он один из организаторов движения сторонников мира Пакистана, член Всемирного Совета Мира, главный редактор журнала «Лотос», органа Ассоциации писателей Азии и Африки.

Большой друг нашей страны, Фаиз Ахмад Фаиз удостоен международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Сегодня мы публикуем новые стихи Фаиза Ахмад Фаиза.

БЕССОННАЯ НОЧЬ В БОЛЬНИЦЕ

Кажется, что сейчас пропало все время.
Нет ни луны, ни солнца, ни тьмы, ни света.
Перед полузакрытыми глазами промелькнет
Давно забытый образ,
И сердце защемит
От полузабытой боли.
Все стало лишь воспоминанием.
Любовь и дружба, все и вся,
С чем был я связан.
Нет ни своих, ни чужих.
Тяжелы эти бессонные ночи.
Но болит сердце, выговаривая
Одну лишь фразу: «Мужайся,
Впереди еще целая вечность».

ПРЕЛЮДИЯ К ПОЭМЕ

Снова я вспомнил ночами
О друзьях, вспомнил о тех,
Чье сердце разбито горем.
Чувствую дыханье осени.
Настали дни, когда забывается весна.
На земле, в саду растоптали цветы.
Зато ими украшено лобное место,
Где казнили друзей.
Все готовы начать пиршество,
Все приглашены принять участие
В танцах на острие меча.
Уже вынесены приговоры для всех:
Одному — за отказ,
Другому — за предательство.
Но ты, мой друг, не отчаивайся...

РУБАИ

Если у тебя есть кто-то близкий,
Всегда живи его заботами.
Если когда-то была надежда
увидеть восход солнца,
Всегда живи ожиданием увидеть
его первый луч.

ПИСАТЕЛЬ-ПАТРИОТ

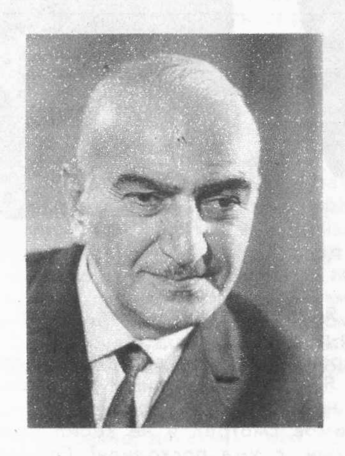
Михаил Андреевич Андриасов был нашим добрым другом и товарищем. Он более трех десятилетий проработал в «Огоньке». Его статьи, очерки, корреспонденции всегда отличались страстностью, неравнодушием. М. Андриасов был настоящим партийным писателем и журналистом, всегда державшим руку на пульсе времени. Он жил, работал и умер в Ростове-на-Дону. К 70-летию писателя газета «Молот», орган Ростовского обкома КПСС и областного Совета народных депутатов, опубликовала статью А. Тер-Маркарьяна, которую мы перепечатываем с небольшими сокращениями.

В августе исполнилось бы донскому писателю М. А. Андриасову 70 лет. Но его нет среди нас. До своего юбилея он не дожил лишь несколько месяцев.

Я не могу вспомнить сейчас свое первое знакомство с Михаилом Андреевичем Андриасовым. Столько воды утекло: миновало более двадцати лет. А все-таки в памяти нет-нет да и вспыхнут неожиданно какие-то эпизоды, когда приводилось вместе с ним выезжать на литературные встречи с хлеборобами или встречаться далеко от дома — в Москве. И всюду, где бы ни приходилось нам бывать, я замечал одну завидную черту характера Михаила Андреевича, которую можно смело назвать «жаждой жизни». Это природное качество писателя во многом помогало ему в творчестве и было источником вдохновения...

Огненными верстами дошагал писатель-журналист до Берлина и вернулся в Ростов, чтобы сразу, «по горячим следам событий», выстрадать одну из лучших своих книг — «Шесть дней», прочно вошедшую в военную летопись нашего донского края. Это — взволнованное повествование «о подвигах, о доблести, о славе» простых советских солдат, презирающих смерть, которые шесть дней сражались на ростовском вокзале с превосходящими силами фашистов, кровью обагряя заледеневшие на февральском морозе булыжники. Повесть «Шесть дней», выдержав пятнадцать изданий, все время обновлялась.

Михаил Андриасов, если можно так сказать, был однолюб и в своей теме и в литературных пристрастиях. «Штурм ледяного вала» — так называлась повесть о тринадцати бойцах и офицерах, совершивших в январе 1943 года у села Красновка свой коллективный подвиг. «Они пали смертью храбрых, и все были удостоены посмертно звания Героя Советского Союза... Они не умерли. Они шагнули в бессмертие»,— писал Маршал Советского Союза

А. И. Еременко. Михаилу Андриасову пришлось немало потрудиться, поездить, найти живых свидетелей, родственников, чтобы убедительно, правдиво изобразить бессмертных солдат, запечатлеть еще одну грозную, незабываемую страницу суровой битвы за свободу Отчизны.

Стремление писателя к героическим характерам легко объяснимо. Ведь именно в сильных натурах как бы сфокусированы страсти и горести человеческой жизни. До последних дней Андриасов тянулся к людям-легендам, неустанно искал и находил таких людей.

Аршак ТЕР-МАРКАРЬЯН

Ростов-на-Дону.

Нужны выдержка, такт... * «Мои друзья — мое богатство» * Что такое любимая работа!

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

О ДЕЛАХ СЕМЕЙНЫХ

Часто читаю в газетах, журналах статьи на семейные темы. И вот что иногда меня огорчает. Как порой легко молодые люди решаются на брак! Пройдет год-два, и разводятся, а ведь нередко потом остаются дети, обреченные жить без отца. Да, женщина-мать окружена у нас вниманием государства, общества, но психологический климат в такой разрушенной семье уже не сулит ничего доброго. Благополучная семья, на мой взгляд, не та, где есть материальный достаток. Важно, чтобы были любовь, дружба, взаимопонимание супругов. Тогда и дети растут счастливыми. Невозможно дать рецепты на все случаи жизни. Но все же главная беда молодежи начинается, по-моему, с простого неумения или нежелания работать — и на службе и дома, с детьми. Думается, что прожить с мужем долгие годы — тоже надо суметь, тут требуются и большая сдержанность, и такт, и все то, из чего складывается хорошая семейная обстановка. Когда муж, жена, дети становятся необходимыми друг другу.

У моих родителей было шестеро детей — трое от первого маминого брака, трое от второго. Но жили дружно, старшие помогали маме растить маленьких, выполняли все хозяйственные работы по дому, по кухне, ходили в магазины, занимались с малышами. А время в стране было трудное: закончилась мировая война, началась гражданская. Разруха, голод. Отчим до 1922 года сражался в войсках ЧОНа, мать работала закройщицей, портнихой. Жили в подвале, воду носили из колонки, при этом старшие еще и учились на «отлично». Была биржа труда, каждый из нас приобрел какую-то специальность и вышел на самостоятельную дорогу. Когда вся семья была в сборе — это был праздник. И мы, дети, чувствовали, что благодаря нашим родителям все мы оказались готовыми к самостоятельной жизни. Никто из нас не вырос белоручкой, нытиком, хлюпиком.

С мужем мы прожили тридцать восемь лет. Выходила за него, конечно, по любви, но счастливо прожить долгие годы помогало не то первое юношеское увлечение. Помог опыт моей семьи, опыт воспитания, заложенный с детства. Муж — человек с характером, и поначалу все было не так гладко. Но мы старались не обижать друг друга, не ссориться из-за пустяков, а главное — быть рядом в трудные минуты. А ведь мы пережили войну, послевоенные трудности, в общем, все, что выпало на долю нашего поколения. Сейчас, конечно, жизнь течет спокойнее, в чем-то легче, и тем большее внимание надо уделять воспитанию молодежи.

Н. ОСАДЧАЯ

Саратов.

ЧУДАК ЛИ?

Пишет вам грузчик из Обнинска. Никакого конкретного дела у меня к редакции вроде бы нет, просто хочется поделиться своими мыслями, мыслями человека, чья золотая пора юности проходила в послевоенные трудные годы. Не хватало обуви, книг, хлеба, но был любимый учитель, помогавший нам познать мир. Мы жаждали знаний и радовались всему, что окружало нас.

...«Синенький, скромный платочек...», «В городском саду играет духовой оркестр...», «Не могу я тебе в день рождения дорогие подарки дарить...» — все это песни моей молодости. И мне приятно, когда я слушаю их, когда вспоминаю те дни. Как-то скромнее, строже были тогда люди в быту. Увидеть на улице женщину с сигаретой, а тем более пьяную — редкость. Купил человек шляпу — богач! Двери наших коммунальных квартир всегда были нараспашку. С соседями жили как родственники. «Чудак,— говорят мне,— о чем вспомнил. Сейчас другое время, жить надо красиво, богато». А я не хочу так, люблю таких же «чудаков», как я, людей моего поколения. Сегодня молодежь желает многое иметь. Дочку в садик ведут в английских джинсах, мальчишке, школьнику, покупают японский магнитофон, в сервант ставят чашечку, из которой раньше царица кофе пила. «Стенки» нарасхват, машин не хватает. Не хочу никому навязывать свое мнение. Может, так и надо... Кому-то. А у меня на столе томик стихов, карта на стене, где обозначены мои пути-дороги по жизни. Друзья, люди, с которыми общался,— вот мое богатство. Я соскучился по Максиму с Выборгской стороны, мечтаю встретиться с художником, подарившим любимой миллионы алых роз, готов вступить в клуб донкихотов. А когда разбогатею, поеду на Диксон. Не один, конечно, а с любимой женщиной. Покажу ей красоту моей, нашей прекрасной необъятной России. Вот какая моя мечта.

А. СТЕПОВОЙ

Обнинск
Калужской обл.

ОТ РЕДАКЦИИ: А каково ваше мнение, дорогие читатели! Чудак ли он, А. Степовой, грузчик из Обнинска, которого согревают томик стихов и карта на стене, напоминающая о его житейских дорогах! Нравятся ли вам такие «чудаки», нет ли их в кругу ваших друзей и близких!

ЧЕЛОВЕК КРАСИТ МЕСТО

В № 22 «Огонька» было опубликовано письмо читательницы из Риги Л. Ауце, в котором она высказала свое отношение к понятию «любимая работа». Всегда ли удается человеку выбрать профессию, о которой он мечтает с детства? Нет, писала Л. Ауце, юношеские мечты не всегда сбываются, и порой человек попадает на работу малоинтересную. И тем не менее только от него, от этого человека, от его отношения к труду зависит, почувствует ли он себя счастливым, нужным людям.

Сегодня мы публикуем часть откликов, полученных на это письмо.

НЕ МОГУ БЕЗ РАБОТЫ

Наша избалованная молодежь часто ищет «любимую работу», как петух жемчужное зерно вместо того, чтобы просто добросовестно трудиться на любом месте, куда тебя поставила жизнь. Я вот с пятнадцати лет на «нелюбимой работе», как говорили в те годы, «конторская крыса». Выбирать было некогда, надо было зарабатывать на хлеб. Но работал добросовестно, со всем жаром молодости и уже в двадцать лет стал главным бухгалтером предприятия. Из нелюбимой работы эта профессия стала моей жизнью. 40 лет — мой трудовой стаж. За сухими цифрами бухгалтерских отчетов я видел жизнь предприятия, чувствовал себя нужным, необходимым. Хотя по молодости, конечно, манила профессия инженера-металлурга. Сейчас мне семьдесят, но работу не бросаю, хотя с прежнего места по состоянию здоровья пришлось уйти. Как и Л. Ауце, просто не могу без работы.

П. РУДОМЕТКИН

Великие Луки.

ГОРЬКИЕ СТРОКИ

Мне 43 года, раньше работала аппаратчицей на химзаводе, но по состоянию здоровья вынуждена была оставить эту профессию. Сейчас работаю уборщицей в студенческой столовой, работы много, особенно летом, когда приходится обслуживать еще и школьный пионерский лагерь. Но не трудности меня огорчают, а отношение окружающих. Есть люди, которые считают: раз кто-то пошел на такую неквалифицированную работу, он человек второго сорта, ни на что другое не способен. Молодые девушки-повара часто говорят мне «ты», сквернословят в моем присутствии. Да и студенты поглядывают на меня свысока. А ведь я очень много читаю, слежу за журналами, самостоятельно изучаю немецкий язык. Думается, что значимость человека не в его профессии, а в его душевных качествах, в его добросовестном труде, где бы он ни трудился.

Л. МЕДВЕДЧУК

Ставрополь.

НАША ТЕТЯ ЛИДА

Прочитали письмо Л. Ауце «Любимая нелюбимая работа», и захотелось рассказать о замечательной женщине, нашей школьной «техничке» тете Лиде, Лидии Павловне Малоштан. До войны она окончила четыре класса сельской школы. Три старших брата ушли на фронт, погиб отец, мать тяжело заболела, Лиде пришлось взять все хозяйство на свои плечи, обстирывать младших, работать в колхозе. После войны снова работа, комсомольцы совхоза избрали ее членом райкома комсомола. Потом пришлось оставить комсомольскую работу, пойти прачкой в детский сад. Дети выросли, и вместе с ними перешла в школу «техничкой». Дома тяжело болела свекровь, на пять лет парализовало мужа, инвалида войны. Но Лидия Павловна не сдается, ухаживает за всеми, воспитывает детей. Старший, Сергей, стал инженером-наладчиком, Владимир — лесотехник, Андрей — совхозный тракторист, дочь — школьница, подрастают двое внуков.

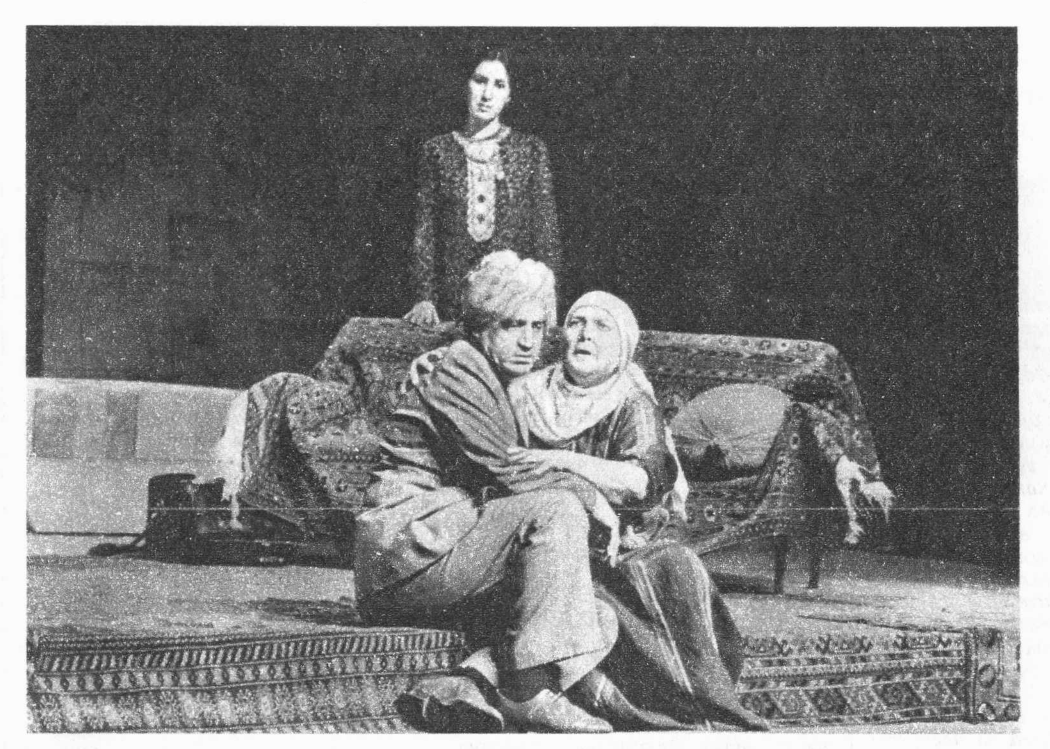
Есть чем гордиться Лидии Павловне: труд ее отмечен почетными грамотами и благодарностями, чтут и уважают ее в школе.

В конце минувшего учебного года Л. П. Малоштан пригласили на общешкольную линейку, тепло и сердечно говорили о ней учителя, родители, школьники. В ее честь сложили стихи, вручили цветы, Туапсинский райком ВЛКСМ наградил старейшего работника школы (ее стаж — 38 лет) Почетной грамотой.

Простой и скромный труд школьной «технички» был отмечен как поистине героический. Так и написала в своем сочинении «Этот замечательный человек» ученица 8-го класса Ира Ефимова.

В. ЕЛИСЕЕВА,
учительница Новомихайловской средней школы

Краснодарский край,
Туапсинский район.

Сцена из спектакля «Просто знакомый». Фото А. Иванишина

Здесь доверяют молодежи

Вновь, как и десять лет назад, на сцене МХАТа имени М. Горького проходили гастроли Туркменского театра драмы имени Молланепеса.

Вот уже более полувека театр стремится отражать в своем творчестве то, чем живет страна, родная республика; не мыслит себя без животворного влияния русской и зарубежной классики, обращается и к драматургии братских республик.

Афиша нынешних московских гастролей была представлена тремя современными национальными пьесами, сценической композицией, созданной на основе народного эпоса, и зарубежной классикой. К сожалению, мы не увидели постановок русской и советской классики (хотя в репертуаре она есть),— а без нее трудно составить полное впечатление о театре.

Гастроли открылись спектаклем А. Мамилиева «Капля воды — крупица золота» (по мотивам романа Героя Социалистического Труда Берды Кербабаева). Спектакль режиссера Аты Алавова — это своего рода поэтическое повествование об освоении пустыни, о преобразовании жизни, о силе и красоте человека. Действие происходит во время строительства Каракумского канала. На сцене — огромный песчаный бархан, преодолеть который пытаются люди, чтобы дать живительную влагу истомленной, обожженной земле. Перед нами предстают яркие образы покорителей пустыни — это начальник стройки Новченко (А. Бердыев), руководитель новой формации. Для него дело прежде всего, и он умеет глубоко проникать в суть...

Рядом ученик, инженер Бабали (Н. Аллабердыев), человек, влюбленный в свой край, хорошо знающий, какой коварной может быть пустыня.

Люди разных национальностей нашей страны собрались на строительстве канала. В трудных условиях работают они, но трудности не пригнушают, а, напротив, высвечивают духовную красоту и цельность советского человека, его умение в самых трудных ситуациях оставаться верным делу, своим товарищам.

Этот спектакль — гимн человеку-творцу. Особое звучание он приобретает сейчас, в год шестидесятилетия образования Туркменской ССР, воплотив идею нерушимого братства народов.

В годы Великой Отечественной войны вместе со всеми советскими людьми туркмены мужественно сражались против немецко-фашистских захватчиков. Закономерно в канун 40-летия Победы над фашизмом появление в репертуаре пьесы А. Агабаева «Просто знакомый».

Под умелыми пальцами старой мастерицы распускаются на ковре волшебные узоры орнамента, обрамляющие портрет солдата. Вот уже четыре десятилетия, как кончилась война, на которую проводила своих сыновей Боссан Медедова. Четверо из них погибли, защищая Родину, а один пропал без вести. И каждый день ждет старая мать своего младшего сына Арчу; надежда, что он жив, не покидает ее. И однажды в телепередаче слышит Боссан имя Арчи Медедова, ветерана Великой Отечественной войны, теперь уже народного учителя, Героя Социалистического Труда.

Наступает долгожданный день встречи матери и сына. Боссан, ослепшая от слез, горя, бессонных ночей, верит, что узнает сына по голосу. Нелегко Арче Медедову, которого волнующе играет актер Аман Курбандурдыев, решиться на встречу с Боссан; он-то знает, что не ее сын.

Через многие испытания прошел этот человек, и сердце, подорванное ими,— не выдерживает. Арча умирает, горькая весть о его смерти глубоко потрясает старую женщину... Сабира Атаева создает яркий образ, подчеркивая силу материнского духа во всем величии.

Театр постоянно уделяет внимание современной жизни, ее проблемам. Одной из недавних работ коллектива стала постановка Какаджаном Ашировым пьесы А. Мамилиева «Чужой» — острой драмы, обличающей бездуховность, стяжательство, жажду накопления, которые еще существуют в нашем обществе. Занимающийся махинациями Мухамед калечит жизнь близких ему людей и сам же становится чужим среди них. Зло, которым живет Мухамед (А. Бердыев), опасно не только тем ущербом, который он наносит государству, но еще более своим тлетворным влиянием на окружающих; иллюзией, что зло может остаться безнаказанным.

Истинной жемчужиной народного творчества является туркменский эпос «Кёроглы». Тиркиш Джумагелдыев написал по мотивам эпоса пьесу «Хармандяли», а режиссер А. Алавов поставил ее в традициях обрядово-игрового зрелища. Не все удалось создателям спектакля, но эксперимент, поиск достойны уважения.

Два года назад дебютировал в родном театре ученик А. А. Гончарова К. Аширов постановкой «Укрощение строптивой». Режиссер вместе с художником Б. Кульмамедовым выбрали простую и в то же время оригинальную сценографическую конструкцию. Центром развивающихся событий стала похожая на ринг площадка, огражденная вместо канатов изящными гирляндами из листьев. Здесь в основном и происходит стремительный поединок Катарины и Петруччо.

Прекрасен актерский дуэт Гульнабат Ашировой (Катарина) и Аннамурада Бердыева (Петруччо). Органичны, выразительны и массовые сцены. Актеры играют увлеченно, темпераментно, утверждая торжество любви и красоты.

О чем же думаешь, сводя воедино все впечатления от гастролей театра? Хорошо, что здесь доверяют молодежи — и режиссерам и актерам, заботятся об ее творческом росте, предъявляя высокие требования.

Остается только пожелать театру неуспокоенности, дальнейшего совершенствования, гражданской зрелости.

Л. НОВИКОВА

гастроли

ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ

БЛОНДИНКА И ЗВЕЗДОЧЕТ, ИЛИ ПРОСТИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ПРОБЛЕМЫ ИМЕЮТСЯ

Владимир ТИТОВ

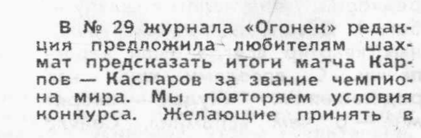
Во избежание всяких недоразумений нас предупреждают заранее, что «Блондинка за углом» — комедия эксцентрическая. Дабы, значит, мы не удивлялись, что бы там ни случилось на экране. Авторам фильма (сценарист А. Червинский, режиссер В. Бортко, производство студии «Ленфильм») нельзя отказать в предусмотрительности, ибо события в картине носят действительно цирковой характер.

Научный сотрудник Николай Гаврилович (А. Миронов) настолько отчаялся вступить в контакт с внеземными цивилизациями, что взял да и ушел из своего НИИ и подался — куда бы вы думали? — в грузчики одного из крупных универсамов.

Повод для столь крутого решения, конечно, уважительный. Тут следует во всем винить братьев по разуму из других галактик, которые почему-то никак не хотели вступать в доверительные отношения с Николаем Гавриловичем и тем самым крупно подвели нашего героя.

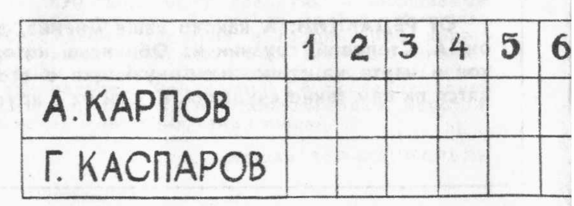
Но если с инопланетянами Николаю Гавриловичу не повезло, то на территории универсама ему сразу же сопутствует удача. Без всяких там радиотелескопов он обнаруживает в недрах подсобок сестру по разуму. И какую! Ослепительную фею, настоящую волшебницу по имени Надя (Т. Догилева), для которой в этой жизни нет никаких проблем.

И для столь удачного знакомства Николаю Гавриловичу не пришлось тратить особых усилий: стоило ему лишь застрять в бункере с луком. И тут появляется блондинка Надя, которая сперво-

КАРПОВ?

В № 29 журнала «Огонек» редакция предложила любителям шахмат предсказать итоги матча Карпов — Каспаров за звание чемпиона мира. Мы повторяем условия конкурса. Желающие принять в

	1	2	3	4	5	6
А. КАРПОВ						
Г. КАСПАРОВ						

начала приняла новенького за алкаша, а потом, узнав, что перед ней ученый, интеллигент, тут же в него влюбилась и за считанные часы доказала бывшему ученому, а ныне грузчику из универсама, что зря он столько лет искал братьев по разуму на небе, что и на нашей грешной планете можно жить припеваючи, если ты работаешь в торговле и у тебя кругом друзья и знакомые.

Блондинка Надя не зря повторяет свою любимую присказку: «Нет проблем». Для нее действительно их нет: ведь у нее все «отовариваются». Демонстрируя свое всемогущество, она в течение нескольких часов наносит экс-звездочету серию сокрушительных нокдаунов, от которых у того темнеет в глазах. Во-первых, к универсаму подъезжает роскошный то ли «форд», то ли «кадиллак», за рулем которого молчаливый, как монумент, брат Нади — «крокодил Гена». Несмотря на внешность громилы, он послушен и кроток, как теленок, и беспрекословно выполняет любой каприз обожаемой сестры.

Не успел наш герой оправиться от первого удара, как блондинка Надя наносит ему второй: в квартире Николая Гавриловича и его наивных и излишне словоохотливых родителей холодильник пуст и буквально нечего поставить на стол. Но тут волшебница из универсама произносит свое любимое «нет проблем», и по ее знаку невозмутимый «крокодил Гена» извлекает из фирменной сумки такие яства и напитки, что у Николая Гавриловича и его родителей разбегаются глаза. Несмотря на свою наивность, они, надо полагать, все же догадываются, что все это добыто откуда-то из других, более объемных холодильников, через черный ход. Однако они набрасываются на виски и копчености с жадностью изголодавшихся подростков.

Но на этом Надино гала-представление не кончается: на том же «форде» или «кадиллаке» они отправляются на богослужение, где площадь перед церковью напоминает светский раут «деловых людей», потом — в роскошную сауну, где блондинка Надя демонстрирует в танце привлекательные формы своего тела, после чего изрядно подвыпивший звездочет оказывается на лопатках! Он без ума от своей блондинки, от тех ослепительных перспектив, которые она нарисовала ему: трехкомнатная квартира или даже особняк в центре города, выступление по телевидению, туристическая поездка в Африку, общение с известными писателями и художниками и т. д. Николай Гаврилович забывает и своих инопланетян, и свои высокие нравственные принципы, и то прискорбное обстоятельство, что имеет дело с примитивной торгашкой, с вульгарной, смешной в своей суетности мещанкой. Причем это перерождение ученого — бессребреника, человека не от мира сего в мужчину-содержанку происходит буквально в считанные часы. И хотя авторы предупредили нас, что комедия эксцентрическая и, мол, всякое может быть, мы все же не в силах скрыть своего удивления. Тем более что авторы не успокаиваются на достигнутом и ошарашивают нас все новыми и новыми эксцентрическими сценами.

Ну, взять хотя бы свадьбу. Ах, какая это свадьба! Тут «подавали осетра ростом с жениха», тут веселится весь полуподпольный мир специалистов по добыче дефицита, целое сборище гротесковых персонажей... Наш звездочет настолько наивен, что даже не задумывается над элементарным вопросом, на какие шиши его подруга отгрохала столь роскошное свадебное шоу. Но стоило ему узнать от вошедшего в банкетный зал бывшего сослуживца, что его работы по контакту с внеземными цивилизациями не столь уж безнадежны, как наш герой из сутенера снова перерождается в бескорыстного ученого.

Перерождение это тоже облечено в эксцентрическую форму. Николай Гаврилович гневно срывает, надо думать, купленный Надей костюм, швыряет его ей в лицо и бежит в одних трусиках от своей невесты по утренним улицам Ленинграда. Невеста — в такси и за ним: «Ну, что я сделала не так? Ну, прости, Коля!»

Действительно, что она ему сделала: и виски поила, и копченостями кормила, и в «форде» катала, и в сауну водила... А какую свадьбу закатила? Ах, неблагодарны эти научные сотрудники!

Наде очень жаль своего жениха: ведь радиотелескоп, нужный ему для дальнейшей работы, находится где-то в Арктике, а для тамошних морозов жених ее экипирован не самым подходящим образом. Да и бежать далековато... Не лучше ли самолетом, тем более что и в кассах Аэрофлота у нее наверняка есть «свой человек», так что с билетом «никаких проблем»...

Комедия есть комедия. И у меня вовсе нет намерения лишить авторов фильма права на гротеск, на преувеличения, на комедийную условность. Пользуйтесь на здоровье, только не во вред жизненной правде и в конце концов здравому смыслу.

Нет, не напрасно авторы фильма устами А. Миронова всячески извиняются перед зрителем и выражают опасение, что их могут неправильно понять. Опасения их вполне реальны. Поскольку авторы и сами чувствовали, что переборщили по части фантасмагории.

Вроде все, как в кино. Есть и красивая блондинка и красивый брюнет, есть злодеи-блатмейстеры. Даже прекрасная музыка И. Шварца есть.

Только вот сатирической комедии нет. И собственно сатиры — тоже. Есть шоу, яркое и местами остроумное. С музыкой и танцами. Есть претензия заклеймить мещанство, делячество, бездуховность.

Но заклеймения не получилось. Ибо зло, против которого авторы восстают, подано в конфетно-красивой обертке. В образе внешне хотя и грубоватой и умственно ограниченной, но очаровательной Нади оно, это зло, оказывается вовсе не так уж и страшно. Оно не вызывает гнева. А должно бы...

Возможно, авторы фильма исходили из самых лучших побуждений в своем желании осмеять полуподпольный мир деляг, где только потребляют материальные и духовные ценности, а не создают их. Что ж, это серьезная тема. Только говорить о ней надо, не бия в бубен и приплясывая, а с гражданской болью и гневом.

Можно только сожалеть, что этого не поняли в кинопрокате, который в надежде на хорошую прибыль пустил фильм наипервейшим экраном и щедро тиражировал его. Стоило ли так умиляться далеко не типичными типами, для которых в жизни «нет проблем»?

Да нет, проблемы имеются... В том числе и в современном кинематографе, когда серьезные проблемы сводятся к пошлому, мещанскому зубоскальству.

КАСПАРОВ?

нем участие должны ответить на три вопроса:

1. Сколько туров сыграют шахматисты?

2. Как будет протекать борьба по турам?

7	8	9	10	11	12	13	...	ИТОГ

3. Кто победит и с каким счетом?

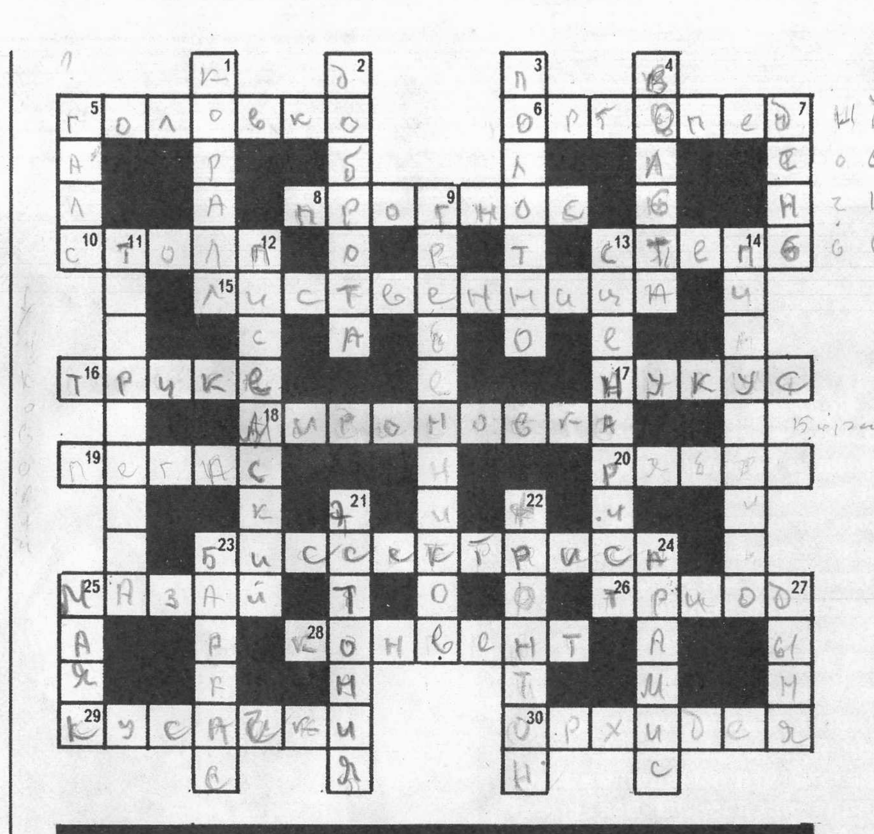
Как известно, матч будет продолжаться до шести побед одного из гроссмейстеров. Ничьи не учитываются.

Абсолютный победитель конкурса получит специальный приз и годовую подписку на журнал «Огонек» с приложением. 10 участников, наиболее точно угадавшие ход матча, будут награждены специальными призами.

Свои ответы следует отправлять по адресу: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, «Огонек». На конверте необходимо поставить название конкурса: «Карпов или Каспаров?»

Последний срок отправки писем — 9 сентября 1984 года (согласно штемпелю на конверте).

«Огонек» желает успеха всем участникам шахматного конкурса.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Советский военачальник, адмирал. 6. Врач. 8. Советский искусственный спутник Земли для изучения солнечной активности. 10. Стихотворение В. В. Маяковского. 13. Повесть А. П. Чехова. 15. Сибирское хвойное дерево. 16. Действующее лицо в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин». 17. Столица автономной советской республики в составе Узбекистана. 18. Город в Киевской области. 19. Животное семейства оленей, обитающее в лесах Индии. 20. Лесная птица. 23. Линия, делящая угол пополам. 25. Герой одного из детских стихотворений Н. А. Некрасова. 26. Электронная лампа. 28. Высший законодательный и исполнительный орган Первой французской республики. 29. Разновидность щипцов. 30. Тропический цветок.

По вертикали: 1. Неподвижное морское животное, полип. 2. Душевное качество. 3. Ткань. 4. Река в Западной Африке. 5. Курс судна относительно ветра. 7. Часть суток. 9. Химик-технолог, один из основателей производства оптического стекла в СССР, академик. 11. Керамические изделия. 12. Русский писатель XIX века. 13. Кинодраматург. 14. Итальянский художник, представитель раннего Возрождения. 21. Союзная советская республика. 22. Декоративная треугольная верхняя часть фасада здания. 23. Гребная шлюпка в военно-морском флоте. 24. Один из героев романа А. Дюма «Три мушкетера». 25. Навигационный ориентир в виде башни. 27. Бахчевое растение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

По горизонтали: 6. «Тачанка». 9. Цилиндр. 10. Самосуд. 11. Кубрик. 15. Плакат. 16. Усилитель. 17. Кастор. 19. Енисей. 21. Скорпион. 22. Источник. 24. Оцелот. 27. «Еретик». 30. «Калистрат». 31. Дневка. 32. Рюкзак. 35. Селенга. 36. Юстиция. 37. Доронин.

По вертикали: 1. «Утро». 2. Заманиха. 3. Часы. 4. Дикуша. 5. Диорит. 7. Бовари. 8. «Шурале». 12. Куропатка. 13. Чистополь. 14. Режиссура. 15. Пьезометр. 18. Сукре. 20. Свифт. 23. Рустамов. 25. Цандер. 26. Левзея. 28. Евклид. 29. Италия. 33. Лада. 34. Июнь.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Алена Шаломова — танцовщица из Государственного академического ансамбля народного танца «Жок». (См. в номере материалы, посвященные 60-летию Молдавской ССР.)

Фото Н. Козловского

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Любимец буровой. (Всесоюзная выставка «Фотообъектив и жизнь».)

Фото С. Губского (Москва)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 06.08.84. Подписано к печати 21.08.84. А 00407. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 719 000 экз. Изд. № 1725. Заказ № 3218.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

...Из десяти тысяч

Недавно закрылась Всесоюзная выставка «Фотообъектив и жизнь». Около двух месяцев любители фотографии «штурмовали» Манеж — самый большой выставочный зал Москвы.

Успешно прошедшую выставку посетили свыше 200 000 человек. Это, конечно, успех. Я был участником многих предыдущих выставок и с уверенностью могу сказать, что нынешняя экспозиция превзошла все предшествовавшие. Казалось, что организаторы сами соскучились по хорошим фотовыставкам и сделали все, чтобы показать, чем богата наша «фотографическая держава».

Из 10 000 фотографий жюри выбрало около двух тысяч. Оно представило нам 780 авторов и, что самое примечательное, любители на равных выступали с профессионалами. Порой поражая и радуя меня своим проникновением в целинные для фотографов аспекты нашей жизни.

Мне хочется в этой маленькой заметке предоставить слово посетителям выставки. Вот некоторые записи из книги отзывов:

«Как прекрасно, что наблюдательный взгляд фотографа-художника заставил нас по-новому взглянуть на такие разные страницы нашей жизни» (студент МТТИ).

«Спасибо! Я увидел большой мир человека».

«Выставка великолепна! Как прекрасно показана земля и человек на ней. С чувством гордости за наш народ смотришь на фотографии военных лет. Единственно, чего не хватает сейчас людям,— это покоя и мира...» (участник Отечественной войны Александрова).

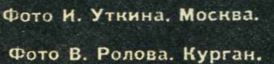
А. П. Ермаков записал: «Большое спасибо! Это нужно видеть!»

Мы печатаем некоторые фотографии с этой выставки. Постараемся продолжить их публикацию для тех, кто «этого не видел».

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ

Тренирует Гомельский. Фото И. Уткина. Москва.

Спортивная тройка. Фото В. Ролова. Курган.

Трио. Фото Г. Андреева. Москва.

Последние шарманщики. Фото В. Руйковича. Москва.

Бригадир. Фото В. Шишкоедова. Челябинск. ▶

Индекс 70663
ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.